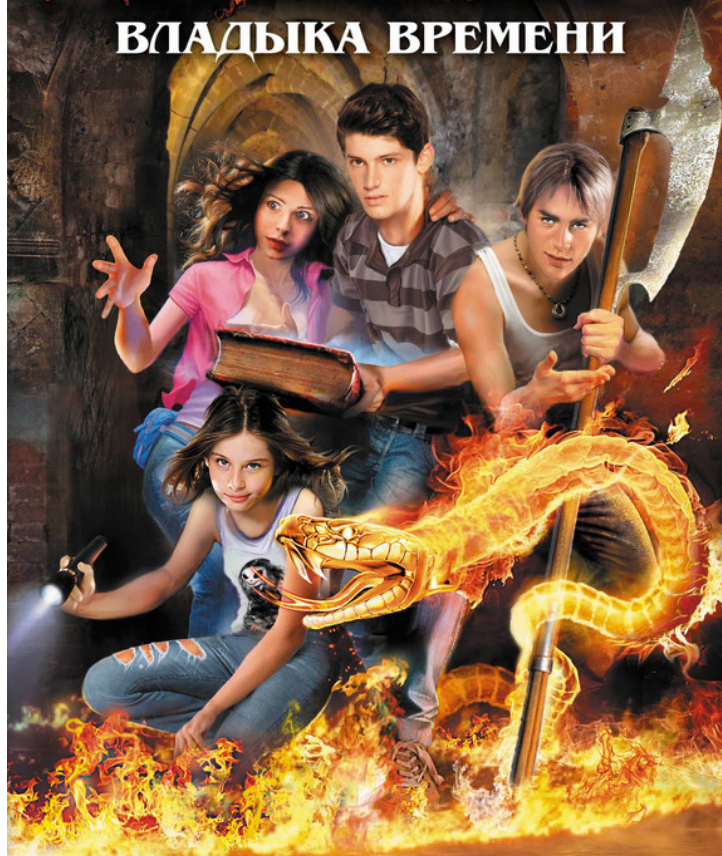

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

ВЛАДЫКА ВРЕМЕНИ

Екатерина Александровна Неволина
Владыка времени
Серия «Похитители
древностей», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3938865

Неволина Е. А. Владыка времени: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57902-0

Аннотация

Их четверо, и они должны найти Либерию – загадочную библиотеку Ивана Грозного, среди манускриптов которой находится бесценная Велесова книга, написанная языческим богом и несущая как добро, так и величайшее зло. Обладатель книги сможет не только повелевать временем, но и прочесть будущее. Однако найти библиотеку не так просто, ее охраняют стражи, не ведающие страха и жалости, готовые на все, лишь бы сохранить могущественную древность в тайне.

Содержание

Глава 1	17
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	57
Глава 5	69
Глава 6	89
Глава 7	105
Глава 8	127
Глава 9	146
Глава 10	160
Глава 11	175
Глава 12	189
Глава 13	209
Глава 14	221
Глава 15	241
Глава 16	253
Глава 17	267
Глава 18	284
Глава 19	313
Глава 20	329

Екатерина Неволина

Владыка времени

Над ночной Москвой бушевала гроза. Казалось, Господь решил, что семи тысяч семидесяти девяти лет вполне достаточно для существования сотворенного Им мира. Ветвистые молнии раскалывали небо, на мгновение заливая все мертвенно-белым светом. Поверхность реки вскипела от обрушивающихся на нее струй воды. Улицы превратились в бурлящие речки, а переулки в ручьи. Люди за стенами боярских теремов и простых кособоких избенок со страхом прислушивались к гневу стихии, благодарили Господа за то, что находятся под крышей, и молились, чтобы миновал их Гнев Господень, не ударила в дом стрела огненная. Все сравнивались перед безумием природы: богатые и бедные, щедрые и скупые, добродушные и злые.

Стрельцы, стоявшие у Боровицких ворот, переживали грозу, набившись в караульную комнату, и даже старый и строгий десятник не возражал, позволяя им это послабление.

— Разверзлись хляби небесные... — он выкрутил насквозь промокшую шапку и принял из заботливых рук подчиненных ковш с горячим сбитнем. — Как бы мост на реке не снесло.

Вдруг грянул оглушительный раскат грома. Неесте-

ственно сильный режущий порыв ветра ворвался в бойницу и сорвал пламя с факелов на стенах. Огонь в небольшой жаровне полыхнул, ослепив всех на мгновение, и испуганно погас. В наступившей тьме и тишине несколько глухих ударов сотрясли дверь караулки.

То, что стучали с внутренней стороны, из города, ничуть не успокаивало: кому-кому, а врагу человеческого крепостные стены не помеха.

– Отворяй! – раздался голос, больше похожий на рык, чем на человеческую членораздельную речь.

Кто-то ойкнул, кто-то выбранился по-черному. Федор, молоденький стрелец из ярославских поповичей, затыкнул псалом «Да воскреснет Бог...», залязгало железо сабель и бердышей¹.

– Отворяй!! – Дверь затряслась, как будто в нее ударили тараном.

– Тихо! – рявкнул десятник. – А ты, попович, продолжай.

Трясущимися руками старший извлек из металлической трубочки тлеющий трут. Нашел на ощупь пищаль, направив ее в сторону содрогающейся под ударами двери. Он был под Казанью и Дерптом, выжил под Судбищами, где кони ходили по бабки в крови², и не боял-

¹ *Бердыш* – топор с широким лезвием, надетым на длинное древко.

² Сражение между шеститысячным русским войском под командованием И.В. Шереметьева против шестидесятитысячной крымско-турецкой армии. В результате татары вынуждены были отступить.

ся никого из живых. Но кто же приходит такой ночью и требует отворить ему двери.

– По моему знаку... – скомандовал десятник, негромко лязгнул хорошо смазанный засов.

Дверь распахнулась. Вспышка молнии озарила комнату и того, кто стоял на пороге. Охнул и перестал читать псалом Федор, а старший не знал, стрелять ему, креститься или встать навтыжку.

Перед стрельцами предстал думный дворянин, верный человек государев Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известный как Малюта. Мокрый до нитки, под черным налатником тускло мерцают пластины юшмана³. В бледном свете молнии его кожа отливала синевой, а лицо показалось десятнику раздутым, как у утопленника.

– Отворяй! – уже не прорычал, а прошипел страшный гость.

Долг взял верх над страхом.

– Что встали, ироды! – заорал десятник. – Зажечь факелы! Открыть ворота государеву человеку!

Застонала, поднимаясь, кованая решетка, заскрипел засов. Обдавая стрельцов брызгами из-под копыт, пронеслись мимо опричники, похожие в ночи на ожившие сгустки мрака.

– К государю, под Серпухов поехали, с татарами

³ Юшман – вид доспехов с закрепленными на груди крупными пластинами.

биться, — заметил один из стрельцов.

Десятник долго смотрел в ночь, где вскоре растворился уехавший отряд. «Дурная примета, — решил он, — видать, не жилец Григорий Лукьянович на этом свете. Да и с крымцами, похоже, худо будет». Поразмыслив, опытный воин решил завтра же отправить жену с маленьким сыном к родне, под Кострому.

Когда отряд отъехал от ворот, Малюта приказал сбавить ход. Дорогу развезло. Не хватало еще, чтоб какой-нибудь конь поскользнулся и переломал ноги. И не дай Господь, если это будет одна из двенадцати лошадей, навьюченных тяжелыми сундуками.

С отрядом, помимо опричников, ехали тринадцать холопов, лично тщательно отобранных среди государственной дворни Скуратовым. Послушных, не великого ума, но таких, которых никто не хватится. На них опричные черные плащи с капюшонами, но днем любой, даже невнимательный наблюдатель заметил бы, как неловко ездоки держатся в седле. Слева от Скуратова ехал полный чернобородый человек с добродушным и располагающим выражением широкого лица, на которое, Малюта знал, купилось немало народу. В то же время чернобородый вызывал у Малюты тягучее и тошкливое ощущение ужаса. Чего один взгляд стоит. Посмотрит — до нутра прожжет!

«Ну и компания, ну и погодка! Поскорей бы доехать!» — думал Скуратов, ежась под жгучими, словно плети,

дождевыми струями.

– Уже по мосту едем, Григорий Лукьянович, скоро будем.

Малюта вздрогнул, неужели чернобородый и впрямь умеет читать мысли. Копыта застучали по дощатому настилу наплавного моста, ведущего на другой берег Москвы-реки.

– Осторожнее, коней берегите, – прикрикнул Скуратов еще раз, и отряд свернул направо, к широким воротам усадьбы.

Малюте меньше всего хотелось приводить эту нечисть к себе. Но чего только не потребует государева служба, а долг – превыше всего.

Во дворе опричники спешили и, не входя в дом, направились к неприметному, невысокому деревянному строению, не то овину, не то курятнику. Отворилась ветхая дверь, запалили факелы и дорогие фонари со слюдяными стенками.

Крыша строения, по счастью, была крепкой. Малюта вытер широкой ладонью лицо, по которому ручьями стекала вода, и, выйдя на середину помещения, командовал: «Здесь!»

Несколько половиц легко поднялись, и взглядам открылась ведущая вниз каменная лестница. Он еще раз огляделся: семь опричников, тринадцать холопов, чернобородый – все, кто выехал с ним в эту ненастную ночь из Кремля, никого лишнего.

Проход перегораживала металлическая дверь, запертая огромным замком, который Малюта отпер не менее внушительным ключом, висевшим у него на поясе. Из подземелья дохнуло сыростью и непонятным сладковато-гнилостным запахом.

Низкий свод нависал над головами, с него стекали тягучие черные капли. Стены прохода настолько узкого, что местами приходилось буквально протискиваться, казалось, старались сойтись еще ближе, раздавить, запереть людей. Идти пришлось гуськом. Сундуки тащили за кольца, вделанные в торцевые стенки. Один человек спереди, другой сзади.

Еще дверь, еще один замок, и взглядам открылась большая квадратная комната, освещенная факелами, с зарешеченными клетями по периметру.

Опричники выпрямились, вздохнули вольнее и тут же испуганно сбились в кучу. Вой, рев, проклятия летели из-за решеток камер. Какие-то странные, лохматые, отдаленно похожие на людей существа трясли прутья, бранились, умоляли, просто вопили что-то нечленораздельное. Чистенький, аккуратный старичок, примопившийся на табурете в одном из углов, вскочил, выхватил из жаровни кочергу и побежал по периметру комнаты, утихомиривая своих разбушевавшихся постояльцев. После низко поклонился Скуратову и жестами показал, что все, мол, в порядке.

Малюта вздохнул – насколько проще сейчас было

бы безоружным остаться против всех этих изменников и лютых врагов, что государь поручил его особому надзору, чем делать то, зачем был послан. Но выбирать не приходилось, и он прошел к следующей двери.

Спустя несколько коридоров и спусков звуки окончательно стихли. Тишина, казалось, желанная после криков и воплей, не принесла облегчения. Она вязко сомкнулась вокруг людей, обтекая, поглощая их, заполняя собой все мысли.

— Душно-то как, — пытаюсь скрыть страх, сказал один из опричников.

Грохот пронесся по узкому коридору. Кто-то из холопов нечаянно выпустил кольцо сундука, и Яков Генден, опричник из немцев, сдержанный, спокойный, не любящий поганить язык, вдруг обложил его самыми отборными ругательствами. Люди сгрудились в коридоре, не решаясь тронуться дальше.

— Пошли. — Малюта тщательно взвел замок дорогой колесцовой пистолы, поднял фонарь, насколько позволял низкий потолок, и едва успел сложить пальцы для крестного знамения, как почувствовал холодную, даже через наруч, войлочный подбой и рубаху, хватку пальцев чернобородого, шедшего следом.

— Не надо этого, боярин, — тихо и ласково прошептал тот, — не шуми. Не то привлечешь внимание кого-то из обитателей сих «чертогов райских», ни крест, ни пистоль тебе не помогут. А если боишься, давай я вперед

пойду.

Опричник повел плечом, стряхнул с руки чужие пальцы и медленно, осторожно двинулся вперед. Стены и пол коридора изменились, теперь они были выложены не кирпичом, а крупными, почти в рост человека, грубо обтесанными камнями. Казалось, воздух стал жарким и плотным, а промокшая насквозь под ливнем одежда вдруг высохла и жесткой коркой прилепилась к телу. Малюта вытащил из-за пояса большой цветастый платок и принялся утирать обильно струящийся по лицу пот.

– Жарко тебе, – прошептал ему на ухо таинственный спутник, – потерпи. Сам знаешь, к каким местам мы сейчас близко.

Очередная, преградившая им путь, обитая листами металла дверь не имела ни замка, ни скважины для ключа. Закрыв ее собой от любопытных взглядов, опричник нажал на заклепки в установленном порядке. Первые мгновения ничего не происходило, но вот где-то за стеной зажурчала вода, зазвякало железо, и дверь медленно отошла в стену, открывая взгляду блестящие металлические полозья и зияющий тьмой коридор.

Малюта занес ногу, собираясь сделать шаг. И застыл. Опричника будто ударило в лицо молотом. Он захрипел, пытаясь пошевелиться. Чернобородый за его спиной сделал небрежное движение рукой, будто от-

талкивал кого-то. Внезапно освободившийся Малюта с размаху растянулся на плитах коридора, едва сумев не разбить фонарь.

Колдун помог ему подняться на ноги.

– Иродово племя! – прошипел Малюта. – Государю вас всех разом сжечь следовало. Глядишь, не навалилось бы на нас столько бед.

– Поздно уже, голубчик, сделанного не воротишь. Мы люди скромные, царю-батюшке полезные. А ты не пугайся, это они тебя помнят, все семь раз по семь, кого ты тут лежать положил. Сердятся. – Чернобородый рассмеялся веселым бесшумным смехом.

– По твоему же наущению!

– Не по моему наущению, а по государеву приказу, для пользы дела. Ну, хватит. Вон люди на нас уже смотрят.

За дверью и коротким извилистым коридором обнаружился очередной зал, сухой, просторный, со сводчатым потолком. Пол был причудливо изборозжден пересекающимися канавками.

– Сундуки сюда вот, у стен, а вон тот в середину, – велел Скуратов.

Пока холопы устанавливали сундуки, Малюта то-скливым взглядом окинул стоявших в стороне опричников. «Молодцы один к одному, снаряжены, как на тяжелый бой. Лучшие ведь из лучших здесь, и верные и умелые. Прости нас, Господи, за то, что творим!» Не

торопясь подошел к ним, заговорил негромко:

– Ну что ж, братья, помните, что надо делать? – дождавшись утвердительных кивков, продолжил: – Смилуйся над вами Господь. В Волоцком монастыре вечно за вас молиться будут. Службы вашей царь не забудет, нету ее превыше.

По его сигналу опричники быстро связали холопов, заткнули рты припасенными тряпицами.

– На пол кладите их, – засуетился колдун, – а сами вдоль стен, на сундуки ложитесь. – Он сноровисто влезал в вывернутую наизнанку черную рясу, надевая ее задом наперед.

– Одежду нашу священную поганишь! – взревел Малюта.

– Так то ж для дела, Григорий Лукьянович. Посмотри вокруг. Вот то, что сильнее любых полков, дороже золота – знание, премудрость. Она народами движет, землями повелевает. Полки в боях истают, золото закончится, а это останется. Неужто ты хочешь, чтобы это врагу цареву или изменникам досталось?! А защита моя крепкая, не сомневайся!

Опричник не ответил.

Пыхтел, готовился колдун, кто-то из холопов, дождавшись об уготованной ему участи, истошно завывал, даже сквозь кляп было слышно.

Скуратов отвернулся.

Когда чернобородый закончил, Малюта подошел к

лежавшим у стены на сундуках телам. Лица мертвых посерели и заострились. Вместе с тем он не мог отделаться от ощущения, что вот сейчас они откроют глаза. О том, что тогда случится, и думать не хотелось.

— Григорий Лукьянович! — крикнул от двери колдун. — Давай! Пора!

Осторожно, старясь не наступить в кровавые лужи на полу, опричник подошел к сундуку, вытащил длинный и изогнутый стержень странной формы. Отвернувшись, на ощупь вставил его в замочную скважину, повернул. И, откинув крышку сундука, не оборачиваясь, бросился к выходу, чувствуя спиной страшную, заворачивающую силу. Впереди слышался скрежет закрывающейся двери.

Он успел в последний момент. Протиснулся, царапая пластины доспеха об косяк, и обессиленно сполз на пол.

— Силен ты, Григорий Лукьянович! Успел-таки, не затянуло тебя! — Чернобородый колдун радостно приплясывал, держа в руке факел. — Мы с тобой еще послужим государю. Мы тех татар...

В пустом помещении оглушительно громко хлопнул выстрел. На рубахе колдуна проступило красное пятно.

— Зря ты так, — начал было он. Вдруг глумливая ухмылка на его лице сменилась испугом и растерянностью, ноги подкосились.

– Это не свинец, – прохрипел Малюта, – не ты один чародействовать умеешь. Сам тут и посторожишь, для верности. – Он поднялся, цепляясь за стену, вытащил из ножен саблю с широкой елманью⁴ и с оттягом рубанул прямо поперек черной бороды.

В тот момент, когда колдун падал, забрызгивая одежды Скуратова густой темной кровью, Малюта вдруг увидел в темноте коридора человеческую фигуру. Опричнику показалось, будто перед ним парнишка в странной, ни на что не похожей одежде.

– С нами крестная сила! – широко перекрестившись, пробормотал Скуратов.

Никого. Коридор по-прежнему пуст и безлюден. Малюта снова перекрестился, уже успокаиваясь, уверенный, что нечести ни за что не совладать с крестным знаменем, и, засучив рукава, приступил к неприятной, но необходимой работе...

А гроза все продолжалась.

Ночные, бурные воды Москвы-реки вдруг осветились вспышкой, как будто лучи солнца в яркий полдень заиграли на воде.

⁴ *Елмань* – расширение на конце сабли для большей силы удара.

Глава 1

Фея весенних грез

Солнце растекалось по воде, зажигая в ней тысячи искорок.

Глеб стоял у парапета на набережной Москвы-реки.

Конец мая выдался удивительно теплым, вокруг царило настоящее лето, а небо было синим-синим, без единого облачка. Однако Глеб не смотрел на красоты природы, не любовался игрой солнечных лучей в едва подернутой легкой рябью водной глади, не следил, как чутко подрагивает под ласковым ветерком юная, еще клейкая и нежная листва. Его взгляд был устремлен на Патриарший мост, где у большого мольберта стояла тоненькая девушка.

Художница была очень молода, лет шестнадцати, и, безусловно, необычайно хороша – не холодной красотой мраморной статуи, но живой, теплой красотой юной, едва расцветшей девушки. Ее рассыпавшиеся по плечам пышные волосы темно-рыжего цвета казались охваченными пламенем, тонкая бледная, как у всех рыжеволосых, кожа не имела ни единого изъяна, большие ярко-синие глаза как нельзя лучше соответствовали тону сегодняшнего неба. Даже немного большеватый нос с легкой горбинкой вовсе ее не портил.

Одета девушка была просто, но со вкусом: белоснежный топик, светлые летние джинсы и белые легкие балетки.

Художница увлеченно рисовала, иногда хмуря тонко очерченные брови и подолгу вглядываясь в игру солнечных переливов.

Глеб смотрел на нее как замороженный. Уже третьи выходные подряд он приходил сюда и наблюдал за чудесной незнакомкой, не решаясь подойти к ней. Нет, он был не из робкого десятка и не боялся никого. Он умел разговаривать с людьми, был красноречив и убедителен. Но это – совсем иной случай. Тоненькая девушка с мольбертом казалась ему феей, пришелицей из волшебной страны. Совершенно не такой, как остальные люди. Глеб завидовал земле, по которой она ступала, траве, которая бесстыдно льнула к изящным девичьим щиколоткам, солнечному лучу, касающемуся нежной кожи щеки.

Он придумывал о ней разные истории. Десятки самых необычайных историй, в которых незнакомка оказывалась то феей, то существом, прилетевшим с далекой прекрасной планеты, то ожившим божеством.

Он давно не верил в сказки. Слишком рано пришлось повзрослеть, слишком многое увидеть, но тут...

Меж тем фея подняла взгляд от своей картины и, посмотрев прямо на Глеба, улыбнулась.

Ну конечно, она не могла не заметить его, когда он

стоит соляным столбом и пялится на нее, как на восьмое чудо света. Глеб почувствовал, что на щеках выступает румянец. Это было так ново, так необычно и так волнительно для него!..

Но пора наконец сделать шаг навстречу мечте.

Сердце бешено тарабанило в грудную клетку, словно прося выпустить на волю, в голубое безоблачное небо.

Глеб приблизился к девушке и остановился.

Она подняла на него сияющие глаза.

– Привет, – выговорил он немного хрипло.

– Привет, – она опять улыбнулась – очень солнечно.

От этой улыбки сердце опять подскочило. И вправду волшебница.

«Соберись, – одернул себя Глеб. – Ну представь, что она – это вовсе не ОНА, а обыкновенная девчонка. Ну, к примеру, такая как Саша». Мысль о том, что рыжеволосая красавица такая же, как учащаяся вместе с ним Александра, показалась Глебу смешной и невероятной, но он все же, наконец, смог взять себя в руки.

– Прости, ты, конечно, уже думаешь, что я иностранный шпион и знаю только одно русское слово, – пошутил он, улыбнувшись в ответ. – На самом деле это вовсе не так. Просто ты мне очень-очень понравилась.

Самое главное он сказал, Глебу вдруг стало гораздо легче.

– Правда? – Глаза девушки широко распахнулись. –

А я думала, тебя наняли, чтобы следить за мной! – отшутилась она. – Я тебя еще две недели назад заметила. Уже боялась, что ты не подойдешь, и придется действовать самой.

– Как действовать? – Глеб скосил глаза на ее мольберт: хаос разноцветных пятен, пока еще не складывающийся в общую картину, но, пожалуй, взгляд у художницы верный и способности есть.

– Подойти самой, конечно! – она засмеялась.

Глеб рассмеялся в ответ, и все сразу стало легко.

– Кстати, я Глеб, – немного запоздало представился он.

– А я Оля.

И вскоре они уже шли по набережной. Глеб нес мольберт, вовсе не чувствуя его тяжести, и увлеченно рассказывал.

– Вон там, где сейчас храм Христа Спасителя, во времена царя Иоанна Грозного стояли палаты, занимаемые Опричным приказом. Помнишь из истории – опричники были, как сказали бы сейчас, личной гвардией и полицией царя. Они, исполняя его приказы, отыскивали изменников и расправлялись с ними. Задумка, может, и неплохая, а на деле, как всегда, вышло довольно скверно. Позавидует, скажем, опричник знатности и богатству боярина – объявит его изменником, самого убьет, а имение разграбит. В общем, много крови было тогда пролито. Особенно, говорят, Малюта

Скуратов лютовал. Его владения, кстати, вон там, на другом берегу реки были... А потом, когда опричников, в свою очередь, кого казнили, кого прочь прогнали, на месте Опричного приказа монастырь женский построили. Потом уже, в девятнадцатом веке, здесь же решили храм в благодарность за спасение от наполеоновского нашествия построить и женский монастырь приказали разрушить. А настоятельница тогда приковала себя к стене и прокляла это место страшным проклятием: мол, не стоять здесь ничему. Так и было – недолго простоял новый храм, в советские годы его до основания разрушили. Но теперь вот заново отстроили... И все-таки есть здесь что-то, от чего мне каждый раз становится не по себе.словно сквозняк...

Девушка поежилась, будто тоже почувствовала дуновение холода, о котором говорил Глеб.

– А ты веришь в проклятия? – спросила Оля, глядя на сияющие под солнцем купола.

– Нет. – Глеб решительно покачал головой. – Хотя, знаешь, на свете есть многое, что люди пока объяснить не могут.

В этот солнечный безмятежный день, рядом с Ольгой, он не хотел верить ни во что плохое. Жизнь казалась ему упоительной сказкой. Легкой и волнующей, как Ольгины духи, прекрасной, как ее улыбка.

– Так нечестно! Зачем тогда меня пугаешь?! – возмутилась она.

– Я не пугаю, я интригую, – ответил он, – многие любят страшные истории. А ты нет?

– Я... – Ольга задумалась, – наверное, не очень. Я веселое люблю. И мороженое, – добавила она, глядя на летнюю палатку.

– Отличная идея! – поддержал Глеб. – Пошли выберем.

Они прогуляли до самого вечера, а потом, в легких майских сумерках, он провожал ее домой, читая стихи.

Из тени в свет перелетая,
Она сама и тень и свет,
Где родилась она такая,
Почти лишенная примет?.. —

читал он Арсения Тарковского.

– Ты необыкновенный, – выдохнула Ольга, когда они стояли у подъезда большого, сталинской постройки, дома. – Никогда не встречала таких парней!

Сладко пахло черемухой, и все вокруг казалось таким ослепительно прекрасным, что у Глеба приятно заныло сердце.

Он едва поверил, когда позади послышался глумливый голос.

– Ого, вы только полюбуйтесь на этого залетного гуся!

Глеб резко оглянулся. Трое парней самого что ни на

есть бандитского вида – бритые и широкоплечие, – ухмыляясь, стояли перед ним.

– Чё молчим? От страха в штаны наложил! – заржал один из парней, видимо, бывший у них за лидера. – Нечего по чужим дворам шататься, чужих девчонок клеить!

Ольга сжала локоть Глеба.

– Все нормально, ребята, – примирительно сказала она. – Он уже уходит, у вас нет причин для ссоры.

– Правда, что ли, принцесска? – лидер протянул лапу с коротко, под мясо, подстриженными ногтями и приподнял лицо Ольги за подбородок. – Хорошо, мы его отпустим, только с условием. У нас одно малюсенькое, но приятное условие! Правда? – Он подмигнул своим дружбанам, и те радостно заржали. – Пусть принцесска нас поцелует!

Бритоголовый дурашливо сложил губы трубочкой и зачмокал, изображая поцелуй.

Глеб смотрел на трех крепких парней, и где-то в глубине, за пределами сознания, рождалось липкое, отвратительное чувство страха. Он уже видел таких. Память услужливо вырисовывала картинку...

Грязный двор, слежавшиеся серые кучи старого полурастаявшего снега, кирпичная стена, и четверо, обступившие худого невысокого мальчишку.

– Ну что, малец, мы научим тебя уважать старших!

Самому старшему из них было восемь. На два года

больше, чем Глебу.

Глеб сжал кулаки, отыскивая взглядом палку или кирпич. Как назло, поблизости ничего...

– Я вам всем покажу! А мой отец вас всех побьет! Вы знаете, кто мой отец?

Мальчишки захохотали.

– Никто! – закричал один из них, состроив рожу. – Нет у тебя отца! Нет и никогда не было! – И изо всех сил ударил Глеба ногой.

Следом навалились приятели. Всем скопом...

Глеб вздрогнул, отгоняя воспоминания. Все изменилось. Теперь все совершенно не так. «Я уже другой», – сказал себе он и взглянул прямо в глаза главарю подонков. Ничего особенного. Глебу уже приходилось видеть таких. Шакалы, опасные в стае, но трусливые и готовые к паническому бегству, если сила вдруг оказывается не на их стороне.

– Опустит руку, – холодно сказал он. – Мне не хочется с вами драться, это нечестно.

Конечно, Глеб догадывался, что толку от его слов не будет, он и не ждал толку. Вряд ли эти знают, что такое честь, но попробовать можно. На всякий случай.

Однако, как говорится, хочешь мира – готовься к войне.

Глеб осторожно снял с плеча мольберт и пристроил его у стены.

– Ой, а оно еще разговаривать умеет! – еще громче

захохотал бритоголовый. — Как там в школе учат? Толян, подскази, ты ж у нас умный!

— «Ах, Моська, знать она сильна, коль лает на Слона!» — гордо процитировал один из шайки, очевидно, отработанную во многих диалогах реплику.

— Лает на слона? — переспросил лидер. — Не, так не годится. Сейчас мы справедливость наводить будем. Чтобы кто не надо без толку не лаял.

Он выпустил Ольгу и поплевал на руки, выражая готовность немедленно перейти к действиям.

— Ребята, не надо! Давайте уладим мирно! Я... — Девушка бросила испуганный взгляд на Глеба. — Я согласна.

И тут Глеб ударил. Легко, без замаха, угодив носком правой ноги главарю в грудь. Тот покачнулся и упал на землю.

Глеб посмотрел на оставшихся, чуть приподняв бровь.

Пацаны переглянулись.

— Он что, каратист? — неуверенно пробормотал парень, цитировавший Крылова.

Оба замялись, не решаясь напасть.

Тем временем главарь поднялся с земли, видно, еще недоумеая и считая происшествие недоразумением, он опять полез к Глебу.

Тот легко блокировал беспорядочные удары и, поднырнув под руку противника, вновь заставил его

ткнуться в землю.

– Валим отсюда! – Любитель Крылова, видимо, бывший самым сообразительным из тройки, первым отступил с поля сражения.

Его товарищ последовал за ним. Последним уходил посрамленный вожак. Уходил, словно побитая собака – боясь повернуться к врагу спиной, но отбrehиваясь.

– Я еще отомщу! Ты у меня еще пожалеешь, – обещал он, впрочем, не слишком убедительно.

Глеб его угрозы проигнорировал и повернулся к Ольге:

– Как ты? Все в порядке?

Девушка смотрела на него широко распахнутыми глазами. Глеб улыбнулся, ему было приятно. Все это происшествие случилось словно специально для того, чтобы он мог произвести на Ольгу наилучшее впечатление.

– Я и не знала, что ты умеешь драться! – произнесла она, глядя ему в глаза. – Знаешь, я испугалась. Эти стихи, история... Я думала, что ты такой... – девушка замялась.

– Слабый? – уточнил Глеб. – Нет, то, что я люблю стихи, историю и искусство, вовсе не означает, что я не могу постоять за себя и за тех, кто мне дорог.

– Ты потрясающий!

Их разделял всего шаг, и Ольга вдруг сделала его, оказавшись вплотную к Глебу, быстро поцеловала его

в губы, подхватила мольберт и вбежала в подъезд.

– Ольга... – прошептал Глеб. Это имя казалось ему пьянее вина и слаще карамели.

Как же хорошо, что он ее встретил! Да разве можно пройти мимо этой рыжеволосой волшебницы.

Глава 2

Частички мозаики

Что-то случится. Глеб не знал, откуда в нем взялась эта уверенность, но вдруг почувствовал близкие перемены. Тревога незваным гостем постучалась в его сердце. Что-то случится, и притом совсем скоро.

Возвращаясь от Ольги, он завернул за угол дома и вдруг увидел, что навстречу идет человек в странной длиннополой одежде и высокой шапке. Незнакомец казался чужим современной Москве, словно его, как Элли в своем домике, занес сюда неведомый ураган. Чужой, неправильный, неестественный.

В отсветах фонарей Глеб ясно разглядел густую медно-рыжую бороду и блеск дорогих, украшенных то ли стекляшками, то ли настоящими драгоценными камнями, пуговиц.

Это было такое странное зрелище, что Глеб ущипнул себя за руку и зажмурился. И правильно – стоило вновь открыть глаза, и незнакомца уже не было, только ветер гнал по асфальту пустой бумажный пакет, играя с ним, словно резвый щенок.

«Какой бред! Должно быть, я схожу с ума», – подумал парень. Тревожное ощущение не проходило, однако Глеб все же смог взять себя в руки. Мало ли что

померещится. Постепенно он убедил себя, что просто устал и переволновался, а затем и забыл о появлении странной фигуры и стал думать об Ольге, встреча с которой казалась ему настоящим чудом. Даже подумывать страшно, что они могли бы никогда не встретиться, разминувшись в густой московской толпе. Население Москвы – более одиннадцати миллионов. Легко ли отыскать среди этих одиннадцати миллионов единственного, своего человека?..

Глебу пришлось вернуться в самый центр города, где на одной из узких змеистых улочек был припаркован его «Kawasaki».

– Ну, друг, пора домой, – сказал парень, заводя мотор.

Мотоцикл послушно взревел и резво сорвался с места.

Глебу нравилось ехать по ночной Москве, глядя на смазывающиеся в одну линию огни фонарей, ощущая у щеки упругие струи ветра, глядя, как проносятся мимо огни – фонари, дома, машины... Скорость – это свобода. Кажется, вот-вот оторвешься от земли и улетишь к темному, поблескивающему редкими звездами небу.

Маршрут лежал на окраину города, но Глеб преодолел это расстояние быстро, за каких-нибудь тридцать минут, и вот уже ловко затормозил у металлических ворот небольшого одноэтажного здания.

– Поздновато сегодня, – буркнул охранник, нажимая

на кнопку.

Ворота натужно закрипели и открылись.

– Разминался, – усмехнулся Глеб, вспоминая происшествие с бритоголовыми. – Хорошего дежурства, Сергей.

– И тебе не болеть, – отозвался тот, снова меланхолично уставившись в экранчик небольшого черно-белого монитора. Охрана у них серьезная – только профессионалы. Глебу иногда нравилось в свободное время помахаться с Сергеем. Охранник его, кстати, частенько бил, а вот Северина – нет.

Глеб припарковал «Kawasaki», набрал на двери код и вошел в помещение.

Сразу после небольшой прихожей шла гостиная, откуда можно было попасть в остальные помещения дома: на кухню, в комнаты и учебные классы, и кабинет директора. Тренировочный зал и бассейн находились в подвале или, если говорить цивилизованно, на минус первом этаже.

В гостиной царил полумрак, и Глеб решил, что там никого нет, когда вдруг услышал голос.

– Привет, а ты сегодня поздно...

Он оглянулся. В кресле у окна едва угадывался девичий силуэт.

Александра. Странно, что она сидит здесь в темноте вместо того, чтобы, как всегда, корпеть над книгами. «Интересно, – отчего-то вдруг подумалось Глебу, – а у

нее есть парень?.. Наверяд ли», — тут же решил он.

Они учились вместе уже два года и постоянно были друг у друга на глазах, однако редко говорили о чем-то постороннем и никогда — о личном. Глеб не хотел рассказывать о себе, у Саши, наверное, имелись собственные секреты. А может, все дело в замкнутом, как и у самого Глеба, характере и склонности к скрытности.

Александра была его ровесницей, ей тоже исполнилось шестнадцать. Если бы Глеба спросили, красива ли она, он бы наверняка пришел в замешательство. Это было бы для него примерно то же, что и вопрос об учительнице географии. Иными словами, он никогда не смотрел на нее как на девушку и, разбирая ее внешность детально, безусловно, признал, что у Саши аккуратные и правильные черты лица, прямой нос, небольшой тщательно вылепленный подбородок, умные светло-карие глаза, тонкая, скорее бледная, кожа и густые светло-каштановые волосы, всегда очень ровно подстриженные и находящиеся в идеальном порядке. Фигура, бесспорно, красивая, особенно изящные тонкие запястья и щиколотки. Да, пожалуй, Александра симпатична, только... только Глебу от этого ни холодно ни жарко. Гораздо больше эмоций он испытывал, глядя, скажем, на критскую статуэтку или покрытую патиной старинную монету, а идея сравнить Александру с Ольгой и вовсе казалась ему утопической и святотатственной.

– Привет, что сидишь без света? – в свою очередь, задал вопрос Глеб.

– Так, отдыхаю.

Она пошевелилась, и Глеб заметил, что на коленях у девушки – толстенный альбом по искусству. Ну что же, ничего удивительного. Александра полностью в своем репертуаре: серьезная зубрила, идеальная ученица, умничка, успевшая освоить несколько древних и современных языков, разбирающаяся в искусстве фактически на уровне профессора университета.

«Да какой там парень. Она, кроме учебы, вообще ни о чем не думает!» – мелькнуло в голове у Глеба.

– А где ребята? – снова спросил он.

Александра пожала плечами, но, опомнившись, что ее не видно, подала голос:

– Северин тренируется, Дина, как всегда, у себя, вернее в «Варкрафте»... Кстати, Евгений Михайлович заглядывал. Он хотел с тобой поговорить. Полчаса назад уехал.

Глеб нахмурился. Евгений Михайлович – руководитель частной школы, где все они проходили обучение, был для Глеба непререкаемым авторитетом. Парень многому у него научился, особенно в области психологии и социологии. Глеб не хотел лгать своему руководителю, но и рассказывать об Ольге казалось ему совершенно невозможным. Неудачно вышло, что тот зашел так неожиданно. «Ничего, – успокоил себя Глеб, –

как-нибудь выкручусь. Расскажу обо всем, кроме Ольги».

– Да, спасибо, Саша, – отозвался он ровным голосом, в котором не сквозило даже тени беспокойства, – сейчас его наберу.

Она промолчала, но Глеб чувствовал на себе ее внимательный взгляд. «И что смотрит?» – с раздражением подумал он, но тут же одернул себя: вот что значит нечистая совесть – начинаешь нервничать из-за всяких пустяков. Глеб не мог позволить себе нервничать и тем более испытывать раздражение к кому-нибудь из членов команды: слишком большая ответственность на нем лежала, слишком важна была их миссия.

– Ну, давай, спокойной ночи. Я тоже сейчас немного почитаю – и спать. – Он улыбнулся, чувствуя, как негатив, точно дождем, смывается этой улыбкой.

– Спокойной ночи, – отозвалась Александра, все так же неподвижно сидя в своем кресле.

Да, критская статуэтка или медная монета, пожалуй, даже эмоциональнее.

Глеб прошел в свою комнату, включил свет, высветивший по-спартански простую обстановку: светлые стены; узкую, похожую на солдатскую кровать, аккуратно заправленную и застеленную светло-защитным покрывалом; небольшой стол, на котором стоял ноутбук и лежало несколько словарей; прибитую над столом полку – тоже со справочными материалами. Ни единой

личной вещи, словно Глеб не жил здесь, а остановился на одну ночь в гостинице, чтобы с рассветом продолжать путь.

Без рыжеволосой феи весь его мир был аккуратен, выверен и холоден, как январский снег.

Парень подошел к окну и, отодвинув край простых, почти офисных жалюзи, взглянул на темное небо.

Интересно, что сейчас делает Ольга? Может быть, тоже стоит у окна и думает о нем? И тогда они сейчас смотрят на звезды – словно в глаза друг другу... Глебу очень хотелось немедленно набрать ее номер, чтобы услышать тихий нежный голос. Достав мобильник, парень повертел его в руках и решительно нажал кнопки.

– Евгений Михайлович, это Глеб. Вам удобно сейчас говорить?..

Звонить Ольге было бы проявлением слабости. Слабости Глеб позволить себе не мог. Он позвонит ей завтра в два. Ни минутой раньше.

* * *

Над частной школой плыла майская ночь. Где-то сладко и тревожно выводили трели соловьи.

Одноэтажный особняк погрузился в сон. Спала Дина, самая младшая из группы, ей снилось завывающееся спиральями пространство, через которое текли де-

сятичные коды, и она сама плыла по этому океану, ловко маневрируя между единицами и нулями.

Спал Северин здоровым крепким сном, чувствуя приятную усталость после удачной тренировки. Сейчас его не разбудишь даже выстрелом из пушки.

Чутко дремали в полглаза в своих будках охранник Серега и его напарник Влад.

Спала Александра. Повернувшись на левый бок, она беспокойно вздрагивала и шептала что-то неразборчивое.

Глеб лежал в своей кровати с открытыми глазами, уставившись на равнодушный потолок. Сон бежал от него, как лань от охотника. Парень и сам не понимал, что именно с ним творится, отчего беспокойно сердце. Предчувствие. Глеб назвал бы это именно предчувствием. Но почему? Откуда? Зачем этот странный холодок, который он уже ощущал сегодня посреди жаркого солнечного дня?.. Евгений Михайлович выслушал его и укорил за то, что Глеб вступил в стычку с хулиганами. «Ты же знаешь, как важен для нас. Запомни, Глеб, ты принадлежишь не себе, а всей группе», – напомнил он, и Глебу стало стыдно – и за ту глупую стычку, и за то, что он скрывает от своего наставника нечто... важное... Может, именно стыд не давал ему сейчас заснуть, заставлял неотрывно пялиться в потолок, словно на нем огненными буквами был написан ответ на все самые важные вопросы.

Не написан. Глеб закрыл глаза.

«Я считаю до десяти. На счет десять я погружусь в сон. Один. Мое тело расслабленно. Мне тепло, я чувствую, как теплая волна разливается по моему телу. Два. В голове нет никаких мыслей – только образы подступающего сна. Три. Дыхание ровное, оно все реже, я погружаюсь в сон...»

На цифре «десять» он наконец заснул.

И только неугомонная луна, узеньким серпом выглядывающая из-за тучи, никак не могла успокоиться, и свет ее был тревожен и таинственен.

* * *

Утро в частной школе начиналось, как всегда, довольно рано. В семь подъем, с семи пятнадцати до восьми тридцати – занятия в тренажерном зале.

Глеб пришел в зал на десять минут раньше, но Северин уже был там и усердно занимался, наматывая километры на беговой дорожке.

– Привет, – поздоровался с ним Глеб, занимая соседнюю дорожку. – И хорошего утра.

Он начал разминку с ходьбы, но почти сразу перешел на легкий бег. Мышцы после вчерашнего растяжения болели. Но Глеб, вспоминая удивление и восторг в глазах Ольги, не сомневался: оно того стоило! Еще как!

– И тебе хорошего утра, – отозвался Северин.

Глеб скосил глаза на его приборную доску. Надо же, бегают уже полчаса, а все такой же свежий, будто только-только встал на дорожку. И вообще спит ли он когда-нибудь или так и занимается круглые сутки?

Северин действительно выглядел бодрым. Он был не слишком высоким – пальца на два ниже Глеба, зато поджарым, сильным и очень ловким. С внешностью у него тоже все было в порядке: пепельно-русые волосы, прямой нос и синие, действительно напоминающие о Севере, глаза. Он был почти на год младше Глеба, однако Глеб не рискнул бы столкнуться с ним в поединке. С физической подготовкой у Северина было не то что хорошо, а очень хорошо. Например, с вчерашними мерзавцами он расправился бы вдвое быстрее, чем Глеб, и сегодня наверняка не страдал бы от растяжения. Иногда Глебу казалось, что приятель вообще сделан из резины или, вернее, из гибкой перетекающей, как ртуть, стали. Быстрый. Сильный. Смертельно опасный.

– Привет, мальчики!

В зал вошла Александра. Как всегда, аккуратная и собранная. Волосы стянуты в тугую ровную косу, на губах – улыбка. Вот только щеки, как показалось Глебу, немного бледноваты, впрочем, в этом наверняка виновно освещение.

– Привет, – хором отозвались мальчики.

Александра заняла велотренажер и принялась крутить педали. По ее отсутствующему выражению лица было заметно, что девушка целиком погружена в свои мысли. Но докучать ей разговорами никто не стал: Северин был слишком сосредоточен на тренировке, а Глеб тоже думал о своем. Об Ольге.

Последней, с десятиминутным опозданием, отчаянно зевая, появилась Дина – тоненькая хрупкая девочка, примерно по грудь Глебу, с большими орехово-кариими глазами и вечно растрепанными темными, в черноту, волосами.

Она была самой младшей из группы, ей исполнилось всего тринадцать лет, однако уже сейчас мало кто из матерых программистов мог поспорить с ней, к тому же девочка отлично разбиралась во всех электронных и электрических устройствах, могла с закрытыми глазами разобрать и собрать телевизор или плеер. В общем, реально заслуживала уважения, хотя держалась несколько в стороне от других членов команды и со спортом не очень-то и дружила.

– Давай, Динка, становись, я уже закончил. – Глеб остановил свою дорожку – хорошенького понемножку.

Дина недовольно поморщилась, но на дорожку встала и зашагала, включив самый щадящий режим.

– Ну что ты так? Как ты станешь действовать в полевых условиях, если не будешь нормально тренироваться? – спросил Глеб. Он, как старший, опекал всю

группу, а к Динке относился словно к младшей сестре, постоянно требующей серьезного надзора.

– Слушай, как можно столько времени на такое глупое занятие тратить? – пробурчала Дина, тем не менее немного ускоряя дорожку. – Бежишь, бежишь – и все без толку, никуда не прибегаешь.

– Зато в процессе ты извлекаешь много пользы, укрепляя свои мышцы и тренируя тело и дыхание, – заявил Северин, и Глеб с завистью отметил, что, несмотря на бешеный темп, тот даже не запыхался, а голос звучит по-прежнему ровно. – Ты прямо как дитя...

– Я не дитя!! Сколько можно повторять?! – зло крикнула Дина, топнула ногой и едва не слетела с беговой дорожки.

– Не обижайся, Дин, я не имел в виду ничего плохого. Ну прости, сама знаешь, я тупой, чего на меня обращать внимание? – попытался решить вопрос мирно Северин.

Но Дина и сама уже успокоилась. Обреченно махнув рукой, она продолжила тренировку, и Глеб отошел к силовым тренажерам.

После тренировки пришел черед легкого завтрака. Ребята собрались в столовой, и приходящий повар тетя Нина выставила на стол тарелки, в которых дымилась овсянка с кусочками яблок – еда по-солдатски простая, но отчего-то, по мнению руководства школы, полезная. Александра, как всегда, едва поковыряла в

своей тарелке, а вот Северин и Дина ели с удовольствием. У Северина всегда был отменный, буквально волчий, аппетит, а Дина просто любила кашу. Впрочем, подшучивать над ней по этому поводу Глеб бы не стал, зная, как обижают ее любые намеки на возраст.

Сам Глеб ел медленно и основательно, усвоив полученный на практике урок: нужно есть, пока существует такая возможность, не всегда известно, будет ли, скажем, обед или ужин.

Две недели назад, как раз перед тем, как он впервые увидел Ольгу, группа вернулась с практики, проходящей в Сибири. Их выгрузили посреди заснеженной равнины с заданием найти и добыть бубен легендарного местного шамана. Дополнительным условием являлась проверка способности выживать, поэтому припасы у ребят были минимальными, а денег не полагалось совсем. Это было первое серьезное тренировочное задание, но группа уже сработалась между собой, и каждый отвечал за свою часть.

Глеб и Северин определили положение отряда на карте и проложили вероятный маршрут. Они же занимались охотой, пока ребята шли к селению, хотя основную добычу приносил Северин. Вопрос коммуникации с местными жителями лег на Глеба, Александра велла культурологические расспросы, а Дина занималась подсчетами и помогала в обработке сведений.

С заданием они справились, хотя напряженные мо-

менты были. Например, когда Дина провалилась в медвежью берлогу, или когда их едва не застукали за раскопкой кургана, или когда приняли за сбежавших из воспитательной колонии для несовершеннолетних. Глеб выкрутился из этих ситуаций. В последнем случае самым простым было бы позвонить руководителю школы Евгению Михайловичу, однако это было бы провалом испытания, и Глеб справился сам.

В Москву возвращались на деньги, полученные от продажи добытых Северином шкурок, и с бубном, опьяненные собственным успехом.

– Да, именно то, что нужно. Молодцы, – сухо сказал Евгений Михайлович, когда к нему явилась команда уставших и перепачканных (кроме Александры – она умудрялась выглядеть ухоженной хоть в тундре, хоть у медведя в берлоге) ребят.

Глеб сперва даже расстроился от такой реакции, но тут же понял: именно так и нужно. Они просто делают свою работу, то, для чего их воспитывают в школе, а значит, это не требует особой благодарности и похвалы. Справились – следовательно, все хорошо, что еще тут говорить. Это правильно, это по-взрослому. Только детей хвалят за простые и очевидные вещи: «Покушал – вот молодец!..»

Но солдатский принцип: ешь, пока у тебя имеется возможность, привился Глебу буквально с одного раза, с первого голодного дня в тайге.

И вот теперь им, очевидно, предстоит новое задание, уже не тренировочное, а настоящее. Вчера во время телефонного разговора Евгений Михайлович сказал, что им нужно встретиться и серьезно поговорить. Глеб, конечно, был рад этому, однако уже сейчас думал о том, что означает задание именно для него. А означает оно ни больше ни меньше, как то, что с Ольгой он какое-то время не увидится. Очень плохо, учитывая факт, что они едва познакомились, и девушка навряд ли отнесется к его исчезновению благожелательно. Объяснить же ей что-либо было невозможно — Глебу и в голову бы не пришло разглашать секретные сведения.

— Что-то случилось?

Глеб вздрогнул. Александра, отставив почти полную тарелку, смотрела на него. Да и Северин с Диной недвусмысленно косились в его сторону.

— Нет, с чего ты взяла? — парировал он, придя себя.

Девушка вопросительно приподняла брови:

— Вообще-то по тебе видно. Ты сегодня весь в себе.

— Может, он влюбился? — предположила непосредственная Динка.

Глеб строго посмотрел на нее и опять перевел взгляд на Александру.

— Ты вообще-то тоже сегодня загадочная, — протянул он, разглядывая ее.

Александра вдруг покраснела, словно он сказал не-

что неприличное, и отвернулась.

Глава 3

Обычный день занятий

Евгений Михайлович должен был появиться во второй половине дня, а пока в школе присутствовала только его заместитель Светлана и учителя – занятия, как-никак, никто не отменял.

Светлана – женщина, угадать возраст которой казалось невозможным – может быть, двадцать шесть, а может, все сорок, тренировала Глеба в области психологии.

– Сегодня у тебя легкий день, – объявила Светлана, усаживаясь напротив своего ученика.

Они сидели в маленьком учебном классе: удобные мягкие кресла, стол с двумя соединенными в сеть компьютерами. Мягкие, но яркие тона, спокойный свет... Комфортная рабочая обстановка в лучшем ее проявлении. И сама Светлана – скорее не учитель, а партнер, деловая дама. Очень красивая, с креативной асимметричной стрижкой, всегда в костюмах, но не скучных офисных, а тоже необычных. Глеб любил разглядывать ее кольца, хотя обычно женские украшения проходили мимо его внимания. Но тут нельзя было не заметить смелое сочетание золота и серебра, а то и вовсе черный металл, образующий чашу, в центре ко-

торой лежала черная же жемчужина. И пахло от Светланы необычно – ладаном и ромашкой. Холодный, за-
вораживающий запах...

– Ты помнишь, для какой цели мы все здесь собра-
лись? – спросила Светлана, пока Глеб исподволь раз-
глядывал ее и думал о том, как мало они похожи с Оль-
гой, а ведь каждая красива по-своему... Только от хо-
лодной красоты Светланы его сердце не вздрагивало,
он оценивал ее, словно произведение чистого искус-
ства, которое невозможно не оценить всякому, облада-
ющему художественным вкусом.

– Да, конечно, – Глеб сморгнул и мысленно подо-
брался. – Мы здесь для того, чтобы стать професси-
ональной и слаженной группой, способной выполнять
ответственные задания.

Светлана кивнула.

– А зачем все это? – задала она новый вопрос.

Зачем? Станный вопрос. Разве они не обсуждали
это уже много раз – и со Светланой, и с директором, Ев-
гением Михайловичем. К чему тратить время на беспо-
лезные вопросы, когда можно было бы, скажем, встре-
титься с Ольгой... У них ведь не так много дней в за-
пасе.

Глеб вспомнил, как солнечный луч скользит по ее
солнечным волосам, как девушка улыбается и смотрит
на него...

Нет, не нужно сейчас думать об этом!

– Затем, чтобы мы могли помочь нашей стране выйти из затянувшегося кризиса и завоевать лидирующее положение в мире, – ответил он. – Мы должны находить и извлекать из небытия вещи, наделенные силой.

Светлана глубоко вздохнула и наклонилась чуть ближе к Глебу, обдав его новой волной ладана и ромашки.

– Глеб, все, что ты говоришь, – правильно, – с сожалением произнесла она, – но ты сегодня все утरो думаешь о чем-то другом. Я не вижу в тебе искренности. Глеб, еще не поздно. Если ты хочешь отказаться от своей миссии – ты волен идти. Понимаешь, ты ничем нам не обязан, ты совершенно свободный человек.

– Но... Как же я могу уйти? А группа?

Светлана задумчиво покачала головой.

– Если с нашим делом не будут все твои мысли, если ты не станешь стремиться к поставленной цели, твое присутствие как главы группы принесет только вред, а не пользу, разве ты не понимаешь?

Глеб, безусловно, понимал. Как понимал и то, сколько сил, времени и искреннего участия на него потрачено. Здесь, в школе, с самого первого дня с ним беседовали и к нему прислушивались. Здесь его научили быть сильным и способным постоять за себя. Для него сделали так много, что для благодарности не хватит целой жизни. И, самое главное, ему дали цель. Настоящую значимую цель, ради которой и стоило жить.

Образ смеющейся девушки с глазами цвета безоблачного неба растаял, потесненный более важными задачами. Теперь Глеб действительно сосредоточился.

– Простите и давайте начнем занятие. То, к чему мы готовимся, – действительно самое важное для меня дело, – ответил он.

– Ну что же, перейдем к тестам, – просто сказала она.

И Глеб был благодарен ей за то, что она не стала распространяться, говоря о том, что вот наконец он собрался, не стала разводить демагогию или требовать от него слов, подтверждающих фанатичную преданность делу.

Компьютер был уже включен, оставалось только надеть шлем и, отключившись от внешнего мира, погрузиться в 3D-реальность. Для многих сверстников Глеба то, чем он занимался сейчас, показалось бы простой игрой, однако это были тесты, моделирующие различные ситуации, возможные при реальной работе группы.

Как поступить в том или ином случае. Как подобрать нужный шифр и код. Что делать, если твой товарищ ранен. Как вести себя в случае, если вас завалило. Как поступить, если ваше прикрытие было раскрыто невольными свидетелями.

Глеб уже проходил подобные тесты. Каждый раз они

были новыми и требовали большого напряжения. Особенно он не любил ситуацию с появлением свидетелей. Здесь требовалось, в зависимости от обстановки, принять мгновенное решение. Порой решение, так сказать, не слишком популярное.

В это время у Александры тоже был свой урок. Профессор Олег Семенович, очень забавный старичок со старомодной бородкой, всегда очень галантный и предупредительный, настоящий джентльмен, таких сейчас, наверное, больше не осталось, беседовал с ней о книгах.

— Моя милая Сашенька, только взгляните, что я вам принес, — говорил он, извлекая из своей потрепанной сумки сверток.

Александра бережно приняла его из рук учителя и, положив на стол, аккуратно развернула бумагу.

Внутри, как и ожидалось, обнаружилась книга. У нее был красный переплет с выполненной золотым тиснением надписью на французском.

Девушка осторожно открыла книгу, медленно пролистала ее, прислушалась к шелесту страниц, наклонившись, понюхала бумагу.

— Басни Лафонтена. Первое прижизненное издание знаменитого художника Густава Доре. Тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год. Оригинальный издательский переплет, тройной золотой обрез. Состояние отличное, однако в середине книги не хватает двух пар-

ных гравюр. Книга хранилась, скорее всего, в частной коллекции, однажды была реставрирована на профессиональном уровне.

Олег Семенович довольно закивал, и его жидкая борода смешно затряслась.

– Ну с этим все просто. А извольте, милая Сашенька, взглянуть вот на это, – профессор быстро убрал Лафонтена в сверток и поместил его обратно в свой портфель, а взамен вытащил другой сверток.

Раскрыв его, девушка обнаружила книгу в самодельном бумажном переплете.

Над ней Александра просидела дольше.

– О, это очень ценная вещь, – наконец, сказала она. – Так называемое «Учительское Евангелие». Под поздним переплетом середины девятнадцатого века скрывается подлинное издание тысяча пятьсот шестьдесят девятого года. Одно из тиража, отпечатанного Иваном Федоровым в Литве, в Заблудове. Это первое Евангелие, изданное на территории Литвы. Титульный лист отсутствует, однако имеется предисловие. Отпечатано «в лист». Пронумеровано триста девяносто девять листов, в то время как всего в книге их четыреста восемь. Бумага с разными водяными знаками, польско-литовского происхождения. До настоящего времени сохранилось сорок четыре экземпляра такого Евангелия. Данное одно время принадлежало некоему Семиону Барыжину, о чем свидетельствуют буквы, по од-

ной нанесенные в правых верхних углах страниц книги. Пролистав ее, можно прочесть надпись, датирующуюся, судя по особенностям орфографии, серединой девятнадцатого века: «Книга сия принадлежит рабу Господа Семиону Барыжину». Очевидно, владелец являлся купцом. Реставрация и переплетные работы осуществлены, скорее всего, в его время.

— Умница, Сашенька, — похвалил профессор. — В нашем деле нет мелочей. А что вы скажете вот об этом? Прочтите, пожалуйста.

Он так же быстро и ловко, как прежде, произвел замену свертков.

Под бумагой оказалось факсимильное издание.

Александра бегло просмотрела листы и подняла на профессора недоуменный взгляд.

— Вы смеетесь, Олег Семенович? Это же библия криптографии — так называемая книга Войнич. Прочитать ее пытаются уже много лет. Все, что известно о тексте, это то, что он написан пером, слева направо. Язык искусственный. Структура его более монотонна, чем в естественных языках. Иногда одно и то же слово повторяется три раза подряд, так же необычно часты слова, различающиеся между собой только одной буквой. Сама рукопись, если правильно помню, была создана в начале пятнадцатого века... Ученые не исключают, что это мистификация, бессмысленный набор знаков.

— Ну-с, Сашенька, вы молодец. Не знаю уж, чему

еще учить вас, — довольно заулыбался профессор. — Наш маленький экзамен вы выдержали. И я очень уповаю на то, что вы всерьез займетесь научной работой. По правде говоря, в университете вам уже делать нечего, однако ваш юный возраст не предполагает пока самостоятельных изысканий... Надеюсь увидеть вас у меня на кафедре и что родители ваши не будут против.

Услышав эту, казалось бы, совершенно безобидную фразу, девушка вдруг отчаянно покраснела и опустила голову.

— Я вас чем-то обидел? — всполошился старый профессор, смешно засуетившись.

— Нет, все хорошо, — ответила Александра. — Все хорошо, — повторила она, словно пыталась убедить в этом кого-то.

В это самое время Северин, сжав виски руками, сидел на полу тренировочного зала, а тренер, склонившийся над ним, пытался его успокоить.

— Не переживай, парень, я сам виноват, — говорил мужчина, прижимая полотенце к своему разбитому лицу.

Северин не отвечал, только еще глубже втянул голову в плечи.

— Ну что ты, все нормально. Я сам пропустил удар, это бывает...

Парень упрямо покачал головой и наконец взглянул в лицо тренеру. В синих глазах плескался такой ужас,

что взрослый мужчина вздрогнул.

– Понимаете, – быстро заговорил Северин, словно боясь, что его перебьют, – я сам не знаю, что на меня иногда находит. Как будто и не со мной все это... Я понимаю, что спортсмену, бойцу, прежде всего нужен самоконтроль... Но я не знаю...

Он запнулся и замолчал.

– Ничего, – тренер потрепал парня по плечу, – ты просто еще не научился рассчитывать собственные силы. Ты необычайно силен и проворен, пошел бы в спорт – как пить дать, были бы у тебя и победы, и золотые медали... А проблемы... У кого их не бывает? Да не жмись, видишь, я на тебя не сержусь. Ну подумаешь, переусердствовал, впредь будешь лучше контролировать себя. Так?

Парень с надеждой кивнул.

– Вот и отлично, – подытожил тренер. – И Евгению Михайловичу об этом вовсе знать не надо.

– Но...

Тренер усадил обратно пытающегося встать Северина.

– Я сказал не надо – значит, не надо. Или ты мое доброе имя опозорить хочешь? Представь, как надо мной смеяться будут: собственный ученик избил, едва не покалечил.

Северин нерешительно улыбнулся. В ярко-синих глазах, сквозь тревогу, проступила надежда.

– И чего ты расселся? – вдруг спросил тренер, в при-
творном гневе сдвигая брови и тут же поморщившись
от боли в разбитом лице. – Давай вставай, занятие еще
не закончилось. Нечего тут отлынивать! Ишь ты, нашел
предлог!..

Парень, разумеется, тут же с готовностью вскочил,
вставая в позицию напротив тренера. Юность легко за-
бывает свои тревоги.

А еще в одном учебном классе, этажом выше, разво-
рачивались не менее драматические действия – Дина,
зло сопя, писала сочинение. Вернее, не то чтобы пи-
сала – скорее сидела над девственно-чистым листком
бумаги и яростно грызла ни в чем не повинную ручку.

Ольга Ивановна, читавшая для нее гуманитарный
обязательный курс школьной программы, сдвинула оч-
ки на лоб и внимательно посмотрела на свою ученицу.

– Дина, может быть, ты все-таки займешься сочине-
нием? – спросила она строго.

Девочка скорчила недовольную гримасу.

– И зачем мне это сочинение? И почему его требует-
ся писать на бумаге, когда гораздо легче – на компью-
тере?.. – пробормотала она.

– И ошибки за тебя Word исправит, – подсказала
Ольга Ивановна.

– А что...

Дина отложила ручку, а в голове девочки тут же
пронеслась мысль, что, если построить дискуссию

нужным образом, времени на сочинение может и не остаться. Почему бы им просто не поговорить? Лучше бы, конечно, через Сеть – так Дине удобнее, но при нынешней альтернативе...

– А почему бы и нет, – с готовностью подхватила девочка. – Вот зачем мне эти сочинения? Что мне этот Печорин и прочие? Я на литературный поступать не собираюсь!

– Дина, – учительница укоризненно покачала головой, – когда ты пишешь сочинения, ты развиваешь свой мозг, учишься думать и выражать свои мысли. Это просто необходимо тебе для общего развития. Ты же не хочешь отставать от своих сверстников?

Девочка недоуменно пожала плечами.

– У нас с ними просто разные взгляды и разные достоинства. Вот скажите, Ольга Ивановна, кто из моих сверстников может МП-3-плеер собрать? А вирус хороший написать? Что вы головой качаете? Думаете, это мозг не развивает? Еще как развивает, можете мне поверить!

Ольга Ивановна тяжело вздохнула: что ни говори, подопечная ей досталась непростая. Думала ли она, что так обернется, когда радовалась, получив щедрое предложение заниматься в частном порядке с одаренной девочкой?.. Деньги, конечно, весьма неплохие, но эта Динина одаренность у нее уже, честное слово, в печенках сидит! Может быть, девочка и гений, но очень

себе на уме, и управиться с ней фактически невозможно.

— Дина, ты и так занимаешься по упрощенной гуманитарной программе, — тем не менее терпеливо продолжала она. — Разве я даю тебе много заданий? Вот представь, сделаешь ты, скажем, какое-нибудь открытие или учебник по своей информатике написать захочешь. — При слове «информатика» Дина, не удержавшись, хмыкнула, но Ольга Ивановна не заметила или решила не акцентировать на этом внимание. — Так вот, потребуется тебе написать серьезную работу, а ты даже формулировать свои мысли нормальным языком не умеешь, да и ошибок по десять штук на два абзаца лепишь.

— Но вы же сами говорили: Word исправит? Зачем же мне от руки писать? — Дина глядела на нее по-детски чистыми недоумевающими глазами.

— Word не все ошибки исправляет, — говорила учительница, комкая в руке бумажный одноразовый платочек, от которого уже и так остались одни ошметки, — и потом, разве ты не хочешь быть грамотной, в тех же... как их там? Ах да, в тех же чатах на правильном русском выражаться?

— А зачем, если все как хотят, так и пишут? Разве никто не поймет, о чем я, если я напишу «корова» через «а»? Зачем чему-то учиться, если все равно все понимают? Нет, вы мне, Ольга Ивановна, объясните! Вдруг

я все-таки пойму?

И учительница, скорбно вздохнув, вновь принималась за объяснения.

В общем, до конца занятия Дина протянула, и вправду умудрившись не написать ни строчки.

Несчастливая Ольга Ивановна поняла, что происходит, уже только когда в комнату заглянул Егор, занимающийся с Диной физикой и математикой.

— Ну что, как моя любимая ученица? Настроение боевое? — бордо спросил он.

— Ага! — улыбаясь, отозвалась Дина.

И тут Ольга Ивановна, как-то разом осознав происходящее, отчаянно покраснела и, зажав руками пылающие щеки, пулей вылетела из класса.

— Что это с ней? — услышала она за спиной недоумевающий голос Егора, но что ответит их ученица, уже выслушивать не стала.

Глава 4

Ответственное задание

Евгений Михайлович, человек еще не старый, но с висками, густо убеленными сединой, принял Глеба в своем кабинете – маленькой, совершенно скромной комнатенке, едва ли не худшей во всей школе, и, как равному, протянул для пожатия руку.

– Ну как настроение? – спросил он, когда парень уселся в предложенное кресло.

Вопрос не предполагал развернутого диалога, и Глеб односложно ответил и кивнул, показывая, что готов слушать.

– Знаю, что вы уже рветесь в бой, – широко улыбнулся директор. – Застоялись, вон даже Дина бунтует, сочинения писать не хочет.

– Я с ней поговорю, – пообещал Глеб и снова устался на Евгения Михайловича. За многообещающим началом должно последовать не менее перспективное продолжение.

– Вот и хорошо, потому что учиться вам тоже надо. Хотя знаю, все вы здесь гении, у каждого – свои таланты. Поэтому мы вас и выбрали в свое время. К тому же, помнишь, я говорил тебе, что у нас, у взрослых, часто глаза зашорены, мышление закостенелое, стерео-

типное, а вам, молодым да рьяным, везде дорога. Вы на самые обыденные вещи иначе смотрите... Нда... – директор задумчиво вздохнул. – В общем, есть для вас первое настоящие задание. Серьезное задание, ответственное...

Он опять сделал паузу, а Глеб немного наклонился вперед, чтобы не упустить ни единого слова. Они и вправду очень давно ждали, когда их наконец перестанут обучать и муштровать, а дадут реальное дело. Об этом горячо мечтала вся группа, даже сдержанная Александра, а уж о нетерпеливой Дине и говорить нечего!

– Да, я слушаю вас, – подтвердил Глеб, следя за тем, чтобы голос звучал по-взрослому спокойно и даже равнодушно, чтобы Евгений Михайлович не распознал юношеского нетерпения.

Но директор, конечно, все понял и немного хитро и очень тепло, с пониманием, улыбнулся.

– Так вот, Глеб, – сказал он, снова становясь серьезным, – задание непростое. Ты, конечно, слышал о Либерии – библиотеке Ивана Грозного.

– О той, которую ищут уже не первое столетие, а некоторые из ученых подвергают сомнению само ее существование? – уточнил Глеб.

– Вот именно. – Евгений Михайлович покрутил в руках массивную ручку с золотым пером и вновь положил ее на стол. – Только у нас есть документы, подтвер-

ждающие, что она и вправду была, – директор положил перед Глебом толстую кожаную папку. – Вот здесь ксерокопии разных документов. Посмотрите, подумайте, поищите. Вдруг что-то и отыщется. Не выйдет – не будет. Но кто не ищет, то не находит. Не правда ли?

– А мы будем искать самую библиотеку или что-то конкретное? – уточнил парень, принимая тяжелую папку.

– Умница. – Евгений Михайлович ласково улыбнулся. Его строгое лицо сразу стало мягче, а возле глаз появились морщинки-лучики. Сейчас директор казался заботливым отцом, и Глеб хотел бы, чтобы у него был такой отец – строгий, очень умный и добрый. – Ты зришь прямо в корень. Конечно, вся библиотека Ивана Грозного представляет огромную ценность. Но главное не это. Главное в том, что есть в ней особая Книга, по преданию писанная самим богом Велесом... Не та, что является подделкой и содержит всякие стишки да былиночки. Другая, истинная, обладающая Силой. О ней известно мало, дошли только редкие сведения. Судя по легендам, эта книга дает знания. А что более важно, чем знания, в современном мире?

– Это как энциклопедия, что ли? – усмехнулся Глеб. – Так за прошедшее время все ее секреты наверняка устарели.

– А вот и нет. В Книге записано прошлое и будущее до скончания человеческого рода. Имея ее, мы сможем легко влиять на события. Вот помнишь, например,

взрывы в Московском метро. А если бы у нас была эта Книга, мы бы смогли спасти десятки жизней! А войны, а катастрофы!..

Глеб задумался. Евгений Михайлович говорил действительно очень убедительно.

– А если будущее уже записано, скажем, то, что погибнут конкретные люди, возможно ли изменить это? Тогда ведь выйдет, что в Книге написана ложь?..

– Вот это и есть так называемая временная петля. Фантастику читал?

Парень кивнул. Да, ему попадались книги, в которых люди из будущего попадали в прошлое, меняли его, в результате чего изменялось и будущее... но это не всегда случалось к лучшему.

– Ты думаешь о нашем праве вмешиваться в историю, – проницательно заметил директор, глядя на ученика, – но разве плохо, если мы спасем невинные жизни? Если благодаря нам кто-то сможет любить, радоваться, завести семью, растить детей.

Глеб вздрогнул. С семьей в его случае было стопроцентным попаданием. И действительно, разве плохо – делать добро?.. Где-то на задворках сознания маячила смутная мысль, что столь могущественная Книга может принести не только добро – информацией можно распорядиться по-разному... Но она же попадет к Евгению Михайловичу, человеку, которому Глеб доверял безусловно. Наверняка он придумает, как сохра-

нить Книгу, не допустить ее попадания в нечестные руки.

– Вы правы, – медленно проговорил он. – Но где она может быть? Что о ней вообще известно?

– Я знаю, что Велесову книгу пытались прочесть в начале тринадцатого века, и тогда поперли на Русь орды монголо-татар, а затем сразу после смерти Ивана Грозного.

– Постойте, – не выдержал Глеб. – Как же ее пытались прочесть после смерти царя, когда в этот период Библиотека уже исчезла?

– В том-то и дело, – Евгений Михайлович подмигнул, – что кто-то в те времена знал, где она спрятана. Почитай потом документы из папки.

– Но погодите, – вновь спросил Глеб, – но зачем нам Книга, если оба раза попытки прочесть ее не принесли пользы? В первый раз, как мы помним, история обернулась многовековым игом, да и второй раз дело вышло кровавое?

– В том и суть, Глеб, чтобы все с умом делать. В руках неразумного, корыстного или жаждущего личной власти человека эта Книга принесет лишь беды. Мы же не для себя, а для страны добра желаем. Велес хоть и дикий бог, но своих в обиду не даст. Сам знаешь, как Руси сейчас помощь нужна.

Глеб задумался, наклонив голову. Сомневаться в словах Евгения Михайловича оснований не было.

– К тому же не мы одни ищем Книгу, – добавил директор. – Наше дело – опередить других охотников и не допустить, чтобы мощный и опасный артефакт попал в недостойные руки.

Глеб кивнул.

– Ну вот и хорошо, – одобрил Евгений Михайлович. – Иди. Посмотрите документы, поговори с ребятами... Я от вас скорого решения не требую – не дело это наскоро решать. Возьметесь – хорошо, а на нет и суда нет.

Глеб вышел из кабинета, прижимая к груди толстую папку. Сердце билось учащенно. Первое задание. Первое настоящее задание. Это казалось сказкой. Тем более для робкого испуганного мальчика, которым он был когда-то давным-давно.

После обеда был предусмотрен небольшой перерыв перед второй частью занятий, и все четверо учеников этой странной школы собрались в гостиной, чтобы поговорить.

– Вот такое задание мы получили, – сказал Глеб, коротко передав остальным свой разговор с директором.

– Ура! – взвизгнула Динка, от нетерпения подскочив на диване. – Наконец-то нормальное дело, а то всякая ерунда – тупые занятия, сочинения...

– Да уж, слышан о твоих подвигах, – сухо перебил ее Глеб.

– Нажаловалась! – Динка состроила гримасу, выражающую искреннее презрение к учительнице. – Так

она сама увлеклась и про пользу сочинений и изучения русского-литературы весь урок проболтала! Я-то при чем?

– Пользоваться слабостями других – это неблагоприятно, – объявил Глеб.

– Ну конечно! – снова усмехнулась девочка. – А сам? Вспомни, как во время нашей северной экспедиции директоршу местного музея обрабатывал! Любо-дорого посмотреть! Так что я, можно сказать, твоя ученица!

Динка с наглым видом уставилась на Глеба. Помощь пришла откуда не ждали.

– Дина, можно подумать, тебе десять лет, – раздался спокойный, уверенный голос.

Оба спорящих посмотрели на Александру.

– Все, что ты говоришь, – детские отмазки, достойные песочницы, – продолжила та. Девушка сидела на краешке кресла, сложив на коленях руки. – Мы с Глебом тоже проходили обязательную программу. Наша работа сопряжена со многими опасностями и неожиданностями, и никогда не предугадаешь, какие знания потребуются тебе в следующий момент. Иногда есть всего лишь секунда, чтобы принять единственно правильное решение. Поэтому то, что ты сорвала занятие, не делает тебе чести.

– И способно привести к провалу всей экспедиции. Ты можешь подвести не только себя, но и всех нас, – с готовностью подхватил Глеб.

– Из-за обычного сочинения? – возмутилась Динка.
– Нет, не из-за сочинения, а из-за отношения к делу. Тебя выбрали, оказали доверие... – Глеб взглянул на девочку обличающе.

– Но я... – на глазах у Динки выступили слезы, но она тут же отвернулась и сжала маленькие кулачки. На ее худеньких ручках проступали все косточки, были видны все венки.

– Все, ребят, кончайте, – проговорил Северин, молчавший все это время. – Достаточно. Глеб, ты, кажется, рассказывал о нашем задании.

Динка всхлипнула, подтверждая свой статус затравленного и несправедливо обиженного ребенка.

– Да, ты прав. Вернемся к делу, – согласился Глеб, который и сам уже понял, что Дину не стоит переживать. – До этого момента все было учебой, игрой, даже наше путешествие на север, где нас подстраховывали, за нами следили и пришли бы на помощь в сложной ситуации. Теперь же все будет зависеть от нас. И успех поисков, и судьба нашей организации.

– А вдруг это просто еще одно испытание? – предположила Александра.

Глеб покачал головой.

– Я знаю Евгения Михайловича и наблюдал за ним, когда он говорил. Это действительно важно и это настоящее дело, я уверен.

– Ну что же, – Северин кивнул, – лично я готов и сде-

лаю все, что от меня зависит. Но сейчас, как понимаю, пока не моя епархия. Вначале Глеб и Саша проведут свою теоретическую часть, изучат документы, проверят источники, выработают версии...

— И я тоже! — вмешалась Динка, уже прочно забывшая о недавней обиде. — Я тоже могу участвовать в сборе информации. Ищите пока в своих источниках, а я покопаюсь в Сети, вдруг наткнусь на что-нибудь любопытное.

— Вот и отлично, — согласился Глеб. — Предварительный план считаем утвержденным. Мы с Александрой делим между собой принесенные бумаги и изучаем их...

— Еще надо будет посмотреть сами оригиналы. В нашей работе нет мелочей, — добавила Александра, цитируя своего любимого учителя.

— Да, конечно, — согласился Глеб. — Дин, тебе еще задание. Мы выпишем список источников, а ты узнай, где хранятся оригиналы, и предварительно выясни, как можно получить к ним доступ. Согласна?

— Конечно!

К Динке уже вернулось хорошее настроение.

— Да, и про учебу забывать не стоит. На этапе предварительного сбора информации учеба будет продолжаться по прежнему графику... Ну, может, с небольшими послаблениями, — поспешно добавил Глеб, заметив, как вытянулось Динкино лицо. — Но пока мы не пе-

решили к практической части поисков – никаких отлыниваний. Все это очень серьезно.

На этом план был принят, а Глеб, взглянув на часы, вышел на крыльцо, чтобы без свидетелей позвонить Ольге, мысли о которой он гнал от себя целое утро.

* * *

– А я думала о тебе. – Ольга взглянула на Глеба и быстро отвела глаза. – Ты так не похож на других парней и все молчишь. Вернее, разговариваешь, только потом я понимаю, что, оказывается, болтала все это время я, а ты ничего о себе не рассказываешь...

Они сидели за столиком кафе. За окном проносились машины, а здесь было тихо и уютно. На столиках, накрытых милыми клетчатыми скатертями, стояли букетики цветов и маленькие свечи-таблетки, играла негромкая музыка – не отвлекающая от беседы, напротив, своим журчанием создающая для нее фон... Ольга ковырялась ложечкой в высокой креманке с разноцветным мороженым, перед Глебом стояла чашечка кофе, к которому он до сих пор даже не притронулся.

– Мне не о чем рассказывать. – Глеб старательно изучал несложный узор на скатерти. – Пока вся моя жизнь – это учеба, причем не такая творческая, как у тебя. Я скорее историк. Поэтому постоянно копаюсь в

книгах. Типичный книжный червь.

– Ага, типичный. А тех бритоголовых как отделал, – хмыкнула девушка.

– Ну это пустяки. Просто они не ожидали отпора, – поспешил оправдаться Глеб, ругая себя за то, что в прошлый раз решил порисоваться перед Ольгой и уложил хулиганов самым эффектным способом, на который был способен. – Вот у меня есть приятель, Северин, он справился бы с этим гораздо быстрее и легче.

– Он вампир, обладающий суперспособностями? – Ольга улыбнулась, поднимая взгляд от креманки.

Глеб, встретившийся с ней взглядом, залюбовался безоблачной синевой ее глаз. Ему хотелось рассказать Ольге все, чтобы между ними не было ни единой тайны, да что там, даже тени тайны... Но он не мог. Это был вопрос не предпочтений, а необходимости. Это была не его тайна.

– Нет, просто он очень любит спорт и... научил меня кое-каким приемам. – Глеб снова уставился в стол. Как же тяжело балансировать на грани правды и чувствовать невозможность быть полностью откровенным с любимой девушкой! Как же это тяжело! Он осознавал, что отношения, построенные на зыбком песке полуправды, обречены на провал, и страдал уже сейчас, а Ольга, не понимая, смотрела на него чистыми недоумевающими глазами.

«Может, лучше закончить все прямо сейчас? Так бу-

дет легче и для меня, и для нее?» – мелькнула в голове мысль.

– Не хочешь рассказывать о себе – не надо. Как-нибудь потом. Знаешь, я не должна этого говорить, девушки обычно не говорят об этом, но ты мне нравишься. Не бросай меня, хорошо? – быстро проговорила Ольга, вертя в тонких пальцах бесполезную ложечку.

– Я тебя не брошу. – Глеб сжал ее руку и посмотрел Ольге в глаза. – Я обещаю.

Они были вместе, и все остальное не имело значения, а голова сладко кружилась. Вот какое, оказывается, настоящее счастье.

Глава 5

Первые сведения

Вечером Глеб вернулся в школу в прекрасном настроении и вывалил на стол подарки. Пакет из «Макдоналдса» с картошкой и клубничным коктейлем – для Дины. Гадость, конечно, но что делать, если Динка обожает еду из «Макдоналдса». Вот и сейчас, едва завидев угощение, она радостно завизжала и кинулась Глебу на шею. Обрадовать ее легко. Не то что Александру и Северина. Им Глеб привез пирожных, и реакция одариваемых оказалась далеко не столь бурной и непосредственной. «Углеводы. Спасибо!» – заметил Северин, целиком запихивая в рот небольшой эклер. Саша промолчала и даже не притронулась к угощению. Глебу казалось, что в последнее время она замкнулась еще сильнее, чем обычно.

Просиживает целый день над бумагами из толстой папки, переданной Евгением Михайловичем. Глеб только один раз отвлекся, поехав на встречу с Ольгой, а теперь вот наткнулся на острый, словно клинок, взгляд Александры. Девушка тут же отвела глаза, но Глеб едва подавил в себе желание оправдаться, объяснив свое отлынивание от важного дела.

«Неужели для Александры действительно нет ниче-

го, кроме чувства долга?» – снова подумал он, глядя в ее спокойное лицо. Она снова не смотрела ни на него, ни на принесенные пирожные, уткнувшись в документы, но даже линия плеч, даже зависшее над бумагами запястье изящной руки говорили об отрешенности, отгороженности. Казалось, будто девушка закована в непроницаемую ледяную броню.

«А способна ли она влюбиться?» – спросил себя Глеб, и Александра, словно поняв его мысли, еще ниже склонилась над столом, а щеки вдруг едва заметно окрасились румянцем.

– Удалось найти что-нибудь? – задал вопрос Глеб, чтобы прервать это ставшее неловким молчание.

– Пока ничего особенного. Больше недомолвок и предположений, чем реальных фактов. Меня удивляет, как часто, едва взявшись за поиски, их останавливали. Так было и в тысяча семьсот двадцать четвертом году, когда Конон Осипов написал прошение государю, ссылаясь на сведения, полученные им от дьяка Макария о существовании под Кремлем тайных комнат, доверху заставленных сундуками с книгами. И в тысяча восемьсот девяносто четвертом году, когда князь Щербатов, увлеченный идеей, словно Шлиман нашедший золото легендарной Трои, отыскать Библиотеку, вдруг легко отступил от, казалось бы, сжигавшего его желания. И позже, уже в наше время, когда в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году инженер Апалос Иванов опу-

бликовал в журнале «Наука и жизнь» статью, рассказывающую об обнаруженных им под храмом Христа Спасителя подземных ходах. А ведь там находилось здание царской опричнины. Иванов и не сомневался, что ход к Библиотеке начинался именно из опричнины! И что же? Опять ничего! Поиски остановлены и объект законсервирован.

Александра говорила много и быстро, словно тоже старалась словами заполнить эту странную неловкость между ними.

И Глеб, конечно, поддержал девушку.

– Ты тоже веришь в так называемое проклятье Библиотеки? – спросил он, усаживаясь в кресло напротив.

– Я понимаю, что это звучит дико. – Александра коротко взглянула на Глеба, но тут же вновь уставилась в бумаги. – Но мне кажется, дыма без огня не бывает.

– То есть Софья Палеолог, привезшая на Русь большую часть книг, составивших так называемую Библиотеку Ивана Грозного, все-таки была колдуньей и наложила на Библиотеку проклятье?

Глеб поудобнее откинулся на спинку и улыбнулся. Разговор получался занятный.

– Я не знаю. Возможно, проклятье не имело искусственной формы, но что-то с Библиотекой все же не так. Возможно, это связано с книгой, о которой рассказывал Евгений Михайлович. Кстати, сведения о ней и

вовсе носят фантастический характер. Это не мешает тебе пытаться ее отыскать?

– Туше!⁵ – засмеялся Глеб, выставя вперед раскрытую ладонь. – Мы действительно в самом начале пути, а в этом деле полным-полно всего странного. Кстати, давайте соберемся сегодня вечером и обговорим все, что удалось уже найти. Полезно проговаривать все вслух, это порой дает самые неожиданные и блестящие результаты.

– Согласна, – кивнула Александра. – И давай пока не будем обсуждать наши позиции в отношении Библиотеки – до вечера совсем немного времени, а я не разобрала еще уйму документов, – она указала рукой на лежащую на столе пачку.

«И все же не смогла не уколоть за то, что я шляюсь где-то и трачу время зря», – подумал Глеб и решительно придвинул к себе свою долю бумаг:

– Не могу поспорить. Тогда за дело.

Вечером все четверо собрались в гостиной.

Глеб подвинул свое кресло поближе к центру, Александра, наоборот, подальше отодвинула свое, укрывшись в углу, почти у занавесок, Дина и Северин разместились на диване, причем Дина залезла на него с ногами и уютно устроилась, обхватив себя за коленки.

– Наверняка все уже знают суть дела, но я все же

⁵ *Туше* – в фехтовании – удар, нанесенный в соответствии с правилами.

поясню ее буквально несколькими словами, – заговорил Глеб, едва все расселись. – Что мы ищем? Собрание книг, называемое Либерией – Библиотекой Ивана Грозного. Часть этой коллекции образовали тома, привезенные невестой Ивана Третьего Софьей Палеолог, часть, по легенде, перешла еще от собрания Владимира Мономаха или, по другой версии, из библиотеки, собранной известным мистиком, владыкой над духами царем Соломоном. Если говорить о так называемой Велесовой книге, версия с Владимиром Мономахом представляется мне интересной.

– Ты правда веришь в визардов эпических уровней? – поинтересовалась Динка и, посплюнявив палец, принялась тереть какую-то царапину на коленке.

– Этот вопрос мы оставляем за скобками, – улыбнулся Глеб. – Наше дело – попытаться найти библиотеку и Велесову книгу, разбирать ее, по счастью, не наша задача. Итак, давайте посмотрим, что у нас есть на данный момент. Александра?..

Все взгляды обратились к девушке. Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и официальным тоном сообщила:

– Я прочла отрывки из мемуаров некоего Теодора Фридриха Эймена. Это был наемник, швейцарец, офицер. Приехал в Россию еще при Федоре Иоанновиче. Служил ему, Борису Годунову, Лжедмитрию Первому. После покинул службу, вернулся на родину. Оставил

довольно подробные мемуары, в том числе и о Московской Руси. Они никогда не издавались и дошли до нас в первоначальном рукописном варианте. Сейчас рукопись находится в частной коллекции и недоступна широкому кругу исследователей. Здесь факсимильная копия отрывков, относящихся к нашей теме, справка об авторе и о рукописи, а также перевод. Первое упоминание Библиотеки я встретила, когда Теодор пишет про Лжедмитрия и иезуитов: «Тогда они, отчаявшись, просили царя, чтобы он дал им собрание старых книг, оставшихся от его отца. Даже эту просьбу он отклонил, сказав, что эти книги сейчас находятся не в Москве...» «Я много слышал об этих книгах, – пишет он далее. – Люди говорили, что один из русских царей получил их в приданое». Это он о Софье Палеолог и Иване Третьем, – пояснила Саша.

Динка зевнула. Исторические подробности не слишком ее интересовали.

– Между прочим, – Александра бросила в сторону девочки укоризненный взгляд, – дальше начинается фантастика, просто как в твоих играх. «Говорили также, что в этом собрании содержатся книги, принадлежавшие некогда царю Соломону и позволяющие управлять духами и предсказывать будущее. Так или иначе, это собрание книг представляет большую ценность и сколько отрадно то, что иезуиты не сумели его получить, столь же печально, что оно находится в руках народа

столю дикого, как московиты».

– Вот урод, – буркнул Северин. – «Дикий народ», а служил он почему-то у нас и жалованье, наверное, брать не стеснялся, и в глаза совсем другое говорил.

– Не спеши с выводами, – возразила Александра. – Это нормально для европейца того времени. То, что мы сейчас называем двуличием: умение подстраиваться под обстоятельства, говорить людям то, что они хотят услышать, считалось тогда скорее положительным качеством. Дальше самое интересное: «Говорят, что царь Иоанн поручил эти книги заботам Бориса Годунова, который тогда еще был одним из придворных и пользовался его доверием, а тот, став царем, нередко обращался к ним. Когда же Дмитрий, ныне именуемый себя царем, вошел с войском в пределы Московии, Борис, предвидя печальную свою участь, спрятал книги где-то в московском замке. Но это странно: правление Бориса было отмечено многими бедствиями и неудачами. Едва ли, имея возможность повелевать могущественными духами, царь не воспользовался магией». Дальше наш наемник пишет, что сомневается, что книги у царевича Дмитрия. Мол, приезжал один провинциальный дворянин, болтавший, будто знает, где Библиотека. Дмитрий приказал схватить его и посадить под стражу, а арестованный возьми да помри на третий же день заключения. Наш швейцарец считает: болтуна отравили, боясь, что тайна Соломоновой книги будет

раскрыта...

– И с тех пор никто Библиотеку не видел... – мрачно произнесла Динка, мусоля кончик косы.

– А разве книги не искали? – спросил Северин.

Глеб улыбнулся: ну, сейчас начнется! Похоже, Александра всерьез прониклась темой мистической тайны, связанной с Библиотекой.

– Конечно, искали. И в Москве – вблизи Кремля и Коломенского, и вне ее пределов – в Александровской слободе, любимой вотчине царя Ивана Грозного, и в Вологде. – Саша, забывшись, подалась вперед и действительно выглядела взволнованной. Ее глаза блеснули, а на бледных щеках появился легкий румянец. – Но нигде дело не доводили до конца и, едва обнаруживали что-либо, поиски сворачивали. А еще известно, что многие, искавшие Библиотеку Ивана Грозного, либо погибли до срока, либо ослепли. Вот отсюда и пошла легенда о проклятии Библиотеки.

– Ага! Могу подтвердить, сама много об этом разыскала, – согласилась Динка. – Кстати, наткнулась тут на описание одной легенды. Я, понятно, судить о ней не могу, – девочка хмыкнула и искоса взглянула на Глеба, – потому как часть мозга, отвечающая за гуманитарное развитие, вообще атрофирована...

– Глупости, – прервал ее Глеб, – ладно, поняли мы, какая ты непризнанно-одаренная, давай к сути.

Динка пожалала худенькими плечиками:

— А что. Суть проста. Прочитала я об одной былине. Правда, полного текста там нет, только короткое описание, но уже интересное. Речь идет о некой Голубиной книге, в которой обо всем на свете написано. Не то ли, что вы ищете?

— Может, и то, а может, и нет. — Глеб, откинувшись на спинку кресла, наблюдал за товарищами. Динка еще совсем ребенок. Гениальный, конечно, но все-таки ребенок. Все для нее кажется забавной игрой. Не рано ли брать ее в настоящее дело? Но как же без нее? Пусть в ней еще много детского, это даже хорошо. Повзрослеть она всегда успеет, но вот вернется ли эта непосредственность? Навряд ли. Северин насторожен, похож скорее на дикого зверя, недоверчивого, всегда готового к прыжку. На него можно положиться — достаточно взглянуть в чистые синие глаза. Он из тех, кто не предаст товарищей, кто, если потребуется, жизни за них не пожалеет. Александра... Глеб знал ее дольше других, но в то же время понимал меньше других. Сдержанная, спокойная, строгая. Спина ровная, руки спокойно лежат на коленях. И только легкий румянец выдает внутреннее волнение. Она молодец, специалист по языкам и культурам многих народов. Вот только что скрывается за ее сдержанностью? Там же определенно есть что-то... Только вот нужно ли лезть туда? Хотел бы Глеб, чтобы кто-то залез в душу к нему? Конечно, нет. Вот и Александра, давний надежный това-

рищ, имеет право на тайну.

На следующий день вся команда решила съездить в Коломенское.

– Это хорошее, древнее место. Там до сих пор сохранились подземные ходы. Один из них проходит от холма, где расположено старое кладбище и церковь усекновения главы Иоанна Предтечи, – рассказывал Глеб. – Почему бы не присмотреться.

Александра пожала плечами:

– Сомневаюсь, что Библиотека там. Мне самой кажутся более перспективными другие места, например Александровская слобода, излюбленная вотчина Иоанна Грозного.

– Кладбище, говоришь? – живо заинтересовалась Динка. – А что, старое? Готика, вампиры?

– Никаких вампиров, – засмеялся Глеб. – Но, кстати, там сложены действительно древние могильные камни. Даже просто взглянуть на них будет интересно. И, в конце концов, нужно же с чего-то начать наши поиски... Ты что думаешь? – взглянул он на Северина, не принимавшего участия в разговоре.

– Я не против, – улыбнулся парень. – Я в истории не так, как вы с Сашей, разбираюсь, куда скажете – туда и поедем.

– Да и я, в общем, не возражаю, – согласилась Александра.

И они поехали.

День был мрачным и каким-то темным. Когда они подъехали к Коломенскому, все небо покрывали свинцовые тучи.

– Да, неудачно приехали, – заметил Северин, – как бы дождь не вдарил.

– Ну не ехать же назад! – обиженно засопела Динка. – Раз уж выманили меня из-за компа обещанием показать кладбище, так показывайте!

По длинной деревянной лестнице ребята поднялись на вершину холма. Как ни странно, сегодня здесь было безлюдно. От яблоневых садов, расстилавшихся на холме и в низине, к церкви подползал туман. Его длинные змееподобные языки лизали свезенные на кладбище действительно старые надгробия с полустертыми надписями.

– Восемнадцатый и самое начало девятнадцатого века, – тут же датировал надгробия Глеб. – А вообще в районе села Дьяково – как раз вот здесь – с одиннадцатого века люди селились. Чуть дальше на холме археологи раскопки проводят.

Они остановились у металлической ограды кладбища. Калитка оказалась приветственно распахнута, и ребята вошли внутрь.

– А ведь и вправду готично! – обрадованно оглядываясь, заявила Дина. – И церковь подходящая. Веет от нее чем-то таким, особенным.

– Да, – неожиданно поддержала ее Александра, –

и название у нее особенное. Чаще всего храмы называют радостно – например, собор Рождества, церковь Преображения, а тут даже название мрачное. Знаешь же историю про то, как царь Ирод велел отрубить голову пророку Иоанну Крестителю, чтобы вознаградить его головой за танец свою падчерицу Саломею.

– Хорошенькая награда! – поежилась Динка. – Наверное, эта Саломея большая оригиналка, если ей мертвая голова понадобилась.

– Посмотрите! – вдруг окликнул их Глеб. – Вон там, на дорожке!

Сквозь туман, едва различимая, двигалась женская фигура. В руках она бережно держала ребенка. И было в этой картинке что-то странное, словно бы несовременное.

– Здесь что, маскарад какой-то? – удивилась Динка. – Вы только посмотрите на ее одежду! Кто сейчас так ходит!

Женщина, не доходя до ребят, остановилась, и в тишине (а только теперь Глеб осознал, что вокруг – тяжелая ватная тишина) слышался плач младенца. Тоненький, жалобный.

– У меня от нее мурашки по коже. Что ей надо? – прошептал Северин, и Глеб с удивлением взглянул на друга: он в первый раз слышал в его голосе страх.

Меж тем женщина повернулась, плеснув подолом длинного платья, и быстро двинулась прочь. Как-то

удивительно плавно – словно не шла, а скользила по дорожке.

Глебу вдруг показалось, что чрезвычайно важно догнать незнакомку.

– Пойдите! – закричал он.

Но женщина не остановилась. Теперь она почти уже скрылась в тумане, смыкавшемся за ее спиной.

Глеб бросился за ней и с неким облегчением понял, что друзья бегут вместе с ним. Ему казалось, что вот-вот они догонят странную даму с ребенком, но она двигалась на удивление быстро, быстрее, чем можно было предположить. Даже им, привыкшим к ежедневным тренировкам, оказалось тяжело бежать за ней.

– Она направляется ко второму выходу с кладбища! – прохрипела задыхающаяся от бега Александра.

Странно, расстояние вроде пустяковое, но почему они так устали, словно пробежали не один километр?..

– Черт, подвернул ногу! – слышался рядом досадливый голос Северина.

– Давай помогу. – Александра остановилась, тяжело дыша.

А странная женщина была уже совсем близко. Не задумываясь, что остался один – Динка отстала еще чуть раньше, – Глеб продолжал эту странную погоню.

«Какое же огромное это кладбище! А раньше всегда казалось маленьким!» – успел удивиться он, когда увидел, что незнакомка уже не убегает и словно поджидает.

ет его.

Глебу тут же стало не по себе. Он медленно приблизился к женщине. Она оказалась еще молодой и красивой. Ребенок на ее руках плакал не переставая.

– Ну что же ты, Коленька, – упрекнула она его, осторожно покачивая свой сверток, и тут же жадно взглянула на Глеба. – Помоги моему мальчику! Согрей его!

В тумане и вправду было очень холодно. Теперь, когда Глеб остановился, парень понял, что замерзает – капли тумана опускались на его открытые руки и тут же замерзали, превращаясь в кристаллики льда. Черт знает, что творится!

– Он же у вас в одеяльце, – удивился Глеб.

– Холодно! – вдруг простонала женщина. – До чего же холодно!

Она вдруг сделала быстрый плавный шаг и прильнула к груди Глеба.

Того словно молнией ударило. Холодно и почему-то больно.

А женщина так же резко отпрянула от него, покачала головой. Ребенок, затихнувший было, снова зашелся в плаче.

– К-кто вы? – едва выговорил Глеб немеющими непослушными губами.

– Сашенька я... была. Но это не важно... – вздохнула женщина. – Уходи отсюда. Ступай от нас! Нет здесь того, что вы ищите! Нет! Понятно! Иди же, пока я не

передумала!

– Но...

Незнакомка не стала слушать Глеба и уже растворилась в тумане, откуда надрывно и монотонно доносился младенческий плач.

Глеб попытался двинуться за ней, но тут же больно ударился о внезапно вынырнувшее из глухой белой пелены высокое надгробие.

– Глеб! Что здесь происходит?! – слышался за спиной голос.

Странный туман вдруг отступил и съежился, словно сдувшийся воздушный шарик, а к Глебу уже спешили ребята.

– Я г-говорил с ней. – Зубы еще выбивали дробь, и Глеб едва мог складывать слова, рассыпающиеся непослушными льдинками. – Она с-сказала, чтобы мы ух-ходили отсюда. З-здесь, мол, нет того, что мы ищем. Но откуда она вообщ-е з-знает, что мы ищем. И куда она делась?.. – Глеб с беспокойством огляделся. Никого. Только белая плита.

«Александра Васильевна Васильева и младенец ея Николай» – сообщали выбитые на камне буквы.

«Ну что же ты, Коленька...», «Сашенька я... была», – вспомнились ему слова, сказанные тихим, шепелящим, как ветер, голосом.

– Н-не может быть! – Глеб затряс головой, надеясь вытрясти из нее странные мысли.

– Глеб, что с тобой? – окликнула его Александра. Другая. Не та, которая, судя по могильной надписи, с тысяча восемьсот восемьдесят третьего года почивает под этим камнем, – живая, теплая. – Глеб, ты весь белый, а губы просто синие! – Она положила действительно горячую, обжигающую руку ему на лоб. – Какой же ты холодный! Как из морозилки!

– Та-ак! – Северин взял руку друга и покачал головой. – Ну-ка, помогите мне растереть его! Жаль, что у нас нет спирта. Был бы весьма кстати!

Они кое-как растерли Глеба.

– Здесь внизу чайные домики есть. Пойдемте выпьем чего-нибудь горячего, – позвала Саша.

– Да, – тут же согласилась Динка. – Я тоже, если честно, замерзла. Да и съесть бы не помешало чего-нибудь...

Ребята направились к воротам, но они оказались закрыты. Вернувшись, прошли мимо церкви – к другому выходу. Но и здесь их ждал странный сюрприз. Калитка, через которую они входили, тоже оказалась закрыта, и на ней висел тяжелый замок.

– Не понимаю, как мы сюда вообще вошли?! – удивился Северин. – Ну ничего, придется лезть через ограду.

Они так и поступили, а через пятнадцать минут уже сидели в уютном бревенчатом домике, с жадностью глотая дымящийся чай. О том, что произошло на клад-

бище, не хотелось говорить. Казалось, слова вновь возродят к жизни этот ледяной туман и странную фигуру с плачущим ребенком.

– Ты права. Нужно вначале изучить документы, – грея все еще непослушные пальцы о пластиковый стакан с чаем, сказал Александре Глеб.

Девушка кивнула.

Так завершилась первая попытка отыскать таинственную Велесову книгу.

А когда они вернулись в школу, к Глебу подошел Северин.

– Глеб, будь другом, поговори с директором, попроси, чтобы меня отпустили на пару дней. Вы же сейчас все равно над бумагами сидеть будете. Вам с Сашей и Диной есть чем заняться, а я вроде как не при деле. Ну и вообще застоялся...

Глеб фыркнул, вспоминая долгие ежедневные тренировки Северина. Ну если ЭТО называется «застоялся»!.. С другой стороны, что может быть важнее командного духа? Если потребуются решительные действия, важно, чтобы каждый чувствовал себя комфортно. Почему бы не поговорить?

– А куда собираешься? – спросил он.

– Ну, побуду где-нибудь поблизости, – Северин вздохнул, – далеко не успею. Но хоть в Подмосковье. В лесу сейчас хорошо...

В его светлых глазах читалась такая тоска, что Глеб

поспешно кивнул:

– Разумеется, поговорю. И уверен, что Евгений Михайлович не будет против. Он, конечно, строг, но никогда не переживает. Родной отец не сделал бы для нас больше.

– Это точно, – согласился Северин. – Поговори, будь другом, а то как-то, – он неопределенно махнул рукой, – впрочем, Глеб его прекрасно понял.

* * *

Директор действительно разрешил отпустить Северина на несколько дней. Все уже прекрасно знали, что на Северина можно положиться, а его искусство выживать в дикой местности заслуживало искреннего уважения. Не было случая, чтобы парень заблудился в лесу или взял неправильное направление. Его чутье казалось фантастическим. По каким-то, едва уловимым, а то и вовсе не приметным деталям он читал природу, словно раскрытую книгу. Именно он сумел спасти отряд, когда ребята едва не попали в медвежью берлогу, он провел их прямо к городу.

– Слушай, в тебе что, компас встроен? – спросил тогда Глеб, с интересом отслеживающий направление по компасу и по карте. – Ну вот откуда ты знаешь, что нужно идти вон туда, а не восточнее?

Северин смутился.

– Не знаю, просто чувствую, – пробормотал он. – Я тебе говорил, отец был из охотников. Наверное, передалось... Я помню, он меня еще совсем щенком, маленьким в смысле, в лес брал...

И надо сказать, что, как показывала бескомпромиссная практика, во всех спорных ситуациях оказывался прав именно Северин, а не Глеб с его сложными расчетами. Вот и суди: что лучше – чутье или знания!

В общем, никто не волновался, когда Северин, взвалив на плечи рюкзак со всем необходимым, покидал школу.

– Удачи, ждем, – пожелал Глеб, пожимая товарищу руку.

Рука Северина – крепкая, сильная. Такая и друга из пропасти вытащит, и в беде пропасть не даст.

– Скоро вернусь!

Помахав охраннику, Северин сел на свой мотоцикл – они в школе были у каждого, кроме Дины, примотал сзади рюкзак и двинулся в путь.

Мимо мелькали столбы, отмечая пройденные километры. В лицо бил ветер, и в нем, кроме затхлого запаха города, уже можно было различить другие волнующие ароматы.

Через пару часов Северин остановился. Здесь, пожалуй, можно свернуть в лес.

Подлесок уже распушился молодыми веточками и

топорщился колючками придорожной малины, но парень, спрятав свой байк в кустах, легко прошел через все преграды. Лес, насколько он помнил, всегда был ласков к нему.

Северин не спешил, слушая голоса птиц, принявшись к пьянящему, почти забытому аромату. Так было еще при отце. Когда они вместе, вдвоем, на несколько суток углублялись в чащу.

Парень закрыл глаза, прислонившись к шершавому, поросшему мхом, стволу, и словно наяву услышал знакомый голос.

– Учись доверять себе, мой мальчик. Не отторгай, но впитывай все, что видишь. Каждая веточка, каждый след говорит тебе о чем-то.

Воспоминания об отце теплой волной прошлись по сердцу.

– Здравствуй, лес, здравствуй, папа, – прошептал парень, на колени опускаясь в мягкую молодую траву.

Лес зашумел, словно отвечая ему, где-то сумасшедше закуковала кукушка.

И, наверное, впервые за долгое время Северин вдруг расслабился и почувствовал: он дома.

Глава 6

Первые неприятности

Глеб и сам не заметил, как задремал. Вот он только сидел за письменным столом, читая с экрана ноутбука скучные строки о временах Ивана Грозного, как вдруг оказался посреди заснеженного поля.

Воздух был стылым, пронзал легкие словно тысячами тоненьких иголок. Вдалеке виднелся темный лес, подпирающий неровно очерченными высоченными елями серое пустое небо. Где-то чуть вдали ржали кони.

Вглядевшись, Глеб увидел всадников. Сказать, что лошади скакали, было бы явным преувеличением — они брели почти по грудь в снегу. На людях были зипуны, лица многих поросли бородами и казались такими несовременными, что Глеб почти не усомнился, что перенесся во времена покорения Ермаком Сибири.

Ему и раньше снились сны, связанные с любимой историей. Часто такие же яркие — вплоть до ощущения холода, до скрипа снега... И Глеб приготовился смотреть, не собираясь пропускать ни единого мгновения из этого чудесного сна, когда услышал за спиной тихое хихиканье.

Парень оглянулся и увидел низенького человека с

круглым и темным, как медная монета, лицом. Вокруг этого лица, подчеркивая его идеальную округлость, пушилась меховая отделка капюшона. Человек был одет в повернутую мехом внутрь шубу, разрисованную различными узорами. Из-под капюшона выглядывали две длинные косицы, на которых покачивались вырезанные из кости фигурки. На одной человеческая, на другой – медвежья. В руках незнакомец держал бубен.

– Ты кто? – спросил Глеб.

И незнакомец снова захихикал, щуря и без того узкие щели глаз.

– А я шаман, однако! – сказал он, показав редкие желтые зубы. – Зачем вы у меня бубен забрали? Нехорошо!.. Ой, нехорошо! Такие большие умные дети старый бедный шаман обижают!

Глеб сразу вспомнил об их Северной экспедиции и удивился неуместности этого персонажа во сне об эпохе Ивана Грозного. Посмотреть на Ермака очень хотелось, и поэтому парень попытался отмахнуться от самозванного шамана, сосредоточившись на всадниках, но не тут-то было. Проклятый шаман упорно не желал исчезать, и его округлое лоснящееся лицо то и дело загораживало обзор, щурясь лунами глаз и улыбаясь во весь рот, из которого, заметим, пахло довольно дурно.

Почувствовав досаду, Глеб проснулся. Он поднял голову и потер шею, занывшую от неудобного положения, щелкнул мышкой, возвращая на экран историче-

ский текст.

– Ну вот, – пробормотал Глеб, – весь сон испортил... – И вздрогнул, когда из угла отчетливо донесся голос:

– Сам ты все испортил, однако!..

Глеб медленно, едва веря собственному слуху, оглянулся.

В комнате было темно, только слабый свет, шедший от монитора, позволял разглядеть в углу то ли мешок, то ли кучу тряпья, то ли скорчившуюся человеческую фигуру.

Это было уже слишком. Глеб встряхнул головой, надеясь, что еще спит, и даже ущипнул себя за руку. Напрасно. Фигура по-прежнему не исчезала.

– Ходят всякие... Беспокоят... Ничего о жизни-то не знают, а туда же – могильники разрывать... Однако... – укоризненно бормотал все тот же голос.

– К-кто вы? – запнувшись, проговорил Глеб. Ему уже начинало казаться, что он сходит с ума. А может, уже сошел?..

– Да говорю же: шаман, однако! Такой молодой, а уже совсем глухой, совсем пропащий... Хочешь, я с духами поговорю?.. – предложил незнакомец. – Ну давай, подойди поближе!..

Из кучи тряпья протянулась тонкая узловатая рука.

Это оказалось для Глеба уже слишком. Схватив лежащую на столе книгу, парень изо всех сил швырнул

ее в угол. Послышался грохот, все тот же противный смешок – и призрак исчез.

Мгновением позже в дверь постучали.

– Глеб! Все в порядке? – послышался взволнованный голос Александры.

– А... – он провел рукой по вдруг взмокшему лбу.

В комнате никого не было, только валялась в углу брошенная книга. Кажется, у нее оторвался переплет... Нехорошо вышло...

– Спасибо, все в порядке, – с усилием проговорил Глеб, не понимая, что произошло. Или все это оказалось очень длинным и удивительно реальным сном, или... какая-то чертовщина!..

* * *

Солнечный свет, проходя сквозь кроны деревьев, падал на крыльцо косыми полосами.

– В общем, приходи к нам сегодня, – завершила свою речь Ольга.

– Но... – Глеб растерянно замолчал, не зная, что ответить, и наступил носком ботинка на полосатый солнечный ковер. Светлая полоса и сразу же темная – прямо как в жизни!..

– Ты не волнуйся, ничего страшного. Папа со всеми моими друзьями знакомится. Ты ему понравишься,

я знаю. Он одобряет, когда серьезные, — засмеялась Ольга.

— А кто твой папа? — осторожно поинтересовался Глеб и, сорвав с дерева молодой листочек, нервно затеребил его в руках.

— Так, в органах работает. Но, говорю, не бойся, не съест он тебя, пока еще никого не съел!

В органах... Мысли Глеба запорхали, словно испугнутые бабочки. Каков шанс, что их встреча подстроена и Ольгу дали ему, Глебу, в качестве приманки, чтобы разузнать побольше об их школе? Каков шанс?.. Но ведь никто не подозревал, что он полюбит девушку с первого взгляда... Или именно подозревал. Изучил его вкусы... Но как? Раньше Глеб не особо интересовался девушками... Случайность или тонкий расчет?.. Вот же черт! И как раз сейчас, когда они получили первое задание. По-хорошему надо бы поставить в известность Евгения Михайловича. Пусть он узнает, что за отец и почему Глебом интересуется... Но нет, лучше не говорить об Ольге даже руководителю. Пока все может быть только совпадением. Нужно самому осторожно присмотреться, навести кое-какие справки... А вдруг Ольга — часть испытания? Нет, не может быть. Что угодно, только не это.

— Что ты молчишь? Ну как, придешь?

— Конечно!

Если это вызов, на него следует ответить. Глеб не

привык уклоняться и пасовать. Он сам разберется, что к чему, и поставит в известность Евгения Михайловича только в том случае, если опасность окажется реальной. Он уже не мальчишка, чтобы паниковать из-за всяких пустяков.

– Конечно, приду. Спрашиваешь! А во сколько тебе удобнее? Через час? Отлично, буду!

Глеб нажал на отбой и, вернувшись в здание школы, заглянул в гостиную.

Александра по-прежнему сидела над бумагами и не подняла головы с появлением Глеба.

После вчерашнего происшествия они едва ли перекинулись парой слов. Саша ни о чем не спрашивала, да и сам Глеб сейчас, при свете солнца, счел появление призрака сном.

– Мне нужно отлучиться. Я ненадолго... – сказал Глеб, обращаясь куда-то в пространство.

Он покинул комнату, не заметив, как Александра подняла взгляд от записей и задумчиво уставилась на дверь, в которую он только что вышел.

Верный «Kawasaki» быстро домчал его до места. Несмотря на теплое время, когда многие разъезжают в отпуска, город стоял в пробках. Однако мотоцикл, умело лавируя между неповоротливыми машинами, летел, почти не замечая препятствий.

Глеб припарковался возле уже хорошо знакомого подъезда значительно раньше назначенного срока и

задумался. Кажется, нужно что-то купить. Что обычно приносят, впервые появившись в доме? Ему ужасно не хватало опыта. Наверняка домашние мальчики знают, что и как, а тут приходится идти на ощупь, словно слепому.

Повесив на мотоцикл замок, Глеб огляделся. Слева виднелся магазин. Коробку конфет и торт. Ну конечно, домашние мальчики, приходя в гости, обязательно приносят с собой конфеты и торт, а потом все вместе пьют чай из тоненьких чашечек, смешно оттопыривая мизинец, разговаривают об искусстве и едят сладости. Это правильный порядок вещей. У Глеба тоже когда-нибудь появится свой дом с маленькой милой кухонькой, где стол накрыт вышитой белой скатертью, и уютной гостиной с неизменным телевизором. Все будет не хуже, чем у других. Может быть, даже лучше, дайте только время.

Глеб решительно зашагал к магазину, где выбрал самые дорогие конфеты и торт – спасибо Евгению Михайловичу и школе, деньги у него всегда были.

– Я пришел, – сказал он, позвонив на мобильный.

– Ты у двери? Набирай номер квартиры. Консьержке скажешь, что к Поляковым, – радостно отозвалась Ольга.

Квартира Поляковых поразила Глеба. Это была настоящая домашняя квартира – со смешным ковриком у входной двери, с прихожей, где стояла мужская и жен-

ская обувь, с уютной кухонькой, точь-в-точь такой, как ему представлялась, даже белая вышитая скатерть на месте. Ольгины родители тоже понравились Глебу. Мать, немного располневшая, но еще сохранившая следы былой красоты, улыбалась так искренне, что невозможно было не поверить ей и не ответить на ее улыбку. Отец немного походил на Евгения Михайловича. «Усталый, честный и добрый», – сразу подумал о нем Глеб. На висках у старшего Полякова серебрилась седина, а в уголках глаз затаились лучики-морщинки.

– Добро пожаловать! Наслышан. Герой! – Ольгин отец по-отечески хлопнул Глеба по плечу. – Маша, да возьми же у гостя торт! О, какой большой, с кремом.

Они уселись за стол.

– Ой, какой хороший торт! – захлопотала Ольгина мама, раскрыв прозрачную упаковку. – Глеб, вы любите крем? Какой кусок вам отрезать? А тебе, Оленька? Хочешь вот этот, с орхидеей?

– Нет, спасибо, я не люблю кремовые. – Ольга ото двинула тарелку. – Может, просто чаю?

Глеб смутился. Кажется, он немного не рассчитал. Впрочем, кто объяснил бы ему, что дорогой – не всегда лучший? Такому в его школе не учат. Домашний мальчик никогда не попал бы в такую ситуацию! Чувствуя, что его уши наливаются краской стыда, Глеб разозлился. Что оставалось? Только выдержать хорошую мину при плохой игре.

– Да, спасибо. Этот кусок подойдет. – Он придвинул тарелку и, демонстративно покосившись на хозяйку дома, которая тоже не положила себе ни кусочка, попробовал торт.

– И мне, Машенька! Вон тот, побольше. Большому куску рот радуется! – неожиданно объявил Ольгин отец, подставляя тарелку. – Так что вы там говорили, Глеб, про свою учебу?..

– Частная школа с гуманитарным уклоном, – тут же ответил Глеб.

– С гуманитарным уклоном? Очень почетно! – Ольгин отец принялся за торт. – А то все сейчас в коммерцию устремляются, на математику налегают. У меня, знаете ли, юноша, в школе по математике всегда тройка был... А что за предметы вы изучаете? Знаете, первый раз слышу, чтобы у гуманитария еще и все в порядке с физподготовкой было. Подкиньте-ка адресок, может, и нам пригодится!

Он хихикнул, довольный собственной шуткой, а Глеб, впрочем, так и не успевший расслабиться, еще больше напрягся.

– Обычная школа на окраине, – ответил он, отпивая из кружки почти бесцветный чай. Он плохо разбирался в изысках и предпочел бы простой черный чай с лимоном этому непонятному... то ли зеленому, то ли желтому, то ли белому.

– Как же обычная! Вот Оля говорила, что вы и исто-

рию знаете. Про опричнину ей рассказывали. Небось, не одобряете? Вы, молодежь, вообще идею государственности не слишком любите.

— Ну почему? Напротив, я хотел бы, чтобы у нас было прочное государство. Все дело в методах. История учит нас, что, думая о стране, нельзя пренебрегать людьми... — Глеб наткнулся на серьезный, изучающий взгляд сидящего напротив него мужчины и понял, что его со всеми его уроками психологии только что развели как ребенка. Ольгин отец изучал, умело провоцируя, вызывая собеседника на дальнейшую откровенность.

— В общем, мне еще пока рано об этом думать, — закончил Глеб и положил в рот большой кусок торта. — Мне пока учиться надо.

— Вот молодец! Если такое поколение придет нам на смену, можно не беспокоиться о будущем страны! — Ольгин отец хитро прищурился. — Так что, вы говорите, Глеб, у вас с семьей?

Ему было лет семь, и на вопрос: «Где твои папа и мама?» — Глеб научился бить коротко, почти без замаха. Да, его окружали такие же дети, выросшие без родительского тепла. Но у многих родители все-таки были, пусть даже пьяницы. Все страшно завидовали худенькому малорослому Ваське, который помнил маму и рассказывал о ней, как сейчас понимал Глеб, явные небылицы. Но тогда все казалось самой

настоящей-разнастоящей правдой. И то, как мама любила Ваську, как носила по двору на руках, когда он прекрасно умел ходить, как рассказывала сказки, о которых у Васьки остались только отдаленные воспоминания, как гладила по волосам, приносила игрушки и мятую клубнику, собранную со стола после посиделок с подругами... А между тем все были прекрасно осведомлены, что Васькина мать – пьяница, лишенная родительских прав.

Глеб не знал своих родителей вообще и отчего-то особенно болезненно реагировал на Васькины рассказы. Ребята, чуткие, как все дети, заметили это сразу и стали дразнить Глеба приبلудным, с ехидной усмешкой спрашивая: «А где твои папа и мама?» И тогда Глеб бил – даже тех, кто был старше и сильнее его, и... чаще всего оказывался побит сам. Он никогда не жаловался, а на вопросы воспитательниц о происхождении вечных синяков и незаживающих ссадин упрямо отвечал: «Упал». И всякий раз с обреченным упорством бросался в невозможную, проигранную заранее битву.

Дом... семья... От этих слов глухо стучало в висках и болело сердце. Даже сейчас, хотя он давным-давно вырос из ребячьего возраста и научился держать себя в узде.

Вот и сейчас сердце предательски кольнуло, а рука с силой сжала край стола.

– Я сирота, – отрезал Глеб, еще ниже склоняясь над своей чашкой.

– Па-ап, я же просила! – громко зашептала Ольга.

– А я что, дочь? Мы просто беседуем, правда, Глеб? Вы же, молодой человек, на меня не в обиде?

«Ольга – его дочь, поэтому неудивительно, что он так пристально ко мне приглядывается... Надо произвести впечатление простого парня... Эх, вот вляпался же!» – думал Глеб под внимательным взглядом сотрудника спецслужб.

Чем дальше, тем больше ему казалось, что его изучают, просвечивают рентгеном. Глеб быстро взглянул на Ольгу. Она болтала и улыбалась, не понимая происходящей вокруг игры. Глеб тоже улыбался, стараясь казаться искренним. Нет, конечно, Ольга тут не замешана. Скорее всего, интерес к его персоне вызван исключительно бдительностью отца, имеющего на руках взрослую дочь... Но все же, как бы ни был минимален шанс проверки, его не следует упускать из вида.

– Ну, ребята, вижу, мы вам надоели. Идите поболтайте, – добродушно сказал Ольгин отец.

Глеб не поверил ему ни на йоту. Неужели действительно ловушка?

– Пойдем, я покажу тебе свою комнату, – предложила Ольга.

– Спасибо, все было очень вкусно. – Глеб улыбнулся и поднялся со своего места. Главное – не паниковать.

Главное – делать вид, словно ничего не замечаешь.

– Не за что! Так вы же все и принесли! – улыбнулась хозяйка.

Глеб последовал за Ольгой в ее комнату. Хорошая комната. На стенах – репродукции картин, весь стол завален листами ватмана и красками. Беспорядок. Но вместе с тем своеобразный шарм. Сразу видно: здесь живет художница.

– Хочешь, я покажу тебе свои этюды? – Ольга, очевидно, тоже слегка ощущала неловкость, от этого говорила особенно быстро.

Глеб посмотрел на картины: солнце, сажающееся над Москвой-рекой, тщательно выписанный гипсовый бюст... Неплохие ученические работы. Александра наверняка усмехнулась бы, оценивая их школярность... Но при чем тут Александра?..

– Ты отличная художница, – проговорил Глеб и склонился к податливым, пахнущим медом и мятой губам.

Все вокруг не имело никакого смысла. Были только он и она, и та сила, что притягивала их друг к другу. Обо всем остальном Глеб подумает как-нибудь после...

А на улице пели птицы, и в окне чуть подрагивало тонкое кружево тюля....

Это было так прекрасно, что сердце Глеба замирало в груди.

Пели птицы, все было как всегда, но обычный утренний гомон леса нарушали глухие хлопки. Северин вздрогнул потому, что прекрасно знал, что это за звуки.

Он едва успевал осознать происходящее, а ноги, подчиняясь инстинкту, уже несли его туда, где слышалась стрельба.

На окраине леса, среди чахлах молодых осинок и берез, парень остановился и сжал зубы, чувствуя, как в груди закипает древняя ярость.

У кромки леса шла настоящая бойня. Человек пять, если к ним, конечно, можно применить это гордое название, отстреливали стаю бродячих собак, используя при этом пневматику и травматическое оружие. Таким не убьешь собаку с одного выстрела. Поэтому на поле постоянно слышались глухие щелчки и визг собак, отбрасываемых тяжелыми резиновыми пулями. Пневматика наносила кровавые, но не смертельные раны. Человеческие индивидуумы развлекались, а заодно осуществляли благородную миссию по спасению себя и себе подобных от опасности, связанной с бродячими животными.

Северин втянул воздух. Пахло кровью и крепким алкоголем.

Отчаянно взвизгнула пегая собака и, поджимая раненую лапу, попыталась уползти в кусты. Но ей не дали. Сразу несколько выстрелов – и она упала, орошая молодую траву свежей кровью.

– Это моя! – крикнул один из стрелявших.

– Не бреши, Димон, я ее добил! – вступил в спор другой.

Северина распирало. Словно внутри, в животе, вдруг вспыхнул нестерпимо жаркий огонь и стала раскручиваться жесткая пружина – чем дальше, тем быстрее. Из горла вырвался хриплый звук, более всего похожий на рычание. Прыжок – и парень оказался на поляне.

Удар ногой в челюсть и тут же, другому, кулаком в скулу.

Двое противников рухнули прежде, чем сумели что-либо сообразить, а Северин уже снова шел в атаку.

Удар в живот. Увернуться от пули. Крутанувшись, уйти от другой. Это было похоже на странный танец. Что то хрустнуло под его рукой. Пламя ярости по-прежнему пеленой застилало глаза. Парень метался от одного противника к другому и бил, бил...

Он не знал, сколько это длилось. Кажется, всего только миг. Вот он стоит среди тонкоствольных осин, наблюдая за бойней, а вот уже в центре поляны. Под ногами разломанная пневматика. Скулят недобитые охотниками собаки, стонут люди. Северин стекленею-

щим взглядом оглядел место побоища. Бывшие охотники с ужасом отползали от него. У одного была сломана рука, другой лежал неподвижно, без сознания.

Даже птицы вокруг смолкли. Пугающая, безнадёжная тишина...

— Я... — парень шагнул к ним, чтобы помочь раненым, но люди с ужасом отпрянули от него. — Я не хотел...

Они кинулись врассыпную, волоча с собой того, кто был без сознания. Они все-таки еще люди. А он?.. Как он мог опять потерять над собой контроль?! Как он мог позволить ярости вырваться наружу? Из него никогда не получится хорошего бойца. Северин опустилсся на землю, сжал руками виски и глухо застонал. Как же больно! Господи, как же больно! И за что? Почему это творится именно с ним?!

Бойко закуковала кукушка, обещая кому-то длинную-длинную жизнь, но Северин ее не слышал. Он сейчас не слышал вообще ничего.

Глава 7

Неожиданная находка

Глеб вернулся в школу уже в наступающих сумерках. Он старался собраться и не думать об Ольге, но всякий раз, когда прикосновение ветра к губам напоминало прикосновение ее нежных губ, сердце начинало отчаянно биться.

Ольга... По-хорошему он не должен с ней встречаться. Ее отец уже заинтересовался школой. Что будет, если он решит навести справки?.. Но ведь Глеб обещал девушке, что не покинет ее. Она доверилась ему и не ждет от него предательства. Предать ее – то же самое, что предать самого себя. Но их дело? Их школа? Глеб застонал.

– Глеб? Тебе нехорошо? – окликнул охранник. Сегодня дежурил Леха, Серегин сменщик.

– Нет, спасибо, нормально, – выдавил Глеб. – Все в порядке?

Он спросил так, для проформы, и вовсе не ожидал ответа.

– Все, только Александра еще не вернулась, – проговорил охранник, поглядывая на часы. – Поздновато, молодежь, бродите.

Не вернулась? А она уезжала? Куда? Может, как и

он сам, решила встретиться с кем-нибудь? Нет, не может быть. Наверняка по делу... Но уже темно, а Саша водит мотоцикл не так давно... Черт! И ведь даже не позвонила... Или... Глеб взглянул на мобильник. Три пропущенных вызова. Все от Александры.

«Вот ведь кретин! – разозлился он на себя. – Что-то случилось. Что-то особенное, из-за чего сдержанная Александра трижды набирала его номер. Что-то случилось, а он, разнежившись и погрузившись в собственные чувства, словно проблесками молнии озаряемые сомнениями, забыл обо всем».

Он уже не оправдал возложенных на него надежд и не может возглавлять вверенную ему группу.

– Спасибо, Леша, разберусь, – произнес тем временем кто-то его собственным, Глеба, голосом.

Глеб прошел в школу. Оглядел пустую гостиную, где на столе сиротливо белели разложенные бумаги, и двинулся к Дининой комнате.

Реакции Динки можно было позавидовать. Она успела свернуть окно с игрой, едва он только прикоснулся к двери.

Динкина комната была образцом беспорядка. Покрывало на кровати смято, на нем валяется черная футболка с угрожающей надписью «The Truth is in Da' Death»⁶. Вполне в Динкином духе. Стол тоже весь за-

⁶Правда в смерти (англ., сленг).

вален – диски, флешки и тут же всякие щипчики, от-
вертки, кусачки, куски проводов... Черт ногу сломит! То
ли дело комната Глеба или Александры!

– Я только на минуту, – успокоил девочку Глеб, нео-
добрительно оглядывая беспорядок. Не ему и не сей-
час делать ей замечания.

– Да? – Дина крутанулась на кресле, на котором уму-
дрялась сидеть целиком, с ногами. Как есть маленький
драный котенок.

– Я ищу Александру.

– А... – Дина широко зевнула, показывая действи-
тельно кошачьи мелкие белые зубки. – Так она уехала
за рукописью.

– Одна? Никого не предупредив?

– Почему никого? – девочка хитро покосилась на
Глеба. – Я вот в курсе. Это ты неизвестно где шляешь-
ся. А Саша тебя, между прочим, искала. Хотя на ее ме-
сте... – Дина замолчала, окинув Глеба взглядом с ног
до головы.

Этот взгляд показался ему внимательным и совсем
взрослым.

– Ты не петляй, куда Александра поехала? – требо-
вательно спросил он, нахмурившись.

– Как это куда? – Девочка с невинным видом захло-
пала длинными густыми ресницами. – Конечно, к этно-
графу, у которого сборник с былинами... Так что, мож-
но мне продолжать? Я, видишь ли, немного занята...

— Ага, — хмыкнул Глеб. — Опять мир спасаешь. Ну спасай уж, что с тебя взять.

Он вышел из комнаты, набирая Сашин номер. Не отвечает. Вот ведь напасть! И Северина нет. А чем бы ему Северин помог? Может, поехать за Александрой? Взять у Дины адрес... Нет, по дороге легко разминутся. Лучше подождать здесь. И чего он, собственно, беспокоится?..

Глеб подошел к окну, прислонился лбом к холодному стеклу. За окном уже была ночь. Темнота глядела ему в глаза словно с вызовом: ну как, а со мной тебе потягаться по силам?..

«Движение в Москве плотное, всяких придурков на дороге полно... Вот ведь дуреха, и что одна поехала?» — думал Глеб, сцепив пальцы.

Десять минут... Двадцать... Теперь он снова ругал уже не Сашу, а себя, коря за пренебрежение собственными обязанностями. Он должен был быть тут, рядом с ребятами. Мало ли что...

«Еду!» — решил наконец Глеб. Это было лучше, чем сидеть на месте, изнемогая от собственного бессилия.

И в этот момент в темноте послышался гул и мелькнул слабый отсвет фар.

«Ну, наконец!» — выдохнул Глеб. И тут же добавил, мысленно адресуясь к Александре: «Ну я тебе сейчас устрою!»

Она вошла в комнату — стремительная и легкая.

Обычно аккуратно причесанные волосы растрепались, под мышкой девушка держала запыленный мотоциклетный шлем и бумажную папку.

– Что-то ты рано, – едко заметил Глеб, разрываясь между желанием вздохнуть с облегчением и на радостях обнять девушку и желанием тут же пригвоздить ее к стулу, а для надежности привязать веревкой и приколотить гвоздями... Мало ли что...

– Как получилось. – Александра застыла, словно наткнувшись на невидимую стену, и улыбка ее вдруг погасла. Чирк – и нет. – И тебя тоже, кажется, не было...

– Не забывай, я глава этой группы, и чтобы она как-то функционировала, необходимо соблюдать порядок, – произнес Глеб, чувствуя, что говорит что-то не то, но не в силах остановиться. – Так вот, я требую от тебя, чтобы впредь ты не проявляла самоуправства и самостоятельности.

– Ах, это самостоятельность?! – Александра отступила на шаг и с ненавистью уставилась на Глеба.

Воздух между ними словно сгустился. Казалось, еще чуть, и в нем засверкают молнии.

– А как еще? – Глеб с силой сжал спинку стула, так что она жалобно заскрипела под его рукой. – Почему ты поехала одна? Ты не можешь представить, что это опасно? Что я волнуюсь за тебя?

– Ты? Волнуешься? – Глаза Александры сверкали – то ли от ярости, то ли от внезапных слез. – Да ты ни за

кого не волнуешься! Ни на кого внимания не обращаешь! Даже не видишь, что...

Она замолчала.

– Что я не вижу? – переспросил Глеб, искренне удивленный.

– Ничего!

Девушка стрелой выбежала из комнаты.

Глеб, чувствуя желание убить хоть кого-нибудь, с гневом повернулся к наблюдавшей с порога своей комнаты Динке.

– А я что? Я ничего, – пробормотала девочка, поспешно исчезая за дверью.

Глеб тяжело опустился на стул. Он все больше ощущал себя дураком. О чем это Александра? Чего это он не видит? «Может, поговорить с Евгением Михайловичем? Уж он-то наверняка все видит!» – мелькнула в голове мыслишка, но Глеб тут же отогнал ее от себя: нет, не стоит, точно мальчишка, во всем искать помощи взрослых. Он должен справиться сам. Или уйти.

Александра появилась в гостиной минут через двадцать. Она успела привести себя в порядок, а на лицо вернулось то же спокойное, немного отстраненное выражение.

– Вот ксерокопия былины из собрания этнографической экспедиции. Весьма любопытная вещь, если вспомнить о нашей Велесовой книге, – заявила девушка как ни в чем не бывало. – О ней тогда Дина сведения

в Интернете нашла. Рассказать?

– Расскажи. – Глеб подвинул стул поближе и приготовился слушать.

– Конечно, расскажи! – Динка мигом (подслушивала, что ли?!) выбежала из своей комнаты и заняла любимое место в углу дивана.

– Былина о князе Владимире Красно Солнышко, княгине Евпраксии и богатыре Потоке Власьевиче, – проговорила Александра, опустившись в кресло. – Найдена в рукописном сборнике былин и сказаний этнографической экспедицией во второй половине двадцатого века. Сам сборник представляет собой кустарно переплетенную тетрадь. Оригинал был выкуплен экспедицией и до недавнего времени находился в краеведческом музее одного из городов Мурманской области. Рукопись принадлежит неизвестному автору из числа поморов, представляет собой компиляцию из целого ряда былин и сказаний. Судя по особенностям грамматики и лексики, ее сделали с намного более старого списка, предположительно датированного концом тринадцатого – началом четырнадцатого века. Судя по бумаге, составу чернил и манере написания, дошедший до нас вариант датируется концом шестнадцатого – первой третью семнадцатого века, к тому же времени относятся и оставленные на полях примечания, цифровые и буквенные обозначения. Состояние рукописи очень хорошее, степень сохранности высокая. Со-

бытия в былине приписываются времени правления Владимира Великого, но это общее место для многих текстов подобного рода.

Все это Александра проговорила привычно-сухо, словно отвечала своему любимому профессору. Глебу очень нравился ее профессионализм и четкий, словно не знающий страстей, голос. Когда Саша занималась любимым делом, она забывала обо всем.

– Так вот, жил да был в Киеве князь Владимир Красно Солнышко, – рассказывала тем временем девушка. – Все у него было: много земель подвластных, много богатства, много богатырей могучих под рукой его ходили – и старый Илья из Мурома, и Добрыня дядя княжеский, и Алеша поповский сын. А так же был среди них молодой Поток Власьевич. Сам-то лицом красен, одеждой богат, речами сладок. На всех языках мог говорить.

– Его что, в богатыри за модную одежду и образованность взяли? – спросила Дина.

– Погоди, тут дальше. И так сладки были его речи, что мог он послов чужеземных уговорить, татар проклятых убедить не нападать на русские земли. А то и заставлял врагов князя воевать друг друга.

– Погоди, там так и написано? – спросил Глеб.

– Написано по-древнерусски, но по сути так. Но Поток был славен, скажем так, не только дипломатическими способностями. И в стрельбе искусен он был.

Когда выходил он с луком на княжеский двор, сбивал лебедей высоко в поднебесье. Когда восходил он на башню Кремля Киевского и пускал каленые стрелы, поражал врагов княжеских в землях половецких и в землях немецких. А если на берег Черемного, то есть Черного, моря выходил, мог и до Царьграда дострелить.

— Киллер, — вмешалась Дина, — дипломат и киллер. А что, нужный человек! Или, может, это наш современник был. Попал в прошлое вместе с ракетной установкой и запасом снарядов.

— Ну да, — улыбнулся Глеб, — а еще он был специалистом по древним языкам, по всем сразу. И к тому же мастер карате и супермен. Ты, Дина, слишком много беллетристики читаешь. И не лучшего качества, замечу. А с сочинениями напряг!

— Да я... — вскинулась Дина. — Да если б можно было сочинения писать про то, что хочешь!..

— Хватит ругаться. Слушайте дальше, — прервала их Саша. — Тут написано, что за речи ласковые да за нрав кроткий все любили Потока. Ну да, не Илья Муромец — тот, когда сердит был, с церковью киевских купола сшибал. И полюбился он молодой княгине. Стала она его отмечать, привечать, к себе приглашать, в тавлеи — то есть в шахматы с ним играла, вечера с ним коротала. Хм... — тут Александра покраснела.

— Ну а что, — вставила Дина, — старый хрыч князь и

высокообразованный юноша. Выбор очевиден.

– Да, все примерно так и вышло. Тут дальше про то, что доброхоты-бояре стали пытаться князю глаза открыть. Непонятно, если Потока все любили, зачем они это делали.

– Ну мало ли, – вставил Глеб, – завистников всегда хватало... Кстати, а что за странное имя – Поток?

– Поток, или Потык на древнерусском – птица.

– Интересно, Поток Власьевич... Святой Власий – одно из имен, под которым языческий бог Велес вошел в христианский пантеон, – задумчиво проговорил Глеб. – То есть Птица Велеса получается... Продолжай, пожалуйста.

– Князь заподозрил плохое, но почему-то он не мог просто проследить за Потоком. Тут написано, что мудрость покрывала его, то есть Потока, от злых помыслов и чужих взглядов, как Покров Богородицы.

– Бард-варлок, двадцатый уровень, – вставила Дина, но под суровым взглядом Глеба осеклась.

– В общем, – продолжила Александра, – князю, конечно, не позавидуешь. И рогоносцем не хочется прослыть, и ценного богатыря не хочется потерять. Но ревность пересилила. У князя в глубоких подвалах за семью семью замками и запорами, за семью головами – это явно след языческих обычаев, когда для охраны какого-нибудь ценного места иликлада клали «головы» – приносили человеческую жертву. Вот там

и хранилась Книга сизая голубиная. Тут дальше так и написано – небесная Книга. И почему-то только из нее князь мог узнать все, как есть – изменяет ему княгиня или нет.

– Эпик левел артефакт, – тихо пробормотала Дина.

– Князь собрался к Книге... Тут довольно много написано. Он причастился, помолился, составил духовную – странно, зачем?

– Может, потому, что общение с Книгой было опасно, – предположил Глеб.

– Может быть. Но вот князь пошел в эти самые подвалы. Идет он, и во дворе его встречает «смерд, человек земляной, слабый, кем земля русская сильна». Смерд оброк привез – то есть продукты, которые в качестве налога он должен князю отдать. Слушайте, тут очень интересный момент. Этот смерд, почти раб, кричит князю: «Не ходи, князь, худо будет!» Не знаю, что после этого было со смердом, но князь пошел дальше. Вышел он со двора княжеского всебогатого. Значит, Книга, если это она, хранилась не в княжеском дворце. И встретился ему гость, купец тароватый, Марко из Царьграда товары привез. Купец Марко Богатый – это персонаж многих былин, почти как Садко. В общем, Марко приехал из Константинополя и несет на княжеский двор дары, как бы налог на импорт. Он вдруг говорит: «Не ходи, князь, голый останешься».

– Кто о чем, а купец о деньгах, – усмехнулся Глеб.

– Дальше князь подходит к городским стенам, и там, у ворот, стоят кмети – это княжеские воины, дружинники. У них шеломы сияют, копья острые, луки тугие и так далее. Они говорят князю: «Не ходи, господине, ущерб славе твоей будет». Как будто все знают, куда он идет.

– А дальше? – спросил Глеб.

– Дальше князь встречается священника, попа – «мудрого и пресловутого», который идет с похорон – уже, кстати, дурная примета. И поп говорит: «Не Господен сегодня день, княже, не смотрит на нас Христос Спаситель. Вернись, князь, домой». Но князь приказывает слугам своим побить попа, идет дальше и приходит в этот тайный подвал. К Книге ведет семижды семь ступеней, семь – священное число. И говорит князь «слово сильное» для каждой из семи голов. Тут заметим, что хорош Владимир Креститель, тот еще язычник. Он открывает Книгу и читает ее день и два, и три. В том числе и про измену княгини. А тем временем бояре сажают Потока в темницу, а над городом Киевом собирается черная туча, из которой падают медные люди с железным сердцем, истребляют старых и молодых.

– Жесть, – заметила Дина.

– Считается, что это о татаро-монгольском нашествии, – пояснила Саша. – Советники требуют от князя сделать что-нибудь, поднять богатырей, но тот, «очарованный Книгой», приказывает разогнать богатырей

из Киева и отравить Потока. А дальше все плохо. Потока травят. Когда медные люди похищают княгиню, он слышит ее мольбы, разбивает двери темницы, но, будучи отравлен, сильно слабеет и погибает под ударами врагов. Богатыри разъехались из Киева, кроме Ильи Муромца, который как раз решил стать монахом в одном из киевских монастырей. Он, несмотря на свой монашеский сан, вступает с пришельцами в борьбу, убивает их без счета – где махнет палицей – улица, где стрельнет из лука – переулочек. Кровь ручьями течет, запруживает Днепр. Но в конце концов медные люди одолевают и его. А князь все читает Книгу! Прямо как наркотик какой-то. Тут в тайный подвал приходят те самые медные люди со своим царем Батыгой – то есть Батыем. Он тут впервые упоминается. Это, возможно, позднейшая вставка. Режут они тело княжеское белое, льют кровь алую и убивают Владимира. А Книгу прячут калики перехожие, старички Божии, в местах нелюдных северных, за семью запорами, за семью заковрами.

– То есть Книга где-то на севере? – спросил Глеб.

– Необязательно, – возразила Саша. – С точки зрения Киева, и Владимир, и Москва тоже на севере.

– Да, любопытная былина, – снова кивнул Глеб. – А это ксерокопия? Можно взглянуть?

Александра протянула ему папку, и Глеб принялся перебирать бумаги, разглядывая.

– А это что? – ткнул он в одну из букв на полях. – Как понимаю, это не имеет отношения к тексту.

– О, таких пометок здесь много. Толи нумерация, толи... – Александра вдруг вскочила с кресла. – Ну конечно! Как я могла пропустить?! Профессор хвалил меня абсолютно незаслуженно! Я же делала это на уроке, а теперь, как дура, увлеклась содержанием!.. Дай-ка сюда!

Саша придвинула на стол бумажки и стала пролистывать их, выписывая размещенные на полях буквы. Глеб и Дина с интересом наблюдали за ней.

– Ну вот, теперь готово! – сказала девушка удовлетворенно. – Если записывать современными буквами, получится вот так...

– Можно? – Глеб придвинул к себе листок.

РГЩГУФНСМТФГУРЗ	/	КГПСНУСМЖСУСЁСМ	/
НКГНГХЦСХШУГПГ	/	ЕХУЦДЗНГПЗРРСМ	/
ЕДСОЯЫСМНОЗХЛ	/	КГФЗПЯБКГПНГПЛ	/
ФЛЖВХРСЪЛЖЗХЛ	/	ДСЙЯЗЁСЖГУГ	/
ФХЗУЗЁСХТСНСМ			

То, что было написано, напоминало бред и никак не походило на текст. Просто набор букв. Возможно, они и вправду не имеют определенного значения и служат для нумерации или выделяют абзац, у которого стоят. Надо рассмотреть их еще с этой точки зрения.

– Что это? – спросила заглянувшая за плечо Динка. – Похоже на какой-то код.

– Наверняка, – согласился Глеб. – Посмотрите, тут повторяются черточки. Видимо, они служат для разделения.

– То есть до черточки – это одно слово? Такое длинное? – спросила Динка.

Александра покачала головой.

– Нет, обратите внимание, тут нет коротких слов. Значит, перед нами целые смысловые единицы. Не обязательно предложения, – заметила она, разглядывая запись. – Вы же знаете, что в древнерусском не всегда ставились пробелы между словами?

Глеб кивнул, Динка помотала головой – вот они издержки негуманитарного образования. Впрочем, девочка молодец, сообразительная, так что наверняка наверстает.

– Я тоже думаю, это шифр, – подтвердил Глеб. – Самым распространенным на Руси был шифр литорея, основанный на замене согласных в то время, как гласные остаются неизменны.

Все принялись изучать написанное.

– Нет, – покачала головой Александра. – Непохоже. А если это что-то типа Цезаря? В Цезаре заменялись не только согласные, но и гласные буквы, и весь алфавит словно смещался. Подождите, давайте запишем алфавит, а потом попробуем соотнести его с нашим текстом.

Перепробовав несколько вариантов, ребята нако-

нец поняли систему. Если отсчитать от буквы три знака вправо, текст становился значительно связанней.

Получившийся алфавит выглядел вот так:

А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е	Ё ё	Ж ж	З з	И и
г	д	е	Ё	ж	з	и	й	к	л
Й й	К к	Л л	М м	Н н	О о	П п	Р р	С с	Т т
м	н	о	П	р	с	т	у	ф	х
У у	Ф ф	Х х	Ц ц	Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ	Ы ы	Ь ь
ц	ч	ш	Щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
Э э	Ю ю	Я я							
а	б	в							

Теперь прочитав текст не составляло труда. Так строчка до первой косой черты звучала как: НАЦАРСКОЙПСАРНЕ.

– Ну вот, – Александра с гордостью оглядела написанное. – «На царской псарне». Похоже, мы на верном пути!

Они принялись расшифровывать дальше.

– НА ЦАРСКОЙ ПСАРНЕ, ЗА МОКРОЙ ДОРОГОЙ, К ЗАКАТУ ОТ ХРАМА, В ТРУБЕ КАМЕННОЙ, В БОЛЬ-

ШОЙ КЛЕТИ ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ СИДЯТ НОЧИ ДЕТИ, БОЖЬЕГО ДАРА СТЕРЕГУТ ПОКОЙ, – прочитал наконец Глеб.

Ребята переглянулись.

– Ну, – обиженно протянула Динка, – понятней не стало. Что за царская псарня и мокрая дорога? Это после дождя она мокрая? А если дождя долго не было, то что, клад не найти?

– Ну почему... – Глеб задумчиво затеребил бумагу. – Мокрая дорога – это река.... Божий дар – наверняка Книга! С храмом, клетью и замками вопросов нет, но вот кто такие ночи дети?

– Порождения тьмы, – тихо произнесла Александра, и все вздрогнули.

– Супер! Андеды?! – Динка даже подпрыгнула на диване.

– Глупости, – Глеб укоризненно посмотрел на нее. – Это реальность, а не игровой мир. Я пока не знаю, что может означать «ночи дети», но наверняка мы найдем всему нормальное разумное объяснение, а еще мне кажется, что мы на верном пути. Больше всего это похоже на указание места, где спрятана Книга. Наверняка речь идет именно о ней.

– Но этой записи уже сто лет в обед. Что, если ее уже нашли до нас и без нас? – Динка задумчиво пососала палец. – Мы придем – а там пшик! Кстати, а куда мы, собственно, придем?

Глеб и Александра переглянулись.

– Я считаю, что Книги нет в Москве. Об этом свидетельствует и тот отрывок из мемуаров иностранного наемника, который я читала в прошлый раз, – предположила девушка

– Труба... Труба... – Глеб нахмурился. – Слышал я что-то подобное! Ну конечно! Александровская слобода! В рукописях упоминается так называемая «государева труба», которая, мол, находилась в Александровской слободе, однако до сегодняшнего дня никакой трубы не было обнаружено. К тому же слобода – одно из мест вероятного захоронения Библиотеки. Помните, когда Иван Грозный уезжал из Москвы, обидевшись на бояр, он увозил с собой многочисленные обобы, а вернулся с немногой поклажей. Я думаю, что взял он с собой все ценное – то есть в первую очередь книги. И где то многое, что было в повозках, отправляющихся из Москвы? Почему вернулся он с меньшим грузом? Вывод очевиден: что-то осталось в Александровской слободе.

– Например, книги... Заодно и целее будут, – закончила Александра, в волнении прижимая руки к груди. – И про трубу в Александровской слободе известно. Ее еще долго искали...

– Знаете, что я думаю, – пробормотала Динка, оглядывая старших товарищей. – Может, никто еще и не нашел Библиотеку. Если бы ее разыскали, в Интернет

наверняка просочилось бы. Представьте, какая сенсация! Да и кто еще такой умный, как вы?..

Глеб и Александра переглянулись, не без основания подозревая Динку в издевательстве.

– В любом случае тот, кто ничего не делает, ничего не получает, – заметил Глеб, поднимаясь со стула. – Нам нужно в Александровскую слободу, сейчас это город Александров. Сегодня же позвоню Евгению Михайловичу и сообщу о нашей находке... Вот только Северина пока нет, а без него не поедem...

– Естественно! – Динка широко улыбнулась. – Мы же команда! Кстати, надо бы придумать для нас какое-то особенное название! Скажем, «Легион шелковых убийц» или «Рука правосудия».

Глеб хмыкнул. Ребенок! Ну как есть ребенок!

– А что, идея неплоха, – неожиданно согласилась Александра. – Только название нужно попроще... Что-то очевидное и про нас, без всяких китайских или римских корней. В конце концов, мы имеем дело с нашими артефактами...

Она запнулась, произнося это слово, видимо, сама еще не поверив в реальность происходящего.

– Отлично! – Глеб хлопнул ладонью по столу. – Объявляем конкурс названий. Только Северина дождемся, без него голосовать не станем, но я тоже за что-то простое и понятное. Но звучное...

– Конечно! Чтобы золотыми буквами на высокой сте-

ле смотрелось! – добавила Динка.

Все улыбнулись, даже сдержанная Александра. Глеб покосился на нее. Похоже, она вернулась к привычному состоянию, и та странная вспышка прошла бесследно. Александра умная и сильная, но все же не стоит забывать, что ей тоже по-своему одиноко. Вот что с ней было до того, как девушка попала в их школу? Неизвестно. Саша молчит. Она вообще не слишком разговорчива. Надо уделять ей больше внимания. Глеб мысленно поставил для себя галочку на память.

А ночью он опять увидел шамана. Старик сидел в углу комнаты на корточках и улыбался, выставив желтые гнилые зубы. Его глаза угольками блестели в запавших глазницах, и в их взгляде Глебу тоже почудилась насмешка.

«Ну вот опять», – вздохнул Глеб во сне. Лучше бы ему приснилась Ольга или хотя бы сокровища Ивана Грозного. Однако сны, как известно, не выбирают, поэтому парень смирился и решил по возможности не обращать на незваного гостя внимания. Чувствуя себя так, словно и не ложился спать, Глеб включил компьютер и, загрузив карту Александрова, принялся уже в который раз ее разглядывать.

– Не угадали, однако! Совсем глупые дети, – проговорил шаман, и Глеб все же повернулся к нему.

– Вы хотите сказать, что Библиотеки в Александрове нет? – уточнил он, в глубине души понимая, что это

сон, а значит, и разговор ведется с собственным подсознанием. Должно быть, он, Глеб, сомневается, как это случается перед тем, как принять ответственное решение. Следовательно, вопрос не имеет смысла, однако не задать его молодой человек просто не мог.

– Нет, однако, – с готовностью затряс головой старик, так что тонкие косицы змеями заскользили по его засаленной одежде.

– И где же она? – спросил Глеб, начиная испытывать любопытство: вдруг подсознание все-таки ухватило какой-то важный факт. Бывало, что решения приходят к человеку во время сна. Взять хотя бы Менделеева с его знаменитой таблицей...

– Бубен, однако! – напомнил старик.

Торговаться со своим подсознанием было для Глеба чересчур, поэтому он снова отвернулся и занялся прокладкой маршрута, а после, как это часто бывает в снах, и вовсе перенесся из своей комнаты в какое-то странное место. В этом месте лил дождь, гремела гроза и по берегу Москвы-реки ехал странный отряд. Рыжая густая борода предводителя и хорошо знакомая по картинкам одежда опричников заставили Глеба подумать, что перед ним отряд самого Малюты Скуратова. «Ну вот, – подумал Глеб, – это уже лучше». Малюта забарабанил огромным кулачищем, украшенным крупными веснушками, в дубовые ворота караулки и гаркнул голосом, перекрывавшим даже далекие раска-

ты грома: «Отворяй!»

Изнутри слышалась возня, чей-то испуганный крик, а потом слабый голос неуверенно затянул псалом «Да воскреснет Бог...».

Смотреть сон про Малюту Скуратова было гораздо интереснее, чем про старого шамана, требующего вернуть бубен, но, к сожалению, сон внезапно прервался — как раз на моменте, когда грохнул засов караулки и тяжелая дверь начала приоткрываться.

Глеб открыл глаза и понял, что настало утро и нужно вставать.

Глава 8

В путь так в путь

Хотя вчера все легли очень поздно, Глеб не стал нежиться в постели. Он умылся, на минуту нырнул под ледяной душ и умчался в спортзал.

Девочки еще спали, и, разминаясь на беговой дорожке, Глеб подумал, что ему, оказывается, очень не хватает немногословного Северина. В его присутствии становилось как-то спокойней.

– Доброе утро, – в спортзал вошла Александра. По ее лицу не было заметно, что она устала или не выспалась.

Девушка заняла дорожку, на которой обычно упражнялся Северин, и Глеб перешел к силовым упражнениям.

Динка, как всегда, явилась самой последней, отчаянно зевая и потирая кулачками заспанные глаза. Хорошо, если до утра за компом не просидела.

– Ну что, когда едем? – спросила девочка первым делом, пропустив ненужные, на ее взгляд, формальности, включая утреннее приветствие.

– Завтра, – ответил Глеб, напрягая руки с гантелями. – Я поговорил с директором, наша поездка одобрена. Сегодня готовимся и ждем возвращения Северина.

Он должен вернуться вечером или в крайнем случае завтра с утра.

— Как же вечером! — Динка скорчила недовольную гримасу и с неохотой заняла освободившийся тренажер. — Этого из леса гамбургером не выманишь! Будет сидеть там до последнего. Природа, погода... подумаешь, какая важность!

— Ну уж лучше, чем за компом дни и ночи проводить, — привычно поддел Глеб, но сразу стал серьезным. — А вообще каждому свое, а ты большая молодец.

Динка, явно довольная, приосанилась и почему-то взглянула на Александра.

После завтрака Глеб сел составлять список необходимых вещей, Александра погрузилась в книги, а Динка скрылась в своей комнате, где наверняка нашла себе занятие по душе.

Мирный ход утра нарушил рев мотоцикла.

Глеб выглянул во двор. Северин уже пристраивал у крыльца свой «Suzuki». Глеб улыбнулся, заметив застрявший в колесе пучок травы. Но в следующий миг насторожился: что-то друг рано. Динка права, он пользовался любой возможностью подольше побыть в одиночестве и обожал лесную жизнь, видимо, связанную для него с памятью об отце. Интересно, с чего это он поторопился вернуться? Что-то не так.

Северин быстро прошел на крыльцо. Неслышно открылась дверь, и вот он уже в комнате. Лицо решитель-

ное. Одежда в легком беспорядке. Глеб заметил, что одна из брючин джинсов Северина внизу порвана, а на ней – темно-бурые пятна. Какие – и гадать не приходится. Видно, дело еще хуже, чем можно было представить.

Может, стоит увести его и поговорить наедине, без Александры. Зачем ее зря волновать?

Глеб шагнул навстречу другу, но тот и сам, похоже, думал так же.

– Доброе утро, Александра. Глеб, мне надо с тобой переговорить, – коротко произнес Северин.

– Здравствуй. Конечно, говорите. – Александра захлопнула книгу и встала. – Если понадобится, я у себя.

Она ушла, не задав ни единого вопроса, и вместе с тем ясно дала понять, что, если возникнет необходимость, явится по первому зову. Не спрашивая и ничего не требуя взамен.

Глядя ей вслед, Глеб почувствовал невольную гордость: как же ему все-таки повезло! Его окружают удивительные ребята, каждый, несмотря на юный возраст, профессионал, специалист в своем деле, и на каждого действительно можно положиться. Не это ли самое дорогое?

– Что случилось? – обернулся Глеб к Северину.

Тот тяжело, так непохоже на себя, шлепнулся в кресло.

– Я не могу больше находиться в команде. Мне нуж-

но уйти, – глухо произнес друг.

Глеб ожидал всего, что угодно, но только не этого, однако ничем не показал своего изумления. Он придвинул стул к креслу, где, отстраненно глядя в пол, сидел Северин, и, усевшись рядом, повторил вопрос:

– Что случилось?

– Я... Я не хотел бы об этом говорить, но ты, конечно, имеешь право знать все... – Северин тяжело вздохнул. – В общем, да, мне нельзя доверять. Я могу подвести вас и поэтому хочу выйти из команды.

Глеб молча ждал продолжения. И он не ошибся, собравшись с силами, друг снова заговорил. По вздувшимся на висках венам было заметно, что каждое слово дается ему непросто.

– У меня проблемы. С самоконтролем. Недавно я едва не покалечил тренера. Он уговорил не рассказывать об этом. А зря. – Каждая фраза Северина звучала отрывисто, словно щелканье бича. – И сегодня утром я напал на парней. Они стреляли в бродячих собак.

– Но ты же не просто так напал? Я тебя знаю, ты никогда не выйдешь из себя по пустякам. Разве это плохо, что ты вступился за животных? – Глеб наклонился к другу, пытаясь заглянуть ему в глаза, но Северин отвел взгляд.

– Плохо не это. Плохо, что я опять потерял над собой контроль. Совсем.

– И что?..

Глеб напрягся. Бурое пятно... А вон еще одно, в районе предплечья Северина... Неужели все плохо?..

«Господи, если ты есть, сделай так, чтобы Северин не оказался виновен в убийстве!» – взмолился Глеб, никогда не причислявший себя к верующим.

– Кажется, нет... Но я их точно покалечил. Одному сломал руку. Другому, кажется, заехал в висок...

– Кажется? Почему ты все время повторяешь, что тебе это кажется? Ты что, не помнишь, что творил? – Глеб потихоньку начинал закипать.

– В том-то и дело. – Северин еще ниже нагнул голову. – Я не помню. Словно это выше меня. Помню, как бежал на выстрелы. Увидел кровь и этих собак. В воздухе пахло кровью. Те... охотники... стреляли плохо. И я не знаю...

Глеба, перед глазами которого тут же возникла картинка описываемой «охоты», передернуло. Стань он сам этому свидетелем, тоже поступил бы как Северин. То есть сломал бы кому-то руку? Смог бы нанести вред человеку? Нет... Или?... Переубедить? У тех, стреляющих, были ружья, и, с некой долей вероятности, горе-охотники пребывали в состоянии опьянения. Слова на таких не действуют, это точно. Они бы только посмеялись. Наверняка Северин действовал в целях самообороны. Плохо, конечно, что его, оказывается, охватывает неконтролируемая ярость. Как берсерков – древних воинов, перед битвой вводивших себя в со-

стояние ярости до того мощной, что сами становились воплощением стихийной силы – неистовыми, быстрыми, сильными, почти нечувствительными к боли. Может, и у Северина есть древнегерманские корни?

В любом случае, что бы там ни было, товарища требовалось поддержать. А еще... без Северина ставится под угрозу вся экспедиция. Никогда не знаешь, с какой опасностью встретишься. Другого силовика у них нет, да и вряд ли Северину найдется адекватная замена...

«Надо бы поговорить с ним по душам. И быть внимательнее, особенно если нам вдруг придется столкнуться с кем-либо в боевой обстановке», – подумал Глеб.

– Я поступил бы так же. Живодеров нужно наказывать, – произнес он вслух. – Ты превосходный боец и хороший друг. Я тебе верю. Знаешь, старшие поколения говорили: «Я пошел бы с ним в разведку», имея в виду надежность товарища. Так вот, я пошел бы с тобой в разведку. Это правда.

Северин, впервые за время, пока шел этот нелегкий разговор, поднял голову и взглянул в глаза другу. Их взгляды встретились. С минуту Северин смотрел в глаза Глебу, а потом вдруг благодарно стиснул его руку.

«Вот ведь медведь!» – подумал Глеб, удерживаясь, чтобы не поморщиться от боли.

Дальше сборы пошли нормально. Северин, похоже, успокоился, хотя порой Глеб замечал, что тот словно выпадает из времени, останавливается, хмурится, раз-

мышляя о чем-то. Александра, наоборот, выглядела совершенно так же, как всегда, была внимательна и заботлива.

«Все имеют право на срыв, – думал Глеб, вспоминая, как они с Сашей стояли друг напротив друга в гостиной. – Все, кроме меня», – добавлял он тут же.

Ранним утром, пока дороги были еще относительно свободны, компания ребят двинулась в направлении Александрова. Каждый на своем мотоцикле, только Динка, слишком маленькая, чтобы получить права, сидела за спиной Глеба, довольно озираясь вокруг и постоянно крича что-то Глебу в ухо. Ее багаж был, кстати, самым увесистым: кроме ноутбука, коммуникаторов и всяких отверток-щипцов-зажимов туда входило какое-то особенное оборудование, с гордостью носимое Динкой при себе.

– Что это? – спрашивали ее.

– Узнаете! – хитро усмехалась она в ответ. – Это техника будущего, незаменимая в нашем деле!

Динке, похоже, ужасно нравилось быть взрослой и незаменимой. Глеб понимал ее: каждому нужно чувствовать свою нужность и быть востребованным. Уж кому-кому, как не ему знать это... Да что там, Глеб и сам волновался перед предстоящим заданием. Искать легендарную Библиотеку – это для него честь, то, к чему он шел с самого детства.

В детском доме Глеба не любили еще и за то, что

он был «любимчиком». В классе пятом появился у них молодой историк. Приходящий, из внешних. Он так и сыпал фактами, сверкал глазами и нервно поправлял всей пятерней непослушные кучерявые волосы. Над историком в детдоме смеялись и называли Хохликом.

Именно тогда Глеб вдруг понял свое предназначение. Истории, рассказываемые Хохликом, уводили из тесных границ скучного казенного дома, открывая невероятные просторы, даря неизведанные и тайные радости новых откровений.

Глеб слушал Хохлика с открытым ртом, и как-то само собой получалось, что он легко, не прилагая к этому никаких усилий, запоминал факты и даты. Хохлик, видя рвение ученика, тем более заметное на фоне равнодушия и паясничания остального класса, стал все более явно выделять Глеба. Он носил ему старые, затертые книги, а то и вовсе непонятно как сброшюрованные распечатки и часто рассказывал урок, обращаясь именно к нему. Впрочем, Хохлик и сам был неопытен и молод, и ему очевидно требовалась поддержка.

Потом историк пригласил Глеба к себе. Домой. В квартиру! Его отпустили, и Глеб на крохотной кухоньке ел борщ, приготовленный хохликовской мамой, под ее жалостливым взглядом и слушал ее вздохи: «Какой же худенький мальчик! Ешь, бедолага, ешь. Жизнь твоя нелегка, так хоть отъешься, пока есть

возможность». Но лучше всего оказалась комната историка, полная географических карт, толстых книг и всевозможных предметов.

– Вот эти черепки я привез с раскопок под Новороссийском, – гордо говорил Хохлик, демонстрируя ученику невнятные глиняные обломки. – Ты представляешь, что им уже более тысячи лет. Люди, сделавшие эти амфоры, уже давным-давно рассыпались в прах, а память осталась. Вот она – перед тобой. Ты видишь? Ты чувствуешь?

И Глеб, осторожно принимая в руку толстый кирпичный обломок, вдруг видел в нем драгоценное сокровище. Перед глазами вставал загорелый человек, сидящий перед гончарным кругом. Крепкими руками, разбитыми работой, он осторожно, словно ребенка, поддерживал нарастающие стенки будущего сосуда. А рядом шелестела бледно-зеленая, словно запыленная, олива с заскорузлым извилистым стволом, и зрел на солнце виноград, жадно впитывая яркие лучи, и шумело синее-синее море... И оливковые деревья, и море Глеб видел только на картинках, и тем не менее они вдруг представляли перед ним словно живыми. Казалось, только протяни руку – и почувствуешь тепло ствола, а в ладонь ударят соленые брызги.

– Как было там, на раскопках? – спрашивал Глеб.

И Хохлик в который раз терпеливо рассказывал ему о том, что это вовсе не просто. Приходится ко-

пать под жаркими лучами солнца, казалось, прожигаящими в твоей спине дырку, а потом, откладывая лопату, браться за совок, а то и за кисть, бережно перебирая каждую пядь земли, раскрошивая в уставших натруженных руках каждый ее комочек.

— А вы находили что-то... особенное? — не унимался мальчик.

И Хохлик заводил очередную историю о том, как обнаружил серебряную монету, а еще кусок черепа. А потом, уйдя в воспоминания, вздыхал, рассказывая, как они убили приползшую к костру ядовитую змею и как визжали девчонки.

Он говорил, и картинки оживали перед внутренним взором Глеба. Ему казалось, что в воздухе, где пляшут пылинки, проникающие в маленькую комнатенку через мутное стекло, рождается настоящее чудо.

Тогда, сидя в захлавленной пыльной комнате, Глеб чувствовал себя счастливым...

* * *

Они продвигались вперед, маневрируя среди потока машин, притормаживая на светофорах. Глеб и Северин добрались бы быстрее, но им приходилось подстраиваться под Александру. И зачем она решила ездить сама, когда любой из парней мог бы ее возить. По-

мнится, Глеб тогда так и предложил: «Двух мотоциклов нам на четверых вполне хватит», но Саша отчего-то уперлась и твердо заявила, что поедет сама. Сколько ее ни старались переубедить – бесполезно. Она, если что возьмет себе в голову, всегда настоит на своем.

И вот теперь... Глеб оглянулся. Саша ехала за ним. Губы упрямо сжаты. Из-под шлема выбилось несколько непослушных прядей. Видно же, что езда не доставляет ей особого удовольствия. Тогда зачем?.. Конечно, из чистого упрямства. Зато, что бы ни случилось, можно не сомневаться: Александра не станет жаловаться, стерпит, все так же закусив губу. Однажды, когда девушка только училась ездить, она упала с мотоцикла и так неудачно, что пропорола руку. Кровищи было достаточно. Глеб, помнится, тогда ужасно испугался, а Александра ничего – только побледнела и даже не вскрикнула, лишь зрачки у нее стали огромные, на всю радужку. Хорошо тогда Северин рядом оказался. Они с Глебом быстро перетянули руку и наложили повязку. Этому их тоже учили в школе. В рамках общеобразовательной, так сказать, программы.

Северин, унесшийся вперед, притормозил, поджидая друзей у обочины.

Да, все они разные, да, не всегда понимают друг друга, но все-таки они – команда.

Александров оказался обычным на первый взгляд провинциальным городком: обшарпанные дома, по-

росшие бурьяном дворы, разбитые дороги... Почти ничего здесь не напоминало о былом величии любимой царской резиденции.

Ребята подъехали к предварительно заказанной Глебом гостинице «Берег», выделяющейся на фоне окружающего пейзажа своей аккуратностью. Это было небольшое здание в три этажа, облицованное белым кирпичом, с большим застекленным на все этажи, от фундамента до крыши, фасадом. Строение казалось почти игрушечным.

Номера располагались на втором и третьем этажах, их было всего восемь. Глеб, разговоривший со скупающей администраторшей, весьма обрадовавшейся появлению новых постояльцев, выяснил, что пять комнат уже заняты, причем четыре из них – одной компанией. «Очень милые и веселые молодые люди», – охарактеризовала их администратор, и Глеб всерьез задумался, не переменить ли место жительства. Милые молодые люди могли оказаться навязчивыми и любопытными, а больше всего Глебу не хотелось привлечь внимание. Впрочем, он тут же решил, что все, возможно, к лучшему, если посмотреть на дело с другой стороны: их команда затеряется среди другой молодежи.

Глебу с Северином досталась комната на третьем этаже, с окном на восточную сторону. Рядом, в таком же двухместном номере, поселились Александра и Ди-

на.

– Как настроение? – спросил Глеб, когда они с Северином распаковывали свои рюкзаки, содержащие минимум вещей, строго все самое необходимое.

– Ничего, – буркнул тот, раскладывая на кровати взятый на случай холодов свитер.

– Я понимаю, ты до сих пор винишь себя в произошедшем, но твоей вины здесь нет. Я вот подумал. – Глеб присел на свою кровать и взглянул на друга, все еще избегающего смотреть в его сторону. – Когда ты чувствуешь, что вот-вот потеряешь контроль над собой, вспомни о чем-нибудь хорошем, о том, от чего тебе всегда становится лучше. У тебя же есть такие воспоминания?

Северин отложил вещи и посмотрел Глебу в глаза:

– Да, есть. – Будто синее пламя полыхнуло, а линия губ стала мягче, словно они вот-вот были готовы сложиться в улыбку.

«Удача!» – мысленно обрадовался Глеб. И ничего, что Северин пока молчит, в опасной обстановке он должен вспомнить этот совет – прием не хитрый, но эффективный.

Они развесили в шкафы свои вещи и, встретившись с Александрой и Диной, отправились осматривать Александровский кремль.

Гостиница находилась неподалеку от исторического центра, так что долго идти ребятам не пришлось.

— Это место известно с четырнадцатого века, — рассказывал Глеб, пока остальные разглядывали кремлевские белые стены. — Многие князья останавливались в Великой, или Александровской слободе, следуя на богомолье. В самом начале шестнадцатого века, при отце Ивана Грозного, здесь построили дворцовый комплекс, некоторые из сооружений сохранились до сих пор. Сам Иван Васильевич очень любил слободу. Некоторое время она была фактически политическим центром России. Сюда даже перевели первую в России типографию, где трудились ученики первопечатника Ивана Федорова, здесь грозный царь выбрал себе одну из многочисленных жен и справил свадьбу с красавицей Марфой Собакиной. Здесь же и появилась опричнина... Пойдите, как там говорилось в нашей записке: «На царской псарне...»... Ну конечно! Как же я сразу не подумал! Еще одно указание на Александровскую слободу! Царские псы — это опричники! Не зря они возили у седла метлу и песью голову в знак того, что выметут всю измену и будут верны царю, как собаки. Где еще быть царской псарне, как не в месте возникновения опричной службы!

— И красавица местная Марфа Собакина. Собакина, обратите внимание, не Кошкина, — заметила Динка. — Вдруг неспроста?..

— А что... — Глеб пожал плечами, — все может быть...

— И окрестности здесь богатые, — вдруг подал голос

Северин. – Я заметил это, еще когда мы ехали. Так что, должно быть, государь и охотился здесь, а значит, и настоящая псарня должна быть...

– Вполне возможно, – кивнул Глеб. – Такое в древности любили: чтобы одна и та же примета соответствовала сразу нескольким понятиям, имела одновременно и прямое, и переносное значение.

– Все так. Но где искать, пока совершенно непонятно... – Александра задумчиво обвела глазами открывающуюся картину.

Ближайшая к входным воротам Успенская церковь была построена в интересующий период и вполне могла укрывать подземный ход, ведущий к кладу. То же самое можно было сказать о Троицком соборе и Покровской церкви. Правда, Марфины палаты, на которые как на точку отсчета указывала одна из общеизвестных версий нахождения Библиотеки, сразу можно было сбросить со счета. Пристройку, где десять лет провела в заточении Марфа Алексеевна, сводная сестра царя Петра Первого, построили позже, спустя много лет после смерти Ивана Грозного.

Очутившись в самом сердце двора, вероятно, скрывающего в себе одну из самых заветных и древних тайн, ребята притихли. Старинные беленые стены, возносящиеся в ярко-синее высокое небо луковки и купала – все казалось величественным и прекрасным. Хрипло и как-то злорадно закаркала ворона, нарушая

воцарившуюся тишину, и сразу в мир вернулись другие звуки. Где-то заскрипела тяжелая ветка, в отдалении слышались голоса людей, идущих к Троицкому собору на утреннюю службу.

– Я верю, что Книга может находиться здесь... Но как ее найти? – повторила свой вопрос Александра.

– А вот как раз для этого и требуются современные технологии! – засмеялась Динка, похлопав по своей сумке. – Помните, я вам говорила, что везу с собой кое-что интересное?..

– И что же? – спросил Глеб, видя, что девочка замерла в ожидании расспросов.

Динка открыла сумку и извлекла небольшой прибор, более всего походивший на iPhone.

– Не стану грузить техническими подробностями, – она с чувством превосходства оглядела типичных гуманитариев – Александру и Глеба, – но суть такова, что этот прибор испускает особые волны, исследующие структуру земной поверхности под нами, и представляет собранные сведения в виде карты, где будут отражены все провалы, разломы, вкрапления иных пород и прочее... Ну как? – она хитро взглянула на Глеба, не выдержав до конца роль серьезного технического гения.

– Прикольно, – в Динкиной манере согласился Глеб. – А на эту штуку точно можно положиться?

– Еще бы! – обиделась девочка. – Если бы все так

же, как ты, сомневались в техническом прогрессе, то не было бы ни компьютеров, ни телефонов, ни даже машин – сидели бы себе в пещере и охотились на динозавров!

– Дин, не хочу тебя расстраивать, но эпоха динозавров и эпоха людей не то чтобы совпадают, – поправил Глеб.

– А, – отмахнулась девочка, – хоть на мамонтов, хоть на волков и медведей!

Северин, оглянувшись, взглянул на нее так, что Динка поспешно замотала головой.

– То есть я не имею ничего против охоты, – тут же поправилась она. – Охота – дело хорошее, но прогресс тоже нужен.

– Ладно, – махнул рукой Глеб, – может, приступим к делу?

Они старательно обошли всю территорию кремля. Один раз их окликнули, сетуя, что ребята зашли на территорию, не предназначенную для посещения, но Глеб столь мило улыбался и продемонстрировал такие знания истории Александровского кремля, что служительница в черном платке смягчилась и, напротив, сама охотно разговорилась с ребятами.

– Пойдемте, я покажу вам нашу коллекцию. Не всякий день встретишь молодежь, интересующуюся историей, – сказала она, наконец.

Никаких особенных сведений монахиня Анна не пре-

доставила, но Глеб был доволен: неплохо в первый же день завести знакомство в стенах кремля. Наверняка в дальнейшем пригодится.

Динка плелась где-то позади, пользуясь возможностью продолжить исследования.

— Что это ваша девочка все с телефоном играет? — спросила Анна.

— У сестры интернет-зависимость, — сообщил Глеб, позволив голосу отразить искренние сожаления по данному поводу. — Вот даже сюда привезли в надежде, что излечится.

— Молодежь... — горестно вздохнула монахиня. — А все это от лукавого. Во все времена бесовские искушения существуют — и власть, и богатство, и пьянство... вот теперь еще этот Интернет прибавился... Уж ничего, поставлю за твою сестру свечу, авось полегчает.

Ребята с благодарностью расстались с новой знакомой и уже было собирались вернуться в гостиницу, чтобы обработать собранные материалы, когда Северин вдруг нагнулся, поднимая что-то из грязи.

— А это что? — спросил он. — Похоже на деньги...

На ладони Северина лежала монета, напоминающая очертаниями не совсем правильный овал. На ней можно было разглядеть полустершийся, но еще опознаваемый рисунок: весьма символично изображенный всадник с копьем.

— Можно? — Глеб бережно взял в руки кусочек метал-

ла и перевернул его.

Так и есть.

– Это копейка. Так монеты и назывались из-за всадника с копьем, – пояснил он. – Одна из самых распространенных монет во времена Ивана Грозного. Не то чтобы большая нумизматическая редкость... но то, что ты нашел ее прямо тут, под ногами...

– Это значит, что мы на верном пути? – оживилась Динка.

– Необязательно, – покачала головой Александра. – Не нужно искать знаки там, где их нет. Возможно, объяснение самое простое. Скажем, кто-то нес на продажу старинные деньги из своей коллекции и обронил монетку... Бывает...

Глеб промолчал. Просто совпадение? Вероятнее всего, но все-таки...

Глава 9

Конкуренты и дилетанты

Звуки гитары были слышны еще на подходе к гостинице, а когда ребята приблизились, то смогли различить слова.

Кавалергарда век не долог,
И потому так сладок он!
Труба трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон... —

уверенно и страстно выводил красивый мужской голос.

— Окуджава. Наши соседи — образованные люди, — отметила Александра, едва заметно приподняв тонкие брови.

— Хорошо, если не туристы-походники, — отозвался Глеб с меньшим энтузиазмом и опять подумал, что, возможно, был не прав, остановившись в выбранном отеле.

Любители романтических бардовских песен обнаружили на веранде. В центре восседал полный бородатый мужчина с гитарой, окруженный компанией парней и девушек от восемнадцати до тридцати — тридца-

ти с небольшим.

Скучающая администраторша, высунувшись из окна и подперев щеку рукой, с романтической грустью во взоре наблюдала за молодежью.

Глеб собирался было проскочить мимо и подняться к себе, избежав завязывания знакомств, но не тут-то было.

– А вот и соседи! – объявил бородатый, небрежно обрывая аккорд. – Айда к нам, ребята, у нас весело!

– Присоединяйтесь! – загалдели со всех сторон.

Северин просительно взглянул на Глеба. Видно было, что компания ему понравилась, но и неудивительно: и вправду типичные походники, предпочитающие пыль дорог спокойствию дома, свои в доску ребята.

«Ну что же, время пока есть, хуже не будет, почему бы не познакомиться», – решил Глеб и протянул бородатому руку, признавая в нем лидера соседей.

– Кирилл, – представился исполнитель Окуджавы.

– Миша, Лера, Юра, Сережа, тоже Сережа, Денис, Паша, Анастасия, – послышалось со всех сторон.

Непривычная форма имени – Анастасия – заставила Глеба взглянуть на его обладательницу. Это была стройная высокая девушка со светло-русыми волосами, очень красивая и яркая, эффектная. Одежда у нее тоже оказалась вызывающая – коротенький, на грани разумного, ярко-оранжевый топик и белые, высоко обрезанные, шорты, выгодно открывающие гладкие заго-

релые, несмотря на начало теплого сезона, ноги.

Поймав взгляд Глеба, она улыбнулась.

Компания Глеба, в свою очередь, представилась.

– Присаживайтесь, ребята, – проявлял гостеприимство Кирилл. – Рассказывайте, откуда прибыли и по какому случаю в сем дивном граде?

– Из Подмосковья. – Глеб сел на перила. – Достопримечательности приехали посмотреть.

– Да, здесь есть чем полюбоваться! – Кирилл улыбнулся со сдержанной гордостью, как будто все эти края – от горизонта до горизонта – принадлежали ему и лично его заслугой была их красота и благолепие.

Все помолчали, и Кирилл снова тронул струны гитары. Играл он хорошо, что называется, с душой.

– Я видела, как вы приехали, – раздался у уха Глеба медовый голос.

Глеб вздрогнул. Красавица Настя, небрежно облокотившись о перила, стояла совсем рядом. Надо же, как тихо ходит, совсем неслышно!

– А вы здесь давно? – поинтересовался Глеб, чтобы поддержать разговор. Настя, безусловно, была очень хороша.

– Да нет, всего два дня. Но уже успели соскучиться. Знаешь, совсем сонный городок, здесь совершенно ничего не происходит! – Анастасия склонила голову к плечу и взмахнула длинными ресницами, должно быть, прекрасно понимая, как действует на парней по-

добный взгляд.

– Так что же не поедете дальше? Вы же по Золотому кольцу путешествуете? – любопытствовал Глеб, лениво слушая пение бородатого Кирилла.

– Нет, Библиотеку Ивана Грозного ищем, – ответила девушка, и Глеб оперся рукой на перила, чувствуя, что, пожалуй, сейчас свалится с них.

– Что вы ищете? – переспросил он, еще надеясь на слуховую галлюцинацию.

– Библиотеку Ивана Грозного, – повторила Анастасия с чарующей улыбкой. – Ну, может, слышал, была такая легендарная библиотека. Она давным-давно пропала, а вот мы ее ищем.

– Да, что-то слышал, – выдавил из себя Глеб и посмотрел на своих ребят.

Северин и Динка уже пристроились рядом с Кириллом и даже не глядели в сторону Глеба. Александра сидела чуть в отдалении, спиной к нему, но по тому, как напряжена эта идеально выпрямленная спина, Глеб понял, что девушке не очень уютно. Интересно, отчего?..

– И как успехи? – осторожно продолжил Глеб, стараясь придать лицу выражение скучающего любопытства. – Нашли уже?

– Нет еще, – вздохнула Настя, – я же говорю, что скучно... А хотите, присоединяйтесь к нам! Кирилл вот даже схему поисков составил.

– Ммм... – Глеб растерялся, не зная что и сказать на такое щедрое предложение.

«А они точно не знают о нашей миссии? Может, это проверка?» – мелькнула в голове мысль. Он еще раз внимательно взглянул на Анастасию – непохоже, что она лукавит и провоцирует. Вернее, конечно, провоцирует, но судя по улыбке, скорее на другое...

– Щедрое предложение! – он рассмеялся. – Даже не знаю. У нас тут своя программа, нужно к культурологии подготовиться, но я бы полюбопытствовал, что у вас там.

Настя отнесла интерес Глеба на свой счет, поэтому медленным, видимо, подсмотренным где-то жестом, поправила волосы, демонстрируя изящное запястье с тонкими ремешками-браслетиками.

Спустя еще минут сорок Глеб знал о своей новой знакомой если не все, то почти все. Анастасия училась на первом курсе юридического института в Москве, хотя сама родом была из Саратова. Лера – вторая девочка из компании, кстати, совершенно простенькая, с невыразительным лицом и короткими цвета мышиной шкурки волосами, оказалась ее соседкой по общежитию. Вначале девочки отнеслись друг к другу настороженно, но затем даже подружились, и Лера, которая находилась в столице уже третий год, привела новую подругу в свою компанию.

Кирилл – уже взрослый, лет тридцати, инициатив-

ный и говорливый, а к тому же настоящий музыкант, произвел на Настю огромное впечатление. Заслушавшись рассказами о походах и поистине наполеоновскими планами, девушка выразила желание поучаствовать в розысках Библиотеки.

Это Насте представлялось примерно так: они приезжают в Александров, где, по мнению Кирилла, спрятана царская библиотека, здесь ищут сокровище, причем именно она, Настя, неожиданно его находит. Скажем, разгадывает загадку сфинкса или небрежно опирается рукой на стену, а за ней оказывается тайник, который не открывали, пожалуй, со времен Ивана Четвертого. Разумеется, все это сопровождается захватывающими приключениями, среди которых скачка на диких лошадях, преследование какими-нибудь сектантами, лучше огнепоклонниками и каннибалами, но в этом пункте Настя немного сомневалась, дуэль на крыше идущего поезда и, разумеется, настоящее романтическое чувство. В общем, «Индиана Джонс» в чистом виде.

Однако реальность позорно проигрывала воображению. Городишко оказался откровенно скучным, не сравнимым не то что с Москвой, даже с родным Саратовом; поиски были какими-то дурацкими и до сих пор ни к чему не привели, преследователи и каннибалы на горизонте не появлялись, а на романтической линии сразу можно было поставить жирный крест в связи

с отсутствием достойных кандидатур. К этому времени Настя, очевидно, совершенно разочаровалась в Кирилле, которого даже сослепу было невозможно принять за романтического героя.

Впрочем, Глеб показался девушке перспективным, ее даже не слишком расстроило, что он на полтора года младше ее.

— А ты выглядишь старше, — заметила она, когда на ее вопрос Глеб назвал свой возраст, и, видимо, на этой мысли и примирилась со сложившейся ситуацией.

Через некоторое время компания переместилась в соседнее кафе, а Глеб, отговорившись делами, ушел в номер.

Александра уже давно покинула общительных соседей, Динка, всегда предпочитавшая дистанционное общение, тоже ушла. Оставался один Северин, но Глеб был уверен, что ему-то общение как раз на пользу. Пусть отвлечется от всяких ненужных мыслей, а заодно, возможно, еще сведения соберет — то, что друг не проболтается сам, Глеб был абсолютно уверен.

Вечером, кое-как отговорившись от нового приглашения, вся команда собралась в небольшом кафе подальше от «Берега» — на всякий случай, чтобы не пересечься с конкурентами.

— Ну, каково ваше мнение? — спросил Глеб, имея в виду компанию Кирилла.

— Неплохие ребята, — сказал Северин.

– Давайте переедем! – одновременно с ним произнесла Александра.

– Почему переедем? – Глеб и сам, признаться, подумывавший об этом, посмотрел на Сашу с изумлением.

Она взяла в руки солонку и принялась ее вертеть.

– Слишком много шума и слишком много вопросов, – ответила наконец девушка.

Динка ухмыльнулась и посмотрела на Глеба такими хитрыми глазами, что его взяло серьезное подозрение: что-то здесь не чисто.

– Что ты имеешь в виду? – настаивал он.

– Ничего. – Александра взглянула ему в глаза. – Абсолютно ничего. Ты, наверное, нашел с ними общий язык.

– Ну цель-то у нас одна – отыскать Библиотеку, – заметил Глеб. – И у нас преимущество. Мы знаем, что они ищут, а они ничего не знают о нас. В общем, я считаю, что переезжать не следует – так мы не упустим их из виду.

По мере того как Глеб говорил, голос его становился все увереннее. Необъяснимая досада Александры каким-то образом помогла ему принять решение, и теперь он считал его единственно правильным.

– Я тоже не думаю, что следует переезжать. Гостиница нормальная, близко к Кремлю, – согласился Северин. – Хотя если поставить палатки...

– Ну нет! – возмущенно взвизгнула Дина. – Я не могу

работать в палатке! В лесу нестабильная связь! Так что остаемся!

Глеб развел руками, демонстрируя, что абсолютно не виноват, что большинство ребят из группы поддержали его, и Александра склонилась к тарелке, признавая его победу.

– Кстати, – спросил Глеб, поворачиваясь к Дине, – что там с нашей картой?

– Евгений Михайлович обещал, что обработают и пришлют завтра с утра, – девочка громко зевнула, прикрывая рот маленькой розовой ладошкой.

– Ну хорошо, тогда ужинаем – и спать, – объявил Глеб. – Хотя, постойте, на повестке дня еще один вопрос. Помните, мы хотели придумать название для нашей команды?

Все кивнули.

– Думаю, пора выбирать, – продолжил Глеб. – Давайте каждый напишет на листочке свой вариант, а потом мы положим их в мотоциклетный шлем и вытащим вслепую. Пусть в дело вступит судьба. Устраивает?

– И что, то что выпадет, то и возьмете? – ехидно спросила Динка. Видимо, в ее голове уже кружились варианты – один страшнее другого.

– А почему бы и нет. Давайте ужинать, еда остывает. Они отлично поужинали и вернулись в гостиницу.

Здесь Глеб вручил каждому листок из своего блокнота и подставил мотоциклетный шлем, которому вы-

пала великая честь стать чашей судьбы.

Все склонились над бумажками. Александра написала быстро, не раздумывая. Видно, вариант она уже подобрала. Северин немного подумал, улыбнулся и тоже черкнул что-то на своем листке. Зато Динка пребывала в явных творческих метаниях, грызла ручку и кидала на окружающих пронизывающие взоры. Сам Глеб давным-давно придумал свое название и сейчас быстро и аккуратно записал его на бумаге.

– Складываем все одинаково, в четыре загиба, – велел Глеб, первым бросив свою бумажку в шлем.

Наконец, все члены команды проголосовали, даже Динка, с отчаянным выражением на лице, на что-то решилась.

– Ну... – Глеб отчего-то ощущал сильное волнение. Осторожно, словно от этого и вправду зависела их судьба, он взболтал бумажки и решительно вытащил одну из них.

В комнате, где собрались все четверо, воцарилась напряженная тишина.

– Ну, читаю... – Глеб развернул бумажку. – «Русичи», – произнес он и с облегчением вздохнул: в последний момент ему подумалось, что сейчас он вытащит какой-нибудь сумасшедший Динкин вариант типа «Покорители вселенной» или «Команда Черного Властелина» – она на это была вполне способна. – Чье это название? – он оглядел друзей.

– Мое, – признался Северин. – Плохо?

– Нет, отчего же? По-моему отлично! – Глеб улыбнулся – название было действительно очень северинским – прямым, конкретным и ясным, а это вовсе неплохо.

– Жаль, не мое! Ну не везет мне в бумажной сфере... – пожаловалась Динка. – Вот если бы подбирали с помощью компа, не сомневаюсь, на чьей стороне была бы удача. Ну да ладно, сойдет, – милостиво согласилась она.

– Мне нравится, – спокойно согласилась Александра. – А теперь, если никто не против, я пойду к себе, я еще кое-какие книги полистать хотела...

– Да, – очнулся Глеб, – завтра у нас, вероятно, будет трудный день, так что давайте отдохнем. Только не засиживайся над книгами, – обратился он к Саше.

Она улыбнулась.

Перед сном Глеб вышел, чтобы позвонить Ольге, и наткнулся на Настю.

Она сидела на подоконнике и откровенно скучала.

– О, Глебушка! Ну наконец! – обрадовалась она появлению парня. – А я тебя ждала!

– Правда? – Глеб усмехнулся. Полученное воспитание мешало ему отшить Настю, однако красавица уже начинала ему надоедать.

По правде говоря, у него никогда не складывалось с девочками. Он их не понимал – вот и все! В дет-

ском доме одна из них, Лена, выбрала его в кавалеры и молчаливо ходила за ним. Глеб был единственным, кто долгое время умудрялся не замечать этого, пропуская ее влюбленность, а заодно все шутки и перешептывания за своей спиной. Тогда его увлекала только учеба и, конечно, истории Хохлика. Но Лена не сдавалась.

– Я хочу с тобой дружить, – как-то сказала она.

Глеб ни тогда, ни сейчас не представлял, как тяжело дались эти слова девочке, как много насмешек она вынесла за время своего робкого, но отчаянного ухаживания.

– Извини, мне некогда, не мешай, – ответил он.

А на следующий день Лену будто бы подменили. Она стала громко смеяться над Глебом, направляя на него одноклассников. Именно она придумала ехидное прозвище, которым Глеба вскоре стал звать весь класс. Звездный мальчик. Вроде даже лестно, однако когда это произносят нарочито писклявым противным голосом, смысл меняется.

Хуже всего было то, что Лена попала в десятку. Глеб и вправду воображал себя звездным мальчиком – тем самым, из уайльдовской сказки. Ложась спать на холодные полусырые простыни, он любил думать, что где-то есть его родители... Совершенно необыкновенные. Сначала, лет в пять он думал, что они король и королева, затем считал их пришельца-

ми из другой, более великой цивилизации и наконец был готов принять их космонавтами или просто гениальными учеными.

Этот миф он долгое время не рассказывал никому и даже не понимал, как Ленка догадалась. Может, виной тому зачитанная книга сказок, что до сих пор лежала в его тумбочке между подаренной Хохликом «Жизнью двенадцати цезарей» Светония и «Камо Грядеши» Сенкевича.

С тех пор девчонок Глеб опасался и по возможности избегал. Вплоть до появления Ольги. Но Ольга, разумеется, это совсем другая история.

– У тебя нитка на плече! – Настя положила руку на плечо Глеба, то ли снимая нитку, то ли прижимаясь к нему.

Ее губы были кокетливо приоткрыты. Кажется, девушка не сомневалась, что он сейчас прильнет к ним и поцелует. От нее пахло какими-то сладкими духами.

И в этот момент Глеб вдруг увидел Александру. Она стояла у перил и смотрела на них.

«Какое нелепое положение!» – подумал Глеб, а Александра, будто опомнившись, круто развернулась и скрылась в дверях своего номера.

– Извини, поговорим завтра, я устал. – Глеб осторожно, словно живую мышь, снял с плеча Настину руку.

– Ну как знаешь! – хмыкнула она ему вслед, и Глеб подумал, что за прошедшие четыре года, похоже, так и

не научился выстраивать отношения со своими ровесниками. Несмотря на все уроки психологии.

Глава 10

Nightmare

Низкие своды подвала нависали над головой, словно давя на нее всей своей тяжестью. Спертый воздух с трудом проникал в легкие.

Глеб задыхался, чувствуя, как по спине течет липкий противный пот.

Кап-кап-кап – монотонно стучала сочащаяся со стен старой кирпичной кладки вода, собираясь у ног парня в мутноватую лужицу.

Было холодно, ужасно холодно. И этот холод казался иным, не таким, как обычно – он проникал до самых костей... нет, что там – до самого сердца, словно хватая его ледяными когтистыми руками.

Глеб уже давно не помнил, чтобы ему было *настолько* страшно.

Страх был живым. Он дышал Глебу в затылок, клубился по углам рваными кусками паутины, отвратительно шевелящимися под ветерком...

Постойте... здесь есть ветер? Значит, есть и выход.

Стараясь не обращать внимания на предательски заколотившееся сердце, Глеб сжал зубы и шагнул вперед.

Первый шаг дался с огромным трудом, словно он

шел по болоту, преодолевая сопротивление. На миг Глебу показалось, что он и вправду попал в трясины, и сейчас она жадно затянет его в темное нечто, где нет ни неба, ни воздуха, ни жизни...

– Сме-е-е-ерть.... Сме-е-е-ерть... – слышался тихий, лишенный всяких эмоций шепот... То ли пророча, то ли предостерегая.

Глеб остановился, чувствуя, что ноги налились свинцом.

Но не зря же он пришел сюда?! Не зря в него верят и Евгений Михайлович, и товарищи. Может ли он струсить, спасовать? Нет! Никогда! Уж лучше действительно смерть! Он никогда не станет вновь бессильным и слабым, вечным лузером, каким был когда-то! Поэтому выбора нет – только вперед.

«Ну, держись, еще шаг. Я знаю, ты можешь!» – подбадривал себя Глеб.

Холодный ветер дохнул прямо в лицо, но парень лишь упрямо наклонил голову и медленно двинулся вперед. Шаг. И еще шаг...

Двери похожи на хищно раззявленный рот. Войти в них страшно, назад – пути нет.

И Глеб вошел, давно держась только на собственной воле, с усилием управляя негнущимся, словно деревянным, телом.

– Сме-е-е-ерть... – снова прошелестел голос.

И Глеб увидел, что из темноты на него глядят прова-

лы глаз. Комната, в которую он попал, была полна старой смерти, которая теперь тянула к нему множество своих костлявых рук.

У смерти были погасшие глаза и когтистые, обтянутые сухой желто-белой кожей руки.

– Ты наруш-ш-шил запрет-т, – раздался глубокий вздох, отразившийся от мрачных стен подземелья, – ты останеш-ш-шься с нами! Так захотела Книга!

Десятки когтистых жестких рук вцепились в него со всех сторон, сжали грудь и горло, перекрыли дыхание. Глеб хотел закричать, но не смог. Он задыхался, понимая, что умирает. Теперь ему действительно не спастись!.. Кто же знал, что умирать – это так больно!..

Вздох, еще один судорожный вздох. Воздух, поступивший в его легкие, показался Глебу сладким, как мед. Нет, гораздо слаще меда.

Грудь болела, сердце бешено отбивало ритм, словно барабан, призывающий в атаку... Но он был жив... Жив – и это главное!..

Над Глебом склонился Северин, на лице – беспокойство, смешанное с удивлением.

– Глеб, что-то случилось?

Глеб еще не мог говорить, поэтому едва заметно помотал головой. Боль и холод медленно отступали, с неохотой оставляя свою добычу, каким-то чудом отвоеванную у прожорливой смерти.

– Ты хрипел и метался, словно тебе было очень пло-

хо, – сочувственно сказал Северин. – На вот, попей, у меня минералка есть.

Глеб глотнул. Никогда вода не казалась ему такой живительной и вкусной.

– Спасибо, – хрипло сказал он, – теперь мне действительно лучше.

Северин уже давно заснул, сладко посапывая во сне, а Глеб все ворочался с боку на бок. Мысли о страшном и странном сне грызли его, как голодные собаки кость.

С одной стороны, Глеб прекрасно понимал, что сон вполне объясним естественными причинами – волнением, вызванным приближением к разгадке; страхом допустить ошибку; общим тревожным состоянием... В общем, Глеб мог найти десятки разумных и обоснованных объяснений, но где-то глубоко в подсознании жил древний панический страх. «Это не к добру», – нашептывал он во влажном мраке ночи.

Глеб не боялся снов, но в последнее время ему снились уж очень странные сны, особенно подробные и до ужаса реальные... Даже сейчас, стоило вспомнить медленный перестук капель, старую кирпичную стену подвала или прикосновение ледяных призрачных рук, как сердце испуганно вздрагивало, а тело напряженно замирало.

Но может ли Глеб спасовать из-за какого-то сна? Разумеется, нет! Не зря в него верит и Евгений Михайло-

вич, и товарищи. Может ли он струсить? Нет! Никогда!

Тут Глеб вспомнил, что точно так же думал и во сне — как раз *перед тем, как все началось...*

— Бред! Никакой мистики нет и быть не может, — зашептал он, уткнувшись носом в подушку.

На соседней кровати беспокойно завозился Северин.

«Спокойно!» — велел себе Глеб и, хотя на душе было по-прежнему беспокойно, проверенная система сработала, и ему удалось заставить себя заснуть.

Остаток ночи прошел без сновидений.

С утра они собрались позавтракать в кафе при гостинице.

Компания Кирилла, полночи распевавшая песни, еще спала, так что можно было спокойно разговаривать за чашкой кофе и свежими блинчиками с джемом.

Сейчас, при ярком солнечном свете, Глеб уже почти забыл о своем кошмаре, тем более что посетил он, похоже, его одного.

Динка так вертелась, демонстрируя нетерпение, что не нужно было вопросов, чтобы понять: у нее есть новости, и, судя по всему, перспективные.

— Ну, рассказывай, — сказал Глеб, когда все уселись за стол со своими тарелками.

— Ответ пришел! — доложила довольная Дина. — У нас есть карта! И угадайте, что на ней?

— Клад? — предположил Северин, отпивая кофе.

– Ну почему сразу клад?! – обиделась девочка. – Но, считай, что путь к кладу. Под кремлем и центральной частью города действительно есть пустоты, похожие на подземелья. Остается только спуститься туда...

Глеб вздрогнул, вдруг припомнив подземелье из сна. А он-то думал, что все уже забылось!

– И как это сделать? Может, у них тут экскурсии устраивают: «Тайными тропами Александрова»? – пошутил Северин.

Глеб посмотрел на Сашу, она упорно избегала его взгляда и, похоже, не была расположена к общению. Может, тоже плохо спала?

– И на этот вопрос у меня есть ответ! – возликовала Дина, ощущающая себя героиней дня. – Вот посмотрите, – она придвинула к друзьям свой маленький ноут, – ход тянется под жилыми домами. Есть идея, что где-то там может быть запасной выход...

– Но дома эти явно построены плюс-минус в наше время, – наконец, подала голос Александра. Она ничего не ела и только гоняла по тарелке ни в чем не повинный кусочек блина.

– А я считаю, Дина права. В любом случае надо осмотреться, – решил Глеб.

Александра промолчала и демонстративно отвернулась.

Глеб почувствовал досаду. Ну вот, опять что-то не то. И как понимать этих девчонок?! Хорошо, что Ольга не

такая. Она, похоже, единственное исключение из своего племени – по-настоящему женственная и нежная, а еще удивительно открытая и искренняя. Таких больше нет.

Дальше завтрак шел в молчании. Каждый думал о своем, вновь и вновь задавая себе вопрос: неужели получилось? Неужели все оказалось так легко, что даже не верится, и теперь они всего в одном шаге от тайны?!

Наконец, с едой было покончено, и ребята вышли на улицу.

День выдался сумрачный. Небо было густо заштриховано тучами, вот-вот грозящими прорваться стремительными дождевыми потоками.

Ребята еще раз медленно обошли кремль. С одной стороны – дорога, с двух других – частные, совсем деревенские, дома, с третьей – футбольное поле.

– Здесь раньше были крепостные валы, – пояснил Глеб. – Нам туда – за них. Судя по Динкиной карте, главный ход вел именно в ту сторону, что, в общем, и логично.

За полем действительно начинался жилой квартал. Глеб и Дина вели группу, то и дело сверяясь с картой.

– Где-то здесь, – сказал Глеб, останавливаясь.

Они оказались рядом с довольно старым домом, стоящим за покосившимся забором. Весь двор зарос сорной травой, а дом выглядел развалюхой.

– Кажется, нам повезло, и у этого дома нет хозяина, –

обрадовался Глеб.

Северин медленно покачал головой:

– Ты не прав. Здесь кто-то живет. Старый одинокий человек.

– Но как, Холмс? – процитировала известный фильм Динка.

Северин неожиданно смутился.

– Сам не знаю, – пробормотал он. – Ну, всякие мелочи. Вон у крыльца галоши стоят, а в окне старая марлевая занавеска. И то, что двор не ухожен, выдает, что владелец стар и устал от жизни. Видите, у него даже собаки нет.

– А ты и вправду неплохой сыщик, – улыбнулся Глеб. – Что ты еще заметил?

– Ну, ничего особенного... – Северин нахмурился. – Хотя, постойте. Посмотрите на фундамент...

Глеб перегнулся через забор.

– Да, у тебя отличное зрение, – проговорил он через какое-то время. – Теперь и я вижу, что фундамент нашего старше дома. Вернее, дом был построен на очень старом фундаменте... Что же, пожалуй, у нас есть некий шанс...

– Смотрите, да это наши соседи! – слышался вдруг громкий голос Кирилла.

Он и его компания, среди которой, к счастью, не было Насти, вынырнули откуда-то из дворов и теперь бодрым шагом двигались к ребятам.

– Ну что, культурологи, – громыхал Кирилл, – архитектурные достопримечательности рассматриваете?

– Хотят добавить новый архитектурный объект в список ЮНЕСКО, – пошутил кто-то из его компании.

Глеб напрягся. Как же они не вовремя! Совпадение? Или все же нет?..

– Привет, – кивнул он, подавая для пожатия руку Кириллу. – Нельзя судить о великом, не зная малого. Это пусть туристы, кроме кремля, ничего не видят, мы люди разносторонние, а этот дом, зря смеетесь, выглядит интересно.

Кирилл приблизился к забору и уставился на покосившееся строение.

– Ммм... – наконец, пробормотал он. – Середина девятнадцатого века, а фундамент, видно, и того старше. Однако вид крайне запущенный, давно стоит без ремонта.

Глеб был полностью согласен с этим заключением. Кирилл сразу определил все верно, значит, не стоит сбрасывать его команду со счетов... кто знает, на какой стороне они играют... Страшная мысль мелькнула в его голове. А что, если Настя все-таки не зря заговаривала с ним вчера? Если все это – тщательно продуманная операция?

Глеб улыбнулся – весело и беззаботно, хотя был далек от каждого из этих чувств.

– Да я вижу, ты профессионал! – поддел он Кирилла.

– Так, любитель, – усмехнулся тот. – Мы тоже не только штаны протираем... Вот я, кстати, подумал. Вы – ребята необычные, умные, интересные, – он поочередно оглядел всех – от Глеба до Динки, – почему бы нам не объединиться?

– Прости, у нас своя задача. – Глеб развел руками, демонстрируя собственное бессилие.

– Ну что же, – легко согласился Кирилл. – Как хотите. Пойдемте, – обратился он к своим, – а то гляди как сейчас ливанет...

Глеб, недовольный происходящим, тоже собирался предложить своей компании уйти от дома, когда скрипнула дверь и на пороге появился старик. Невысокий, очень худой, в грязной рубаше военного образца и обтрепанных галифе. Он недоверчиво покосился на ребят, стоящих у его забора, и двинулся к ним:

– Чего стоите? А ну пошли отсюда!

– Дом у вас хороший, – попытался все же наладить контакт Глеб.

Но старик даже не стал его слушать.

– Проваливайте, говорю! – крикнул он, угрожающе взмахнув сухой жилистой рукой, на которой по-стариковски выступали узлами сизые вены.

– Пойдемте, – смирился Глеб.

Вернувшись к гостинице, Глеб пошел общаться со словоохотливой администраторшей и, слово за слово, немного расспросил ее о других постояльцах. Просто-

душная женщина, не знакомая с европейским законом о секретности персональных данных, даже посмотрела на карточке фамилию Кирилла.

Лично Глебу эта фамилия оказалась незнакома, однако он попросил Динку пробить ее в Интернете, а также позвонил Евгению Михайловичу с досрочным отчетом, чтобы обратить его внимание на предполагаемых конкурентов.

Динка, радуясь заданию, погрузилась в виртуальность, а сам Глеб отправился думать. Лучше всего ему думалось на ходу.

Вот и сейчас он шел по улице, не замечая ничего вокруг, и перебирал варианты решения. Конечно, многое зависело от того, что удастся найти Динке и пробить по своим каналам Евгению Михайловичу. Если Кирилл и его команда опасны, нужно будет принять меры и на время свернуть свою деятельность по поиску Библиотеки. Если они те, за кого себя и выдают, – то есть простые активисты-любители, тоже не стоит сбрасывать их со счетов, но продолжать работу можно... Динка сняла данные у дома старика. Если туннель проходит там близко к поверхности, то сохраняется вероятность, что в самом доме есть выход. Возможно, старый, засыпанный, забытый... Но если найти его, добраться до сокровища уже легче, чем копать (ага, посреди города, что непременно вызовет вопросы и встречу с милицией или с администрацией). Но как проникнуть в дом?

Первый выход, который напрашивается в голову – договориться со стариком, заплатить ему денег, убедить, что все это делается на пользу науке и государству. Так-то оно так, да только согласишься ли с ним? Наверяд ли. Он не производит впечатление сговорчивого. Но что же остается? Решение принимать Глебу, и только ему. Легко делать выбор во время тренинга, играя в моделирующую игру. Реальность – другое дело. Второй выход – усыпить старика на все время, пока они будут находиться в его доме. Это тяжело. Это незаконно. Это, в конце концов, подло. Но есть ли у Глеба выбор? На одной чаше весов старик, который при этом не пострадает – просто хорошо выспится, на другой – значимое открытие и польза, которую принесет Книга. А старика можно отблагодарить – оставить ему денег, он вообще не поймет, что происходило...

Глеб остановился. Ну почему решения нужно принимать именно ему? Может, обсудить все с группой? Пусть друзья разделят с ним груз ответственности и тяжесть вины... Нет!.. Парень помотал головой. Он не может поступить так со своей командой. Евгений Михайлович назначил Глеба главой группы, а значит, вся ответственность должна лежать на нем. Пусть ни Саша, ни Северин, ни тем более Динка не будут запятнаны этим. Если не найдется другого пути, придется действовать так, как он решил. И он один будет отвечать за это – и перед людьми, и перед совестью. Только он.

Приняв решение, парень успокоился и огляделся. На улице не было ни души, а вокруг пучились пузырями лужи, лил дождь. Глеб даже не заметил, когда он начался, как и то, что и футболка, и джинсы уже мокры насквозь – хоть выжимай.

– «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной!» – процитировал Глеб Маршака и улыбнулся.

Ему вдруг стало удивительно легко.

Он весело шел по лужам, как в детстве, поднимая каскады брызг, и уже забыл о стоящей за спиной тени ночного кошмара.

Однако в холле гостиницы его ждал новый сюрприз. В высоком кресле, лицом к входу сидела Анастасия. Глеб поморщился: вот кого он не хотел видеть сейчас, и даже думал отступить обратно на улицу, под дождь, но девушка уже заметила его.

– Привет! А я тебя жду! Пойдем выпьем по коктейльчику! – предложила она, улыбаясь какой-то кошачьей вкрадчивой улыбкой.

– Извини, не могу сейчас. – Глеб ткнул в свою мокрую одежду, надеясь на отсрочку, но девушка нахмурилась.

– Я ждала тебя! – сказала она так, словно сам факт ее ожидания обязывал теперь Глеба ко многому.

– Ну хорошо, – он сдался, осознав, что просто так от нее не отделаешься.

Настя грациозно встала с кресла и, крепко ухватив

его под ручку, повела в сторону бара, где взгромоздилась на высокое кресло, положив ножку на ножку и не забыв бросить влюбленный взгляд на собственное отражение в стеклянной витрине.

Глеб сел на стул рядом и попросил кофе – хоть немного согреться после долгой прогулки. Настя заказала клубничный «Мохито».

Некоторое время они молчали. Глеб – грел пальцы о чашку, Настя потягивала из трубочки коктейль и косилась на него, видимо, ожидая инициативы.

– Глеб, – выдохнула она наконец, легко прикасаясь к его руке, – ты очень симпатичный парень, и мне...

– Не надо, – прервал ее Глеб, понимая, что если она сейчас признается ему в любви, а он оттолкнет ее – потому что не может не оттолкнуть, во-первых, потому, что есть Оля, а во-вторых, потому, что не чувствует ничего к этой красивой, похожей на куклу Барби, девушке.

Анастасия закусил губу, взглянула, как полоснула хлыстом.

– Но у тебя же ничего нет с этой вашей... – она строила серьезно-надменное лицо, очевидно пародируя Александру.

– Нет, – Глеб покачал головой.

– Неужели ты из этих, голубых?

Настя все никак не могла поверить, что кто-либо может остаться равнодушным к ее чарам.

– У меня есть девушка. И я люблю ее, – ответил

Глеб, не желая продолжения этой нелепой и мучительной сцены.

– Ах так... Ну да... Поэтому ты не с ней, а со своими... этими, друзьями!

Глеб одним глотком допил кофе, оставил чашку и положил деньги – за кофе и за «Мохито».

– Прости, мне пора, – твердо произнес парень.

Оглянувшись уже у лифта, он увидел, что Настя задумчиво на него смотрит, а бармен наливает ей второй коктейль.

Глава 11

Тайна старого подвала

Сведения, обнаруженные Динкой, и информация, поступившая от Евгения Михайловича, сошлись: Кирилл Петров – популярный в своих кругах блоггер и опытный турист, являлся любителем авантур всякого рода. Он то и дело организовывал разные походы и поиски, вдохновленный славой Шлимана и ему подобных, впрочем, без особого результата. Но это, похоже, Кириллу и не требовалось – ему было достаточно восхищенного кружка преданных сторонников и самой атмосферы приключения, похода, романтики. Его ЖЖ пестрел полевыми фотографиями, а также ссылками на клипы, сделанные Кириллом, и собственно кирилловские песни.

Непохоже, что такой человек представлял реальную для «Русичей» угрозу. Значит, поиски можно было продолжать.

Глеб посвятил группу в свои планы. Возражала только одна Александра.

– Ты жесткий человек, – сказала она, глядя в глаза Глебу почти с ненавистью. – В этом не твоя вина, но твоя беда. Тебя научили манипулировать людьми и распоряжаться ими в своих целях. Знаешь, я иногда

боюсь тебя. Тогда, когда ты разговорил ту монахиню... Скажи, ты сам не опасаясь потерять чувство реальности и поверить в то, что тебе дозволено все?.. Ответь!

– Саша. – Глеб тяжело опустился на кровать – они разговаривали в комнате гостиницы. – Ты же знаешь, что мы должны найти Книгу. Если ее отыщет кто-то другой, она может принести вред. Если у тебя есть другой выход – предложи.

Это был запрещенный прием, однако Сашин вопрос застал Глеба врасплох, перехлестнувшись с его недавними мыслями, да и действовать нужно было как можно быстрее, они и так слишком заметны в этом небольшом, провинциальном, по сути, городке.

– А что такого? – вступилась за Глеба Динка. – По моему, он все делает правильно и уже не раз избавлял нас от неприятностей. И со стариком ничего не случится. Ну поспит – подумаешь!.. И вообще, – добавила вдруг она, скорчив хитрую гримасу, – я знаю, почему ты так нападаешь на Глеба! Да ты просто...

И замолчала, получив основательный тычок от молчаливого Северина.

Александра встала.

– Какая же ты еще маленькая! – сказала она Дине, глядя на нее сверху вниз.

Девушка с минуту постояла, сжав руки в замок, словно размышляя над чем-то.

– Хорошо, будем действовать так. Глеб прав, я тоже не могу придумать иного решения, хотя путь, который он предлагает, мне не нравится. Как понимаю, вы хотите провести все как можно скорее? Сегодня вечером? Ну что же, пойду готовиться.

Она вышла из комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь.

– Дина, скажи мне, зачем ты ее дразнишь? – спросил Глеб.

Девочка покраснела.

– А почему бы и нет?! Александра у нас что, святая и неприкосновенная? Это она ведет себя так, как будто всегда права и знает обо всем лучше всех! «Дина, почему бы тебе не прочитать эту книгу?.. Дина, почему бы тебе не сходить в музей? Просто так, для общего развития!»! – передразнила она, пародируя интонации Александры. – Вы, значит, большие и умные, а я маленькая и глупая?

Глеб поморщился: ну начинается! И Саша, и Динка – надежные, верные товарищи – когда доходит до серьезных вопросов, но в мелочах... девчонки есть девчонки – эмоциональные, неуравновешенные, готовые колоть друг друга просто так, из какого-то совершенно абсурдного чувства женского противостояния! Увы, даже самые лучшие подвержены этому. «Все, кроме Ольги», – тут же поправил себя Глеб.

– Ты вовсе не глупая, ты знаешь, – парень присел на

корточки перед Динкой и заговорил с ней ласково, как с ребенком. – Не надо ссориться с Александрой. Вы немного разные по характеру, но все мы разные. Мы команда, понимаешь, а мир и так суров. Мы должны поддерживать и помогать друг другу. Кто, если не мы? Я, может, не все понимаю, а вам с Сашей, как девочкам, легче договориться. Я не прав?

Динка, уже забывшая о капризах, посмотрела на него с любопытством.

– Прав, – согласилась она со вздохом. – Хорошо, я с ней поговорю. Не бойся, мы помиримся! Она на самом деле добрая.

Когда Динка тоже ушла, Глеб оглянулся на Северина. Почти все это время друг молчал.

– Ну что ты об этом думаешь? – спросил его Глеб. Северин пожал плечами.

– Даже не знаю. Мне не слишком нравится все это, но что делать. Книгу найти нужно. Значит, будем искать.

* * *

Вечером все было готово к экспедиции. Каждый собрал небольшой рюкзак: инструменты, раскладные лопаты, фонарики, аптечка со средствами первой помощи...

Все были сосредоточены и молчаливы. Им предстояло по-настоящему серьезное и нелегкое дело.

– Ты не сердишься на меня? – спросил Глеб, обращаясь к Александре, старавшейся держаться за спинами друзей.

– Нет, – она опять избегала его взгляда. – Извини меня, пожалуйста. Сама не знаю, что на меня нашло.

Теперь нужно было покинуть отель, не привлекая к себе внимания. Глеб прислушался. Кажется, соседи еще не вернулись. Скорее всего, забрались в какое-нибудь кафе.

Ребята спустились на первый этаж.

Дежурная, уже не та, что помогала им вселиться, читала за своей стойкой детектив в мягкой обложке и, очевидно, погруженная в хитросплетения очередного расследования, не обратила ни малейшего внимания на передвижение постояльцев. Повезло.

Это был хороший знак.

Дверь открылась бесшумно, выпуская их на улицу, где из-за густых, так и не разошедшихся туч уже стемнело.

Моросил дождь – медленный и нудный, сразу видно, затяжной.

Глеб накинул капюшон ветровки, на секунду пожалев о теплом уюте гостиницы.

По улице, где в домах желтели огни, ребята прошли к нужному перекрестку и остановились у старого поко-

сившегося забора.

Окна оказались темны. Старика то ли не было дома, то ли он уже лег спать.

«Хорошо бы он уехал куда-нибудь хотя бы на день, – подумал Глеб, но тут же скомандовал себе: – Не расслабляться!»

Поймав вопросительный взгляд Северина, он кивнул: действуем по плану.

Все-таки погода им благоволила. И в обычные вечера народа на улице немного, а в дождь и при ранних сумерках вообще никого. Глеб внимательно огляделся. На мгновение ему показалось, что где-то неподалеку шевельнулась тень. Но нет, все спокойно, это всего лишь игра нервов.

Калитка запиралась на простую щеколду, справиться с которой не составляло труда. Ребята вошли и рассредоточились у окон, пытаясь вслушаться в тишину дома. Глеб, прильнув щекой к холодному стеклу, напряженно слушал, но слышал лишь гулкие удары собственного сердца. Он и не предполагал, что в реальности это окажется так страшно. А еще им сейчас предстоит перейти через живущий в подсознании запрет: без позволения нарушить чужие границы, войти в чужой дом.

«Мы делаем это не для себя, – мысленно повторил свой главный аргумент Глеб, – ради того же старика, ради всех тех, кто живет рядом с нами. Мы не совер-

шаем ничего плохого». И все равно на сердце было неспокойно.

Он перешел к следующему окну и прислушался. Опять ничего. Где же старик? Неужели и вправду ушел!

Северин вынырнул из сумрака бесшумный, как тень.

– Он там, – произнес парень одними губами и кивнул в сторону комнаты.

Глеб приподнял одну бровь: ты уверен? Сам он ничегошеньки не слышал и не видел в темной комнате.

Северин подтверждающе кивнул.

Глеб знал, что друг обладал каким-то сверхчеловеческим чутьем. Ему можно было верить.

Все вновь собрались у крыльца.

– Старик внутри, – тихо сказал Глеб. – Действуем по первоначальному плану. Хорошо бы сделать все тихо, чтобы он не проснулся, пока мы вколем ему снотворное.

– Понять бы, где он держит лекарства, – пробормотал Северин.

– Лекарства? А тебе зачем? – удивился Глеб.

– Если у старика проблемы с сердцем или печенью, надо будет учесть. Я уже рассчитал дозу, исходя из его телосложения и возраста, но мало ли что...

– Да, – Глеб кивнул. – Ты прав. Ну что, приступаем. Дина?..

Девочка, тоже в куртке с капюшоном – наверное, со сна или слепа их можно было сейчас принять за ино-

планетян, – склонилась к замку, затем прошла в ватным тампоном по дверным петлям.

– Там еще задвижка. Сейчас открою, – прошептала она, доставая из рюкзака тонкую металлическую спицу с крючком.

Благодаря тому, что дом был старым, между приолокой и собственно дверью образовался значительный зазор, так что справиться с задвижкой не составляло труда.

Еще полминуты, и Динка, взявшись за ручку, бесшумно распахнула дверь и сделала приглашающий жест: входите.

Они проскользнули в тяжелый, влажный полумрак дома. Сначала – в комнату. Усыпить старика и послеискать вход в подпол, откуда, скорее всего, можно проникнуть в подземный ход. А если нельзя?.. Нет, никаких «если». Проблемы нужно решать по мере их возникновения, не придумывая. Если ничего не выйдет, они просто уйдут и примутся искать другую возможность. Но лучше бы все получилось...

Тихо... Очень тихо...

Крак! Вдруг громко скрипнула под ногами доска, и тут же послышался громкий старческий голос:

– Кто там? Я же слышу, вы здесь!..

– Действуй, – шепнул Глеб одними губами, надеясь, что Северин его слышит.

Тот расслышал, потому что в следующую секунду

перед Глебом промелькнула тень, в комнате что-то грохнуло и затихло, а затем вспыхнуло бледное пятно света – Северин включил фонарик.

– Старик заснул... Сейчас посмотрим, что у него здесь... Ага, есть проблемы с сердцем. Сейчас сделаю укол для стимуляции...

Северин действовал умело и решительно, как человек, выполняющий свою работу. «Он молодец. Так и нужно», – подумал Глеб.

Старик, едва успевший подняться с кровати, снова лежал на ней. Северин ввел инъекцию в дряблую, с узлами вен, руку и старательно прикрыл старика одеялом:

– Все нормально, спит.

Глеб приложил пальцы к шее хозяина дома, нащупывая пульс. Все в порядке. Можно действовать дальше.

Динка и Александра в это время уже открывали люк, ведущий в подпол.

Увлеченные каждый своим делом, ребята не заметили приникшей к стеклу тени. Впрочем, заметить ее не было никакой возможности: за окном царила абсолютная тьма.

Подвал оказался большим, каменным и проходил подо всем домом. Видимо, его построили давным-давно, еще до верхней надстройки.

Глеб взял у Динки ее iPhone с картой и, глядя на нее,

уверенно обходя всевозможные препятствия, двинулся к одному из углов. Все как они предполагали. Ход должен размещаться где-то здесь.

У стены стояли ящики. В одном из них была картошка, в другом – какое-то тряпье. Подвал, несмотря на гигантский размер, вообще производил ощущение места захламленного, а стены почернели от сырости и украсились махровым орнаментом мха и плесени.

Северин, самый сильный из всех, отодвинул ящики. И... ничего!

Где-то в глубине души Глеб верил, что стоит им проникнуть в подпол, и ход сам собой откроется перед ними. Тут же был только земляной пол и те же старые стены. Надев фонарик на специальных креплениях на капюшон, Глеб еще раз принялся внимательно изучать карту.

Ошибки не было. Именно здесь, в месте, где они сейчас стояли, провалы – предположительно, подземный ход – подходили ближе всего к поверхности земли. Значит, нужно копать.

Глеб кивнул Северину, и оба взялись за лопаты. Буквально через пару минут лопата Глеба наткнулась на препятствие. Хорошо это или плохо? Пока не понять. Нужно осторожно расчистить пространство.

Им повезло, и вскоре стало окончательно ясно, что они наткнулись на люк, уводящий еще дальше под землю. Это был странный люк, представляющий из се-

бя каменную плиту с вделанным в нее кольцом. Глеб взялся за кольцо и потянул. Камень даже не дрогнул, а ведь люк расчищен полностью. Что, если открыть его не в человеческих силах?.. А кольцо узкое. В него пролезет только одна рука. Нужно сделать рычаг. Но из чего?..

– Давай я попробую, – предложил Северин.

Глеб, не веря в успех, выпустил кольцо и повернулся к Динке:

– Среди твоих инструментов найдется толстый железный штырь, который можно использовать как рычаг?

Динка оценивающе посмотрела на люк, затем перевела взгляд на Глеба.

– Ты что, и вправду думаешь, что я таскаю с собой толстые железные палки? В качестве, скажем, снарядов для упражнений по бодибилдингу?..

Глеб и сам понял, что спросил ерунду.

Между тем Северин, расставив пошире ноги, нагнулся. Мускулы на его руках вздулись, на глазах увеличиваясь в размерах. По лбу парня прокатилась капля пота, за ней еще одна... Каменная плита вздрогнула и поползла вверх.

Медленно... очень медленно... Глебу казалось, что сейчас Северин не выдержит этого невероятного напряжения и уронит плиту, но он тянул и тянул.

– Ну ты даешь! – выдохнул Глеб, когда плита оказа-

лась сдвинута, открыв похожий на колодец спуск.

Северин потер запястья.

– Тяжело... Давно не разминался, – извиняющимся тоном пробормотал он.

– Да ты что?! Да ты просто этот... тяжеловес! – возмущенно взвизгнула Динка. – Прямо как тот богатырь Поток Велесович, или как его там?..

– Власевич, – автоматически поправила Александра.

Северин явно смутился. Его мокрое от пота лицо еще больше покраснело.

– Ты... вы... переоцениваете... Не так уж трудно было...

Глеб покосился на каменную плиту. Теперь было видно, что толщиной она с полпальца. Ничего себе «не так уж трудно»! Как Северин вообще поднял это?!..

– Может, пойдем, раз уж вход открыли? – пробормотал друг, не зная уже, как отвлечь внимание от собственной персоны.

– Да, идем, – опомнился Глеб. – Я первый. За мной Александра. Далее Дина. Северин замыкающий. Всем держаться вместе и быть очень внимательными.

«Неужели получилось? Неужели мы нашли?!» – думал Глеб, спускаясь в колодец.

Теперь, когда они оказались внизу, не оставалось никаких сомнений: это и есть подземный ход, а вернее, та самая «труба государева». Ход, насколько можно

было разглядеть в слабом свете фонариков, оказался с округлыми сводами, выложенными камнем. Глеб еще раз сверился с картой и компасом. Направление верное. Можно идти.

Он шагнул во тьму, ощущая, как встревоженно колотится в груди сердце.

Кап-кап-кап... Глеб едва не вступил в белесую лужицу на полу, у самых его ног. По каменной кладке стены сочилась вода. Эти монотонные звуки, тонущие в темноте, эта лужица и полукруглая арка, похожая на жадно оскаленный рот... Глеб уже видел все это.

Ужас, первозданный чистый ужас поднимался из глубины души, застревал комом в горле, мешая дышать. Он чернильным пятном расползлся по телу, съедая разум, как съедает песчаный берег наступающее во время прилива море. Глебу казалось, что вокруг него – жадная чернильная пустота. Друзья, оставшиеся за его спиной, словно очутились за тридевять земель отсюда, в каком-то параллельном пространстве, и теперь он один. Один на один со своим ужасом.

«Это морок. Я не сдамся», – сказал себе Глеб, стискивая зубы и огромным усилием воли подавляя трусливое желание оглянуться, ища помощи у друзей. Он должен идти первым. Что бы ни случилось, он должен идти. Темнота казалась живой. Она обнимала за плечи, заглядывала в глаза, льнула к губам с бесстыдным поцелуем. «Пришел, миленький, – казалось, слышал

Глеб, – а я тебя давно ждала. Ну как, боишься?..»

На плечо легла легкая девичья ладонь, разгоняя смертельный ледяной холод, сковывающий тело Глеба. Он не один. Александра не сказала ни слова – она просто сжала его плечо – то ли от собственного страха перед темнотой, то ли из желания поддержать. Не важно. Это пока что было не важно. Главное, что у Глеба вновь появились силы.

«Мы сможем», – прошептал он себе под нос, переходя от одинокого «я» к надежному «мы».

Следующий шаг дался уже легче.

Глава 12

В объятиях ночи

Они шли, казалось, бесконечно долго. Время здесь текло иначе, чем на поверхности – медленно, заворачивающе-лениво, как разнежившаяся на солнце смертельно ядовитая змея.

Ребята молчали. Казалось, все силы поглощались темнотой, уходили на то, чтобы просто – шаг за шагом – продвигаться вперед.

Теперь Глебу удалось если не полностью совладать со своим страхом, то хотя бы взять его под контроль. Он шел, раздвигая плечом тьму. Удивительно было осознавать, что очутился под землей, там, где давно не ступала нога человека. «Странно, что столько веков прошло, а нет ни паутины, ни пыли, – подумал Глеб и тут же спохватился: – Хотя откуда здесь пауки – им здесь питаться нечем, и пыли тоже братья неоткуда. Здесь только тьма и пустота». Эта противоестественная пустота тоже пугала. Сейчас Глеб предпочел бы оплетенный паутиной коридор, словно вышедший из готического ужастика, вот этому пустому странному ходу, где растворялось ощущение реальности, где время застыло на месте и, казалось, не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Коридор делал плавный поворот, и тут свет фонарика упал на странное существо. Небольшое, примерно по колени, лохматое и черное. Глеб не успел разглядеть его, потому что существо, пискнув, резво метнулось прочь и скрылось в плотной тьме.

– Ты видела? – Глеб оглянулся на Александру. – Нет, ты это видела?

Свет фонарика на секунду выхватил из темноты растерянное лицо Саши.

– Я... я не уверена, – пробормотала девушка. – Что-то метнулось. Но я не успела разглядеть. Может, кошка? – добавила она с надеждой.

– Кошка? Где кошка? – высунулась любопытная Динка.

– Здесь не может быть кошки, – вмешался в диалог Северин. – Я не знаю, это такое странное чувство, но, в общем, мне здесь немного не по себе.

Глеб, забыв, что его не видно в темноте, кивнул, соглашаясь с этим определением.

– Ладно, что бы это ни было, идем вперед, – принял решение он.

Коридор потянулся дальше. Но вот образовалось первое разветвление. Один из рукавов уходил резко направо, второй продолжал идти прямо.

– Идем направо, – скомандовал Глеб.

Ребята повернули в правый коридор. С десятков шагов – и сплошная стена обвала. Дальше не пройти.

Глеб посмотрел на карту, полученную с помощью сканирования земных пустот.

— Это один из старых выходов, — сказал он, — видимо, давно заваленный. Нам повезло, что уцелел тот, второй. Возвращаемся в главный ход.

Они вернулись и двинулись дальше, но тоже недалеко. На этот раз путь преградила толстая металлическая решетка, вся темно-рыжая от ржавчины. Замок тоже весь проржавел, и сбить его несложно. Глеб уже протянул к нему руку, но остановился и, поднеся поближе фонарик, принялся разглядывать запор. Тоненькие, совершенно незаметные на первый взгляд, металлические заусеницы. Неаккуратная работа или что-то иное?.. Конечно же, иное. Тот, кто не знает о ловушке, при возне с замком так или иначе поранит руку. А то, что шипы обработаны ядом, сомнения не вызывало. И не факт, что яд разложился за прошедшее время. Уже во времена Ивана Грозного были известны весьма неплохие яды. В общем, зачем рисковать без нужды?

— Дин, у тебя есть что-нибудь, чем можно замок сбить. Он проржавел, но не стоит касаться его руками, — обернулся Глеб к ребятам.

— Держи!

В руки Глебу перекинул небольшой ломик. На всякий случай обернув руку курткой, Глеб взял его и изо всех сил ударил по замку. На второй удар запор рас-

пался и упал на пол. Глеб отодвинул обломки подальше, к самой стене, чтобы никто случайно не наступил на него.

Ловушка пройдена. Никто не пострадал. Можно двигаться дальше.

Чуть погодя ход опять раздваивался. Посмотрев на карту, Глеб определил, что они находятся уже где-то в районе кремля и основной коридор, видимо, ведет к бывшим государевым палатам. Сейчас там тоже должен быть завал и тупик, а вот боковой выглядел интереснее. Глеб свернул в него и сразу же уткнулся в каменную стену.

— Не может быть! — пробормотал он, сверяясь с картой. — Здесь должен находиться вход в овальное помещение и никакой стены!..

— Если стена не очень толстая, прибор просто не зафиксировал ее, — заметила Динка. — Возможности науки очень велики, но все-таки она — не колдовство.

— Но это же хороший знак? — предположила Саша. — Скорее всего, мы уже у цели.

Вперед протиснулся Северин. Пошатал стену, навалился на нее плечом...

— Поддается, но плохо, — вынес вердикт он. — Вот если бы еще немного расшатать...

— Расшатать? — переспросила Динка, словно ловкий фокусник выныривая у него из-под руки. — Это мы сейчас, это мы мигом!

Девочка открыла рюкзак, и какое-то время слышалось ее недовольное бормотание:

– Не то, не то... Ой, а это как сюда попало?.. И это не то... Где же эта гоблинская штука?

В свете фонариков появлялись всякие странные вещи – инструменты, мотки проволоки, электронные девайсы непонятного происхождения и назначения. И среди всего этого вдруг мелькнул плюшевый щенок. Глеб успел разглядеть его большой нос и задорно вскинутое ухо, прежде чем Динка поспешно спрятала его обратно в рюкзак.

«Ну вот, совсем еще ребенок», – умилился Глеб, глядя на тонкие руки девочки.

– Ага!

Под последнее «ага» Динка извлекла во тьму божью маленький диск с острым выступом посередине, напоминающий кнопку, вышедшую из рук человека, обладающего больным воображением.

Девочка торжественно предъявила изобретение безумного ученого друзьям, а затем воткнула его в стену, в щель между камнями.

– И что? – спросил Глеб, ошалело наблюдающий за Динкиными манипуляциями.

– И ничего. Ну-ка отойдите! – велела девочка.

Все отошли, насколько возможно. Дина тоже встала подальше от стены и нажала кнопку на маленьком, как автомобильный брелок, пультике.

Послышалось слабое жужжание, и кнопка в стене завибрировала. Сначала медленно, словно неохотно, затем быстрее и быстрее. И вместе с тем из стены посыпались камни.

– Просто, но гениально! – прокомментировал Глеб.

– А то! – Динку буквально распирало от гордости.

Чудо-штуковина упала на землю, но в стене уже образовалась брешь достаточная, чтобы туда мог пролезть любой из членов команды.

– Ну-ка посмотрим, что у нас там, – пробормотал Глеб, направляя луч света в провал и...

И в этот миг картина вдруг изменилась. Глеб вдруг очутился в сводчатом помещении, где стены были изрисованы красно-золотым узорочьем, в углу стояла высокая неуклюжая кровать, застеленная медвежьей шкурой, рядом помещался иконостас...

На кровати сидел уже немолодой человек с крючковатым носом и холодным колючим взглядом. Одет человек был в красный домашний кафтан и сапоги с загнутыми носами. Сейчас их было почти не разглядеть, потому что у ног крюконосого лежала девушка. Голову ее украшал богатый кокошник. Вдоль ее бледного лица свисали жемчужные нити. Длинные пшеничные волосы растрепались и устилали пол драгоценным ковром. Девушка уже не плакала, хотя лицо ее было мокро от слез, а в поднятых на мужчину глазах застыл безнадежный ужас.

– Замуровать ее, собаку блудливую, – слышался сухой, колющий, как и взгляд, голос.

Лицо крюконосого скривилось, и он пнул лежащую у его ног девушку. Та вздрогнула, но не произнесла ни слова.

И в этот же миг двое в одеждах опричников – Глеб сначала и не заметил их, увлеченный центральной сценой, – подхватили несчастную под руки. Идти у нее, очевидно, не оставалось сил, поэтому ее буквально потащили из... царских покоев.

Теперь Глеб уже не сомневался, что видит самого Ивана Васильевича.

Но как это может быть? Почему? Откуда?..

Он пришел в себя, услышав отчаянный Динкин визг, сопровождаемый громким Сашиным ахом. Оказывалось, в реальности не прошло и минуты. Еще висела в воздухе пыль от обрушившихся камней, а свет фонарика, направленный в брешь, высвечивал такую страшную картину, что Глеб тоже едва удержался от крика: прямо на них из дыры смотрел обтянутый темно-коричневой сухой кожей череп, увенчанный высоким богатым кокошником с разными камнями. Ряды жемчужин спускались вдоль давным-давно впавших щек и тонкой шеи.

– Не бойтесь. – Глеб переложил фонарик из руки в руку. Он не понимал, что происходит, но не сомневался, что только что видел эту девушку живой... Такое ощущение, будто прошлое на миг распахнулось перед ним... – Это одна из наложниц Ивана Грозного, – пояснил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже: нельзя рассказывать о своих видениях сейчас, когда команда и без того напугана. – Царь был скор на расправу. Одну его жену, Марию Долгорукую, даже утопили в пруду на утро после венчания. И вообще жены у царя умирали подозрительно быстро. Что уж говорить о наложницах.

Конечно, не время устраивать урок истории, но Глеб знал, как иногда помогает уверенный человеческий голос. Сейчас, после ужасной находки, нужно было немного взбодрить друзей, и он говорил первое, что приходило в голову. Да и самому ему ничуть не мешало немного взбодриться...

– Ага, – хмыкнула Дина, – главное, чтобы сам царь здесь не появился. Как высокоуровневый андед.

– Глупости, – отмахнулся Глеб и вдруг задумался. – Поймите! А если это охранный жертва? Некогда был варварский обычай приносить жертву при постройке

или для того, чтобы она охраняла клад... Выходит, мы уже совсем близко...

«Это не может быть охранной жертвой, – сказал внутри его спокойный голос. – Царь говорил про блуд, а значит, велел замуровать свою наложницу за измену...»

Глеб встряхнул головой. Что же это такое: похоже, он начинает доверять собственным галлюцинациям... Может быть, он серьезно болен? Сумасшедшие не осознают своей болезни, напротив, им кажется, что это весь мир вокруг них сошел с ума...

Тем временем Александра, забыв про страх, шагнула вперед, к стене. Глеб, отбросив лишние мысли, поспешно последовал за ней, и оба одновременно замерли у пролома.

Девушка в богатом уборе была замурована в небольшом помещении. Лучи фонариков выхватывали из темноты то разбитую глиняную миску, то вытянутую руку с мученически сжатыми пальцами – видимо, умирала жертва долго и тяжело.

И тут в неярком свете блеснули чьи-то глаза. Огромные, похожие на плашки, черные, как сама темнота. Они смотрели на людей с таким жадным любопытством, что Глеб поперхнулся, а Александра вскрикнула.

Существо оскалилось. На секунду Глеб увидел разинутый рот, полный множества мелких, словно иголок-

ки, белоснежных зубов. А затем существо вдруг прыгнуло на Глеба. Парень отпрянул.

Острые зубы щелкнули, кожу на руке обожгло, а странная тварь, похожая на ту, что они встретили в туннеле, шлепнулась на пол, ловко перекатилась и бросилась прочь.

– Ловите его! – машинально крикнул Глеб.

Но, разумеется, поздно. Шустрое существо давным-давно уже скрылось во мраке.

– Вот тебе и кошка, – пробормотал Глеб, разглядывая длинную кровоточащую царапину на запястье. Во время он отпрянул, иначе, глядишь, всю руку бы располосовала.

– Если и кошка, то точно мутировавшая, – подтвердила Дина, признанный эксперт по компьютерным чудикам. – Маленькая, на какого-то первоуровневого монстра похожа, но кусается знатно. Вот бы поймать такую...

Северин виновато развел руками:

– Слишком шустрая. Не поймал... Давай продезинфицирую, – обратился он к Глебу. – А то мало ли что у нее на зубах...

Глеб не хотел об этом и думать, поэтому молча протянул руку и позволил другу залить ранку щиплющим раствором и замотать стерильным бинтом.

– Ну вот и все, – объявил Северин, оглядев результат своей работы. – Теперь должно быть все нормаль-

но. До свадьбы заживет!

Александра, светившая Северину, пока он работал, нахмурилась.

– Продолжаем? – спросила она и тут же растерянно добавила: – А где же Дина?

– Я-то здесь, – донеслось из дыры, – а вот в комнате, кроме мумии и какого-то мусора, ничего нет.

Глеб мысленно досчитал до пяти, чтобы не накинуться на Динку, которая полезла в дыру вопреки всем требованиям безопасности и полученным инструкциям.

– Как это ничего нет? – удивилась Саша и тоже, забыв о дисциплине, поспешила к разлому.

Помощнички! А если бы там еще десяток зубастых страшил сидел? Собирать бы теперь клочки по закоулочкам. Кстати, странные существа девчонки – только-только визжали при виде мумии, а теперь преспокойно вокруг нее шарят. Вот что значит на практике женское любопытство.

Он вслед за Александрой тоже проник в каморку. Она была совсем небольшой, с низким сводом и земляным полом. Под проломленной стеной находилась канава. «Сток? Откуда здесь вода?» – удивился Глеб, но тут же сообразил, что это вовсе не сток, а следы неумелого подкопа. Замурованная здесь женщина пыталась выбраться на волю, из последних сил царапая ногтями твердую, как камень, землю. И, конечно, не

преуспела. Такие побеги удаются только в приключенческих фильмах, да и то если ты – главный герой, обреченный на автоматический успех во всех своих сюжетообразующих начинаниях. Он также наткнулся на осколки уже виденной миски и, очевидно, кувшина. Но больше ничего – ни сундуков, ни сокровищ, ни Книги...

Глеб вспомнил о странном видении, посетившем его на пороге камеры, где нашла свою смерть несчастная наложница. Нет, вряд ли это может быть бредом – слишком подробно и правдоподобно он видел все: и ее лицо, и украшения, и узнаваемое по портретам в исторических учебниках и вместе с тем какое-то другое, особенно живое и страшное, лицо грозного царя... Во всем этом необходимо разобраться. Но не сейчас, позже, когда придет время. А пока главное – Либерия.

– Должно быть, где-то здесь тайник, – предположил Глеб, чувствуя странное недоумение: они уже столько прошли, что вполне заслужили награду, и все приметы сходились – и река, так называемая «мокрая дорога», и опричники, и Марфа Собакина...

Еще долгое время ребята тщательно исследовали пол и стены, ощупывая и простукивая каждый миллиметр. Глеб сам облазил все с зажигалкой, надеясь, что где-нибудь пламя дрогнет, выдавая присутствие сквозняка. Но тщетно. Ни малейшего намека на Библиотеку.

– Похоже, ничего нет, – наконец сдался он.

– Надо идти обратно. Скоро утро, – напомнила Алек-

сандра, взглянув на часы.

Все были растеряны и подавлены. Очевидно, мысль, что они ничего не найдут, не приходила никому в голову. Этого просто не могло быть!

– Может быть, в том, засыпанном ходе? – предположил Северин.

Глеб молча покачал головой.

– Нет, не может, слишком близко к поверхности. Никто Библиотеку на выходе не положит, – объяснила за него Александра.

– Так что, здесь ничего нет? Это *нечестно!* – по-детски, зато предельно точно отразила всеобщее настроение Дина.

– Идем, – устало махнул рукой Глеб.

– А что с... этим делать? – вдруг опомнилась Александра, показывая фонариком на мумифицированное тело.

Глеб вздохнул:

– А ничего. Что с ней делать? Несколько веков просидела, еще немного подождет. Возможно, сюда когда-нибудь доберутся археологи... А мы... Это немного не к нам.

Увы, о том, чтобы прийти, скажем, в музей и сообщить о своем открытии, не могло быть и речи. Сразу посыплются вопросы: «Где? Как? Зачем?» Они были борцами невидимого фронта и никак не могли привлечь к себе внимание.

Выбора не оставалось, игруппа двинулась в обратный путь.

Выбравшись в подвал, ребята первым делом поднялись в дом, взглянуть на старика. Он спал, приоткрыв щербатый рот и свесив с кровати иссохшую, почти как у мумии (а теперь им было с чем сравнивать), руку. Северин, прикоснувшись пальцами к жилистой шее, пощупал пульс.

– Все нормально, – сказал он, адресуясь в основном к Глебу, – еще какое-то время проспит.

За окном уже горел ранний рассвет.

– Быстро наводим порядок и уходим, – скомандовал Глеб и, пока никто не видел, сунул под лежащую на тумбочке газету несколько зеленых купюр.

Вернулись в подвал, Северин повторил свой недавний подвиг, единолично задвинув плиту. Затем закидали вход землей и, насколько можно, притоптали ее. Сверху, к счастью, стояли массивные ящики, так что, когда их вернули на место, следов работы фактически не было видно.

– Ну хорошо, – сказал Глеб, придирчиво оглядев подвал, – теперь старик подумает, что все ему приснилось. Пойдемте.

Он устал, но возвращаться в гостиницу, как ни странно, не хотелось. Там он останется наедине с собой, нельзя будет погрузиться в хотя бы какую-то видимость дела, и придется признаться: он проиграл. Но почему,

почему они ничего не нашли? Как сказала Динка, это нечестно. Все приметы сходились, и до самой последней минуты Глеб верил, что Библиотека и Книга совсем рядом. А что теперь? Что будет, когда их единственная и, казалась, такая логичная, правильная версия разрушена? Куда идти дальше?..

Тем временем они вышли из дома, но едва шагнули в сторону покосившегося забора, как у калитки появились люди.

– Так-так-так, – произнес Кирилл, выступая вперед, – выходит, вы из тех, кто под покровом ночи обдeldывает свои грязные делишки?

Глеб увидел свою команду словно со стороны – в испачканных землях куртках, чумазые, растрепанные, с рюкзаками, из которых торчали черенки лопат, они действительно представляли собой потрясающее зрелище.

– Не понимаю, о чем ты, – тем не менее спокойно ответил он.

– О том, что вы искали у несчастного старика. Может быть, деньги? – Кирилл, чуть склонив голову, иронически посмотрел на «русичей».

Его команда за спиной притихла, ожидая новых разоблачений.

– Нет, думаю нет, – продолжал Петров после выведенной театральной паузы. – Денег у старика не водится, это сразу видно. Может, воровали у него в огороде

картошку?.. Нет, и в этом сильно сомневаюсь. Тогда что же?.. – он с нарочито-озадаченным видом оглядел своих товарищей, словно ища у них ответа. – Так, может, это был клад? Как насчет Библиотеки Ивана Грозного?

– Библиотека Ивана Грозного? – Глеб удивленно приподнял брови. – Ну конечно, она стоит у дедушки на полке рядом с «Орфографическим словарем», полным собранием сочинений Стефани Майер и «Большой советской энциклопедией».

Ситуацию следовало немедленно превратить в комедию, заболтать противника и дезориентировать его. Впрочем, что все это, если не самая настоящая комедия: ничего не нашли, да еще так глупо попались!

Динка за плечом нервно хихикнула.

Кирилл, не привыкший, чтобы его слова оспаривали, нахмурился:

– Не надо паясничать, ты понимаешь, о чем я.

– Я не паясничаю, – заметил Глеб, выделив это «я».

Кирилл понял, что проиграет в споре, поэтому набычился.

– Я думаю, вы нашли под домом подземный ход. Фундамент-то здесь старый... – пошел в новую атаку он.

– А я думаю, вы слишком увлечены своей идеей разыскать Библиотеку, – парировал удар Глеб. – Так бывает. Когда тебя что-то волнует, то кажется, что все вокруг только и охотятся за предметом твоего интереса.

Ряды противника заволновались, и многие лица отразили сомнение.

– Ну хорошо, – Кирилл немного сбавил тон, – тогда что вы там делали?

– Мы?.. – Глеб уже давно подготовился к вопросу и теперь играл как по нотам. – Ящики дедушке таскали, наводили порядок в подполе.

Глеб незаметно подтянул рукав куртки, чтобы не было видно стягивающий запястье бинт.

– Ящики? Ночью? – усомнился один из парней, Глеб не помнил его имени.

– А почему бы нет? Каждый работает, когда ему удобнее. Мы днем учимся и культурологией занимаемся, ночью работаем, а утром спим... Кстати, нам как раз пора. – Глеб взглянул на часы и демонстративно зевнул. – Так что, ребят, если вопросов больше нет, мы пойдем. Очень спать хочется.

– погоди! – Кирилл выставил вперед руку. – Я вот ее хочу спросить, – он повернулся к Александре и уперся в нее взглядом. – Ты вот мне скажи, вы ходили за Библиотекой?

Глеб похолодел. Все пропало! Александра не умела и не любила врать. Это было заметно, и Кирилл, очевидно, все-таки неплохой психолог, раз понял, кому задать вопрос.

Саша, державшаяся все это время в тени своих спутников, подняла на Кирилла незамутненно-честные

глаза.

– Мы не видели Библиотеку, – твердо сказала она. – И действительно убирали в подвале.

Ведь не придерешься! Ни слова лжи, а вместе с тем как далеко от правды.

Глеб, не ожидавший такого мастерства от Александры, взглянул на нее с уважением.

Кирилл, сразу видно, тоже поверил.

– Ну... – он затоптался на месте, не зная, что делать.

– А дед-то где? – высунулась Настя.

Она была в розовой куртке, рукав которой оказался испачкан так, словно девушка продиралась по кустам и огородам. Глеб отметил это с неким удивлением: Анастасия вовсе не производила впечатления неряхи, напротив, она из тех девчонок, что особенно следят за собой, своевременно подправляют макияж (кстати, и тушь в уголке глаза немного размазалась) и предпочитают сидеть, вытянув ноги, чтобы на коленях брюк не образовались некрасивые оттопыренности.

– Дед спит. И вам советует, – буркнул Северин. Похоже, неудача сегодняшней экспедиции вывела из равновесия даже его.

Словно передовой отряд, марширующий на плацу, команда Глеба прошла мимо соперников, даже не глядя в их сторону. За спиной повисло тяжелое молчание, но ребятам было не до того. Глеб чувствовал, что в данный момент ему все равно, что о нем думают, ве-

рят им или нет. Ноги едва слушались его, а голова казалась медным колоколом, по которому кто-то из всех сил старательно лупит биллом: бом! Бом! Бом!

– Ну вот, шпионка, я же говорил, что ничего особенного. А ты – «проследила, проследила! Давайте застукаем их с поличным!» – передразнил кого-то Кирилл.

И Глеб, сквозь наползающую муть, вдруг понял, что Настя все же обиделась на него и теперь вот пыталась отомстить... Но это было уже так далеко и так неважно... Главное – дойти до гостиницы, не упасть, и Глеб полностью сосредоточился на этом.

Ребята не разговаривали друг с другом и в полном молчании добрались до «Берега», тихо прошли мимо спящей над книгой администраторши и поднялись на свой этаж.

– Спокойной ночи. То есть спокойного утра, – тут же поправилась Динка.

Александра промолчала.

А вот Глеб вовсе не был уверен, что утро выдастся спокойным.

– Не расстраивайся, придумаем что-нибудь, – попытался утешить друга Северин, когда они очутились в своей комнате.

– Спасибо. – Глеб измученно улыбнулся. Рука, кстати, тоже болела.

Он, не раздеваясь, лег на кровать. Перед глазами рябило, как бывает, когда слишком долго вглядыва-

ешься во тьму и смотришь на слабый мерцающий свет. Бом! Бом! Все настойчивее стучало в голове. «Набат предупреждал людей о надвигающейся опасности», — успел почему-то подумать Глеб и уснул тяжелым сном.

Глава 13

Когда бездну страданий вдруг озаряет свет истины

Слишком низкий потолок не позволял распрямиться. Сырые стены, закопченные от огня факелов, жадно впитывали последние остатки жизни. Тяжелое железо впивалось в кожу. Да осталась ли там вообще кожа? Или лишь одни только клочья, а под ними – кровавое месиво...

Душно... Чудовищно душно... или это не дают вздохнуть поломанные ребра...

Сквозь запекшиеся, чудовищно распухшие и растрескавшиеся губы не прорывалось даже стоны.

Сколько он уже здесь? Несколько дней? А может, всю жизнь?

Он уже и не помнил другой своей жизни. Отсюда, из стилого подземелья, она казалась привидевшимся сном. Кажется, было что-то... зелень травы с нереально яркими пятнами одуванчиков, река, девушка... Да, господи, было ли это?..

В привычной и дружелюбной темноте вспыхнуло пятно света, и тело непроизвольно вздрогнуло. Тьма – это хорошо, это покой, почти отдых. Свет – это плохо.

Значит, опять идут за ним. Опять будут мучить.

Больным глазам, привыкшим к тьме, даже неяркий свет факела уже сам по себе мука мученическая, он невольно закрыл глаза, но тут же снова открыл их: нельзя показать палачам, что боишься. Единственное, что он сейчас может, – это смотреть им в глаза, и они, не он, они – всегда первыми отводят взгляд. Значит, бояться! Его! Прикованного! Искалеченного! Он едва не рассмеялся.

В желтом круге света появилась рыжая борода и кажущееся плоским, словно блин, лицо, налитое кровью. Видно, честь нам явлена великая: *сам* пожаловал.

Водянистые глаза посетителя смотрят спокойно – нет в них ни грозových всполохов, ни лютой злобы, которой, говорят, все злодеи отмечены. Словно болото, затянутое туманом...

– Не жалеешь ты себя. Смотри, до чего себя довел, – послышался голос рыжебородого. Спокойный голос – точь-в-точь к глазам. – А ведь из самых родовитых, по правую руку царя сидеть бы мог.

Распухшие губы повиновались с трудом, и сначала из них вырвался только невнятный сип.

– Ты теперь по правую руку, Григорий Лукьянович, – наконец, выдавил он. – Что же ты совсем о чести забывал?

Посетитель потерябил широкой рукой свою рыжую бороду и усмехнулся во весь толстогубый рот:

– О чем говоришь, боярин? Какая честь? Я – пес государев.

А из угла тоненько захихикали. Очень знакомо захихикали, между прочим. Приподняв, казалось, свинцовые веки, Глеб взглянул в направлении звука и, уже не удивляясь ничему, заметил в углу скорчившуюся фигурку. Старик с длинными косицами и раскосыми угольными глазами, казалось, получал искреннее удовольствие.

– Говорил тебе, однако! – прошамкал старый шаман и опять расхохотался противным дребезжащим смехом. – Молодой совсем, глупый...

Глеб с трудом разлепил тяжелые ресницы, и яркий солнечный свет больно, словно ножом, ударил по глазам. Запекшиеся, распухшие губы дернулись, но из них не вырвалось ни единого звука.

– Все хорошо, – словно сквозь пелену донесся до него чей-то смутно знакомый голос. – Тебе уже лучше. Врач от Евгения Михайловича приехал, говорит, кризис уже прошел.

Послышался легкий всплеск, и вслед за этим на лоб Глеба опустилась мокрая тряпка, слабо запахло укусом.

– Ну и напугал ты нас!

Это уже второй голос. Тоже знакомый.

Глеб нахмурился, пытаясь понять, что это за комната и где он находится. Разве уже не в подземном казе-

мате?..

– Ты поспи, – опять послышался первый голос. – Тебе сейчас спать полезно.

– Да, – подхватил второй, – а я тебе настойку сделал. Сам травы собирал. Моя бабушка в этом хорошо разбиралась и меня научила...

К губам подвинулись края кружки.

Глеб жадно глотнул. Жидкость сильно пахла травами и солнцем, а на вкус чуть горчила, но все же была приятной, живительной.

Он выпил все, что ему дали, и снова погрузился в сон...

Как ни странно, болезнь, вызванная отравлением от укуса подземной твари, оказалась тяжелой, но короткой. На третий день Глеб уже полностью пришел в себя. В голове роились обрывки воспоминаний: противное хихиканье лишившегося своего бубна шамана, рыжебородый Малюта Скуратов, казавшийся во время болезненной горячки реальнее всей окружающей реальности, Александра и Северин, ухаживающие за ним все это время, лысый улыбающийся доктор, укоризненно качающий головой: «И где же это тебя так угораздило!..» Этот странный клубок засел в голове, и Глебу почему-то казалось, что в нем содержалось что-то важное. Но вот что? Да разве теперь вспомнишь?.. Или это лишь мнимая важность, какая бывает после сна: проснешься и хмуришься, вспоминая – кажется,

что-то необычайно важное, что-то особенное приснилось, а вспомнишь – пшик, ерунда ерундовская.

Глеб досадовал на то, что все так вышло, и они потеряли уйму времени зря.

– Ну, рассказывайте новости, – попросил он.

Вся команда собралась вокруг его кровати в гостиничном номере.

– Кирилл и его ребята уехали, – начала перечислять Александра, – мы с ними с того раза фактически не встречались. Разговаривала с Евгением Михайловичем. Он очень за тебя переживал. Врача присылал, даже сам хотел приехать. А по поводу Книги сказал, чтоб не волновались, что другие сколько сотен лет ищут и найти не могут, а мы, мол, за неделю отыскать собирались.

Глеб хмыкнул, и на сердце у него сразу стало легче. Им всем действительно повезло, что Евгений Михайлович когда-то разыскал и выбрал их. Он дал им шанс. А еще, если честно, редко встретишь такого заботливого и доброго человека. Даже в неудаче он сумел поддержать как никто.

– Все? – спросил Глеб.

Александра вдруг замялась, а обычно бледные щеки слегка порозовели.

– Нет, не все, – проговорила она. – Тебе тут часто звонили, с одного номера. Я думала, что-то важное, и взяла трубку...

Она замолчала.

— Ну? — неторопливо выдохнул Глеб.

Лицо Саши тем временем приняло обычное спокойное выражение.

— Это была девушка, Ольга, очень о тебе беспокоилась. Я сказала, что ты в больнице и к тебе не пускают, — сказала она, глядя Глебу в глаза. — Я неправильно сделала?

Глеб вздохнул.

— Нет, спасибо. Правильно...

Ольга волновалась за него! Хорошо, что Саша взяла трубку, иначе Оля могла подумать, что он не хочет с ней разговаривать... Но уж лучше бы ей ответил Северин. Кто знает, что придет в голову девушке, если по мобильному молодого человека отвечает женский голос.

— Я сказала, что я твоя родственница, — добавила Александра, верно прочитав сомнения на его лице. — Мы ведь и вправду как одна семья.

— А Евгений Михайлович — наш добрый папочка! — радостно засмеялась Дина.

И обстановка окончательно разрядилась.

Потом Глеб, еще слабый после недавней болезни, стоял на крыльце и разговаривал с Ней.

— Ты не отвечал, и я очень-очень испугалась. Пожалуйста, не пропадай больше так неожиданно! Обещай! — взволнованно говорила Ольга.

Пообещать легко, но вот исполнить... И объяснить ей ничего нельзя. Это не его тайна. Ольге легко – на ней не лежит сейчас груз ответственности и тайны.

Глеб молчал, машинально обрывая лепестки с несчастного шиповника. Кстати, выпало, что «любит».

– Почему ты не отвечаешь? Ты меня совсем не любишь?

– Люблю, – отозвался он, кусая губы. – Прости, я... болел. Отравился...

Глебу ужасно не нравилась эта полуправда, которая, как всегда, была ближе к лжи, чем к правде.

– Неужели действительно так сильно, что даже ответить не смог?

– Правда не мог. На меня болезнь как-то странно подействовала, я словно в забытьи был...

– Но теперь? Теперь тебе лучше? Хочешь, я приеду? Прямо сейчас?

Фоном в трубке звучал смех, скрипели качели. Видимо, она где-то возле детской площадки. Глеб представил Ольгу так явно, словно она находилась на расстоянии вытянутой руки от него – такая солнечная, такая трогательно-хрупкая!.. К горлу подступил спазм, а сердце глухо стукнуло в груди. Его сердце разрывалось от нежности. Он, Глеб, не сделал ничего, чтобы заслужить это счастье. Счастье вообще невозможно заслужить, оно всегда как драгоценный дар, неожиданный и щедрый. И дается ни за что.

– Я люблю тебя, – прошептал он в трубку, замирая от переполняющих грудь чувств.

– Я тоже, дурачок! – засмеялась Ольга. Светло засмеялась, радостно.

...Когда они наконец распрощались, договорившись о скорой встречи – только прощания заняли минут десять, – никто из них не решался нажать отбой, и они бесконечно повторяли друг другу «пока» и «целую» – Глеб заметил, что оборвал с десятков цветов, их лепестки лежали теперь у его ног.

«Надо завтра же утром выехать в Москву. Здесь делать нечего. И Библиотека наверняка где-то там. Коломенское, Кремль, храм Христа Спасителя... Возле каждого из этих мест есть река – то есть «мокрая дорога», и любое из них вполне способно оказаться тем, которое мы ищем», – думал он, не признаваясь даже себе, что больше всего влекут его в Москву отнюдь не поиски Книги.

Ближе к вечеру ребята собрались в кафе, чтобы обсудить текущее положение дел. Динка, почти совсем отбившаяся от рук, уминала огромное пирожное. Северин был сосредоточен и бодр, Александра же, во время болезни Глеба ставшая заметно мягче, опять отдалась и сидела сейчас над своей чашкой кофе бледная и молчаливая.

– Не будем терять времени. Выезжаем завтра же, – объявил Глеб, оглядывая друзей.

– Ты точно не переоцениваешь свои силы? – недоверчиво спросил Северин. Остальные промолчали.

– Да я уже в норме. Завтра вообще как огурчик буду, – отмахнулся Глеб.

– То есть зеленый и пупырчатый? – продолжила известную шутку Динка. Александра посмотрела на нее строго.

– Ребят, все нормально, – в который раз повторил Глеб. – Я чувствую, разгадка нас ждет. Давайте рассмотрим все варианты. В Москве их больше, чем в любом другом городе. Сходим на места, Дина со своим чудо-прибором пошаманит... Евгений Михайлович прав, нам рано отчаиваться, поиски только-только начались.

– Ну смотри сам. Едем так едем, – согласился Северин.

После ужина они вернулись в гостиницу.

На веранде сидели парни, поселившиеся в комнатах, которые раньше занимала компания Кирилла. Эти не пели. Они пили пиво, громко переговаривались и слушали попсу. Так что Глеб с ностальгией вспомнил время, когда здесь звучали романтические, приправленные ноткой грусти, песни. «А Кирилл, в сущности, неплохой парень», – подумалось Глебу.

На следующий день они уже были в Москве. Дорога действительно вымотала Глеба, так что, подъезжая к знакомым воротам, он глубоко вздохнул от облегче-

ния. В этот раз Динка ехала с Северином. Сам Северин держался рядом с Глебом. Если позволяла дорога, он занимал место слева от Глеба, а Александра ехала справа, словно страхуя. Это очередное проявление внимания и заботы со стороны друзей тронуло Глеба. «Что-то сентиментальный я стал, хуже некуда», – думал он. А в голове вдруг всплыли события прошлого, задвинутые на самые дальние чердаки памяти.

Он уже привык бывать у Хохлика. Полюбил его пыльную, заставленную книгами и всякими редкостями квартиру и так же, как когда-то лез в драку из-за родителей, шел против всего класса, если сверстники решали устроить один из своих излюбленных приколов.

«Хохликов любимчик» – дразнили его, и Глеб принимал эту кличку, словно награду.

В один из выходных дней, который Глеб проводил у Хохлика, они долго разговаривали о таинственной Атлантиде.

– Пару лет назад, – рассказывал Хохлик, – я был на острове Санторин. Это в Эгейском море. Потрясающее место, вот посмотри, – и он протягивал Глебу пачку фотографий с ярко-синим морем и слоистыми трехцветными скалами – белыми, красными и черными. – Видишь, остров странной формы. Словно чашка, у которой отбили донышко, остались только края. Раньше это был круглый остров, но в ре-

результате извержения вулкана, произошедшего около тысячи шестьсот двадцать седьмого года до нашей эры – представляешь, как давно! – кратер провалился, унеся с собой большую часть земли, а пришедшая затем гигантская волна-цунами и груды обжигающего вулканического пепла довершили разрушения. Остров более никогда не поднялся, не достиг былой славы. А ведь еще задолго до греков на Санторине существовала великая цивилизация. Ученые называют ее Минойской. Двух-трехэтажные дома, украшенные великолепными фресками, все удобства зрелой культуры. Даже по немногочисленным дошедшим до нас свидетельствам очевидно, сколь развитый народ обитал в этих местах. Недаром есть версия, что именно Санторин и есть давно потерянная легендарная Атлантида.

Глеб, увлеченный рассказом, позабыл об осторожности.

– А если мои родители из легендарной Атлантиды? – вдруг спросил он.

– То есть? – Хохлик машинально взъерошил свои и без того лохматые волосы и непонимающе посмотрел на ученика.

– Понимаете, мне иногда кажется, что они совершенно необыкновенные, – окончательно решился Глеб. – Ну, необязательно из Антантиды, но что-то такое? Они иногда снятся мне, только проснувшись,

я не могу вспомнить никаких подробностей. Понимаете, они разговаривают со мной.

Хохлик кашлянул.

– Хммм... Глеб. А не кажется ли тебе, что это ты сам придумываешь? – наконец, выдавил он.

Вспышка гнева была такой яркой, что Глебу на секунду пришлось закрыть глаза.

– Я не выдумываю, Владимир Николаевич! – ответил он так яростно, что Хохлик смешался и поспешно заговорил о чем-то другом.

Больше они к этой теме в тот день не возвращались, и Глеб чувствовал растерянность, оставшись непонятым. Ему казалось, что молодой историк непременно его поймет и поддержит.

Но и это, как оказалось, было еще не все. Дальше дела пошли еще хуже...

Глеб встряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Теперь он стал умнее и не рассказывает то, что не нужно. Он научился отгораживаться и принимать меры предосторожности – просто так, инстинктивно и заранее. Теперь он уже не тот доверчиво-глупый мальчик. Он вырос, он окреп и оброс панцирем. Все его тайны останутся при нем.

Глава 14

Слепое пятно

Ветер лениво гнал облака, которые, несмотря на его усилия собрать их в стайки, непослушными овечками разбегались по всей синеве бескрайнего неба.

На берегу Москвы-реки стояли двое. Он и она. Они молчали. Не потому, что им нечего было сказать друг другу, а потому, что иногда не требуется слов – достаточно простого прикосновения, достаточно взгляда.

Девушка, прильнувшая к груди молодого человека, слушала, как бьется его сердце, и знала, что каждый удар – для нее.

– Хорошо, что мы пришли сюда – на место, где встретились и познакомились, – сказала она наконец тихо.

Глеб кивнул. Он чувствовал, что эта встреча – самая важная в его жизни, лучшее, что с ним происходило.

– Ты очень исхудал, – продолжала Ольга, проводя рукой по плечу Глеба. – И такой бледный... Я даже испугалась, когда тебя увидела! Бедненький! – она осторожно поцеловала его куда-то в висок.

– Все хорошо, – заверил Глеб, действительно чувствуя, что лучше не бывает.

– А помнишь, – Ольга оживилась, – как мы гуляли

здесь и как ты рассказывал про опричнину и про то, как монахиня себя цепями к стене приковала? Честно говоря, я в ту ночь заснуть не могла – ужасы всякие мерещились!

Глеб ощутил странное чувство... дежавю что ли.. Что-то такое было и с ним.

– Ты очень впечатлительная, – сказал он, еще крепче прижимая девушку к себе. – Не стану больше пугать тебя всякими мрачными историями.

– Ну почему же. – Ольга, отстранившись, лукаво на него посмотрела. – Ты очень интересно рассказываешь. И стихи хорошо читаешь. Знаешь, мой папа сказал, что ты неординарный юноша, а он редко о ком так говорит!

Глеб вздрогнул. Не столь даже от упоминания о папе, сколь от мысли, что в доме Ольги бывают другие молодые люди... Он внимательно взглянул в доверчивые распахнутые глаза, казалось, отражающие небо, и мысленно назвал себя последним придурком. Совершенно же ясно, что Ольга не умеет хитрить и притворяться!

– Скажи, – Ольга так и впилась взглядом в его глаза. – А та девушка, которая брала трубку, действительно твоя родственница?

Глеб смутился.

– Ммм... нет, – наконец, выдавил он.

– Я так и знала!

Девушка отвернулась и уставилась на серебрящуюся в лучах солнца воду реки.

– Нет, Оля, ты не так поняла!.. – Глеб сжал ее руку, но Ольга по-прежнему на него не смотрела. – Мы с ней просто занимаемся одним делом...

– Это каким же? – Вот теперь она снова повернулась к нему. Брови немного сдвинуты, глаза прищурены, губы сжаты.

– Я... Мы... – Глеб чувствовал, что запутался, и это никак не говорит в его пользу. Но почему обычное красноречие всякий раз изменяло ему в присутствии Ольги? Он сам с презрением думал о парнях, которые краснеют и начинают запинаться, находясь рядом с девочками, и уж точно не мог представить себя в подобной роли!

– И что же вы?

– Я не могу сказать, потому что не хочу тебе лгать, – решительно проговорил Глеб.

– Лгать? Значит, тебе есть что скрывать! – Глаза девушки подозрительно заблестели, наполняясь слезами.

– Да нет же, это не имеет отношения к личному! Это совершенно другое!

Глеб протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, но Ольга отстранилась.

– Я пойду, – проговорила она сухо.

– Но почему? Неужели ты мне не веришь?

Та хрупкая гармония, что царила между ними, когда они молча стояли на набережной, разбилась и упала в пыль.

– Ты странный. И ты что-то скрываешь. Разве нет? Я считаю, что в отношениях не должно быть секретов друг от друга!

Ее голос окреп. Теперь действительно можно было поверить в то, что она – дочка своего отца – сотрудника служб, с которыми не шутят.

Может, рассказать ей все? Между ними действительно не должно быть тайн. Но разве легко во все это поверить: в поиски таинственной Библиотеки; Книгу, обладающую особой силой, в странную тварь с мелкими острыми зубками и огромными глазами-плошками, что напала на него в подземелье? Все это в лучшем случае тянет на бред, в худшем – на сумасшествие.

– Молчишь... – она презрительно сжала губы. – Ну что же, тогда я ухожу. Если ты себя не жалеешь, то мне себя жалко!

Она круто развернулась на изящных каблучках и пошла прочь.

– Ольга! Подожди!

Глеб рванулся за ней, но тут мир словно застыл в стоп-кадре.

– Не жалеешь ты себя, – услышал Глеб *другой* голос. Спокойный и ровный – таким говорят просветленные и великие злодеи, много повидавшие на своем ве-

ку. А взгляд Глеба невольно остановился на другой стороне реки. Там сейчас стояла старая церковь и дом, где расположился Институт культуры.

«Пес государев», – отчетливо вспомнились слова из полусна-полубреда. Малюта начал свою службу в опричнине с незначительного, пустякового чина, дослужился до того, что стал правой рукой царя. Его фанатичная преданность и жестокость не знали границ. «Не так страшен царь, как его Малюта», – гласила одна из придуманных в те времена пословиц. И вместе с тем Скуратов-Бельский был единственным из всей опричнины, кто не только выжил и сохранил свое положение подле царя, но сумел еще более прославиться. Может быть, потому, что возглавлял, как бы сейчас сказали, службу внутренней разведки – самую первую на Руси, сведения о которой дошли до наших времен. А возможно, дело в другом. Что, если между ним и государем была какая-то тайна? Кому мог доверять подозрительный, мнительный Иван Грозный, как не своему по-собачьи преданному сподвижнику? А еще Глебу вдруг вспомнились мемуары наемника, которые цитировала Александра. Судя по этим запискам и по словам Евгения Михайловича, Книга всплывала в Смутное время. Конечно, самого Малюты Скуратова в те годы уже давным-давно не было, но одна из его дочерей была женой царя Бориса Годунова. Не слишком ли тесен мир? Так тесен, что уже трещит по швам.

Не на месте ли тех хором, где жил Григорий Романович, и была царская псарня?

Эх, жаль, у него при себе нет Динкиного хитрого прибора. Надо бы проверить...

Глеб моргнул и словно опомнился.

По набережной шли люди, но Ольги среди них уже не было.

* * *

Ольгин телефон не отвечал, и Глеб в конце концов перестал звонить. «Прекрати, – сказал он себе, – Мне не из-за чего просить у нее прощения. Умолять ее – значит в первую очередь унижаться и ставить себя в зависимое положение. Если не звонить ей, она сама опомнится и раскается, а пока нужно прогнать Ольгу из своих мыслей».

Сказать – всегда легче, чем сделать. Поэтому, хотя Глеб и принял твердое решение, ему то и дело вспоминалась легкая улыбка, изящный жест тонкой руки, когда Ольга поправляла упавшие на лицо медно-рыжие волосы... «У меня есть дело», – в который раз напомнил он себе, пытаясь сосредоточиться на поисках Книги.

Минут через сорок, показавшихся Глебу целой вечностью, к набережной прибыли остальные члены ко-

манды.

Александра выслушала соображения Глеба по поводу возможного места нахождения Книги и кивнула:

– Может быть, а может и не быть. Но, в любом случае, годная версия. Мне тоже случилось видеть в документах слово «пес» рядом с именем Скуратова.

Динка рвалась приступить к делу и уже с преувеличенно сосредоточенным видом, изображая «специалиста при исполнении», снимала показания на свой крохотный прибор.

Группа побывала на обоих берегах Москвы-реки – и у храма Христа Спасителя, и на месте бывшего дома Малюты Скуратова. Первоначальные исследования были проведены, оставалось дожидаться результатов.

Чтобы занять себя и не думать об Ольге, Глеб, едва они вернулись в школу, засел за книги. Несколько раз он ловил на себе пристальный, изучающий взгляд Александры, но девушка тут же отводила глаза.

Уже в сумерках пришла Светлана, помощница и заместитель Евгения Михайловича. Глеб позвонил ей еще днем, почти сразу после расставания с Ольгой. Если кто-то способен помочь ему разобраться в собственных видениях, то только она.

– Добрый вечер. – Светлана улыбнулась ребятам, и все с удовольствием ответили на ее приветствие. Школьного психолога любили все, кроме, разве что,

Александры, отчего-то не слишком жаловавшей Светлану. Впрочем, Глеб подозревал, что это, похоже, связано с ревностью. С появлением яркой экстравагантной Светланы Саша казалась бледнее и незаметнее, чем обычно.

Светлана, как всегда, потрепала Динку по волосам — жест, который девочка позволяла только ей, обменялась несколькими словами с Северином, похвалила кофточку Александры, словно и не замечая плохого настроения подопечной, кивнула Глебу: ну что, идем?..

Она сидела напротив него, как всегда, доброжелательно-спокойная. Глеб смотрел на ее кольцо — огромный треугольник, внутри которого был вписан глаз, и чувствовал себя так, словно опять очутился между мирами.

Он только что закончил рассказ. Светлана слушала внимательно и очень серьезно, иногда задавала странные вопросы — например, какого цвета был кафтан у Малюты Скуратова или сколько зубов недоставало во рту у шамана. Она не смеялась, не говорила о его слишком богатом воображении, напротив, иногда кивала, словно находя подтверждение собственным мыслям.

— Наше подсознание гораздо умнее нас, Глеб, — произнесла женщина, и от ее какого-то теплого, да, «теплый» — это самое верное слово, голоса к нему возвращались уверенность и спокойствие. — Давай-ка попро-

буем провести маленький эксперимент.

Он кивнул, и Светлана достала из шкафа и подключила к его руке и голове проводки от какого-то прибора, обдав Глеба знакомым запахом ладана и ромашки – и успокаивающим, и тревожным одновременно.

– Это поможет мне уловить твой пульс и понять, что ты чувствуешь, – пояснила Светлана, кивнув на маленький экранчик. – Ну что, приступим?

– Что от меня требуется? – спросил Глеб, едва узнавая собственный голос.

– Ничего, – Светлана улыбнулась, – просто следи за шариком...

Глеб послушно уставился на покачивающийся на нити серебристый шарик. Светлана все делает правильно. И вправду, нужно погрузиться в транс и сделать заключение, ориентируясь не на собственные зыбкие эмоции, а на точные показания аппарата...

Шарик маячил перед его глазами, и уже казалось, будто это серебряные нити повисли в черноте ночи...

Чернота ночи прорезалась серебряной нитью молнии.

Даже дождь затих, словно испугавшись чего-то...

Было очень темно, но вот показались слабые, словно смазанные огни факелов. И Глеб понял: перед ним – конный отряд. Опричники во главе с рыжебородым Малютой... Глеб уже видел эту колонну, но только сейчас различил позади нее двенадцать лошадей, навью-

ченных тяжелыми сундуками.

Слева от Скуратова ехал полный чернобородый человек. И Глеб инстинктивно отпрянул и опустил глаза, отчего-то стараясь не встретиться с ним взглядом. Но чернобородый, словно что-то почувствовав, встревоженно огляделся. Он пробормотал что-то сквозь зубы — и не поймешь, молитву или ругательство, и выставил руку, сложив пальцы «дулей» — в жесте, по мнению славян, отвращающем зло.

Дождь, словно специально дождавшись этого момента, припустил с новой силой. Меж тем отряд въехал на дощатый мост, соединяющий, как понял Глеб, берега Москвы-реки.

— Осторожнее, коней берегите, — прикрикнул Скуратов.

Глеб замотал головой, чувствуя, как стук копыт о деревянный настил отдается в голове ноющей болью.

Когда он открыл глаза, оглядывая в приглушенном свете хорошо знакомую ему комнату, голова еще болела.

— Голова? — сочувственно спросила Светлана, и лба коснулась ее рука, удивительно мягкая и успокаивающая.

Удивляясь чуткости Светланы, Глеб кивнул, а она принялась медленно водить ладонями на небольшом расстоянии от его головы.

— Сейчас сниму боль. Уничтожу ее слой за слоем —

знаешь, как чистят луковицу...

От ее рук исходило приятное тепло, и Глебу действительно становилось лучше.

– А теперь рассказывай. Ты ведь что-то видел, – произнесла Светлана, когда дело было закончено и Глеб снова почувствовал себя здоровым.

Он рассказал, стараясь не упустить ни единой детали. Светлана снова слушала и снова спрашивала: про дождь, про Скуратова, про чернобородого...

– А что показали приборы? Что-то особенное? – не выдержал наконец Глеб.

Она пожала плечами и, щелкнув по экрану, распечатала диаграмму. На тонком листе линия его энцефалограммы вела себя действительно очень странно. Резко скакнув вниз, она на некоторое время тянулась ровной линией, затем снова поднималась вверх и образовывала несколько неравномерных кривых.

– Вот здесь ты погрузился в сон, – пояснила Светлана, указав на первый спад, – а вот здесь, – ее безупречный ноготь остановился на подъеме, – проснулся. Что было между этими точками – непонятно, но только не обычный сон. Это больше похоже не то на обморок, не то на летаргию. Но у меня есть кое-какие соображения.

– И какие? – Глеб поднял на нее взгляд. Светлана улыбалась.

– Я думаю, ты – Харон, – вдруг сказала она.

Вечером Глеб пошел в спортзал и до изнеможения

тренировался с Северином.

После тренировки он упал на кровать совершенно без сил, думая, что мгновенно уснет. Но в окно заглядывала предательница-луна, наполняя сердце непонятной тревогой. Глеб сжимал зубы и отворачивался к стене. Это не помогало. Он словно затылком чувствовал на себе внимательный взгляд.

«Я расслаблен... Я считаю до десяти и погружаюсь в глубокий сон», – напрасно повторял он себе, потому что мысли вновь возвращались на привычный круг, а в груди болезненно саднило.

В конце концов Глебу все-таки удалось уснуть.

Он опять был в том же подземелье, что уже снилось ему. Вокруг – лишь темнота и холод, привыкнуть к которому невозможно. Время остановилось. Глеб идет, словно в воде, с трудом раздвигая телом непослушный тяжелый воздух. Шаг, другой, третий... Ничего не меняется. Все те же сырые стены, низкий округлый потолок и застарелый запах, казалось, оседающий в легких. Глеб шел и шел. Он боялся оглянуться, почему-то точно зная, что за спиной ничего нет – кроме пустоты, как будто мир позади него тут же стирали огромным ластиком. Дороги назад не было – нужно идти только вперед... Но что там впереди и есть ли там вообще что-то? Возможно, пройдут годы... десятки лет... столетия... а он так и будет бродить здесь вне времени и вне пространства, один во всей вселенной.

Он шел и шел, все яснее осознавая: в месте, куда он попал, нет выхода и входа. Это *гиблое место*. От отчаяния Глеб бросился бежать. Он бежал, как в замедленной съемке, и опять ничего не менялось.

«Я погиб», – понял Глеб, захлебнувшись безнадежностью.

И в этот момент под ногой что-то слабо хрустнуло. Парень вздрогнул.

– Глупец, – слышался вдруг слабый голос.

На полу зашевелились, что-то негромко застучало, и перед Глебом, покачиваясь, встал полурассыпавшийся скелет. Череп с перекосившейся челюстью устоялся на человека провалами глаз. Левая рука скелета была раздроблена, и Глеб с ужасом догадался, что это он наступил на старые кости.

– Глупец, – повторил ужасный житель подземелья, – знай, что ты нарушил запрет, придя сюда. Ты был предупрежден, но ослушался, и теперь тебя ждет смерть. Ты погибнешь, как и многие до тебя, и на земле забудут твое имя. А ты останешься здесь, со мной. Навсегда. Во тьме, где никогда не сверкнет луч надежды. Ты обречен!

– Ты лжешь! – крикнул Глеб и, с трудом подняв руку, преодолевая сопротивление вязкого воздуха, ударил незваного пророка по белеющему во тьме черепу.

Скелет захихикал и рассыпался, упав под ноги мешаниной разнокалиберных костей. А Глеб от боли в ру-

ке застонал и проснулся.

Костяшки пальцев оказались сбиты, как будто Глеб и вправду нанес удар.

– Наверное, стукнулся о кровать, – пробормотал парень, с удивлением разглядывая руку в свете ночника.

Все это казалось весьма странным. Оживший труп говорил что-то о предупреждении... Неужели за всеми этими снами что-то стоит?.. Но знать бы, что именно. Подсознание определенно предупреждало об опасности.

«Когда будем спускаться под землю, надо взять с собой оружие», – решил Глеб. И все-таки либо он сходит с ума, либо и вправду существуют силы, превышающие человеческое разумение. Он еще раз прокрутил в голове сегодняшний разговор со Светланой. «Ты – Харон», – сказала она. «Что это значит?» – спросил тогда Глеб. «Разве ты не знаешь миф о Хароне?..» Конечно же, Глеб знал, что в древнегреческой мифологии Харон – перевозчик умерших через реку Стикс до врат царства смерти Аида. Но это знание не делало слова Светланы понятнее, напротив, еще более запутывало. «Ты тоже перевозчик – через реку времени. При тебе открываются ворота», – объяснила она.

И вот теперь Глеб лежал, вглядываясь в темноту. Неужели он действительно способен на это. Но тогда все приобретает иную окраску, и сегодняшний сон – не простое предупреждение, а нечто большее...

– Глеб! Ты что, спишь?!

В дверь заколотили.

Он вздрогнул и рывком поднялся на кровати. Часы показывали девятый час. Ничего себе! Глеб проспал. Чуть ли не впервые в жизни.

– Ау? – кричала из-за двери Динка, колотя в нее маленьким, но решительным кулачком.

– Да, уже встал.

Глеб натянул джинсы и рывком распахнул дверь.

– Ой, какой ты смешной! Как плюшевый медвежонок! – обрадовалась Динка, разглядывая его. – И такой лохматый!

Глеб машинально провел рукой по волосам, пытаясь хоть немного их пригладить. И действительно не слишком презентабельный вид. Но и немудрено после такой-то ночи.

– А ты уже бодра и весела? – подозрительно спросил он Динку, не отличавшуюся до сей поры чертами жаворонка.

– Так есть повод! – девочка широко улыбнулась, протягивая Глебу электронный девайс. – Посмотри, что нам прислали!

Глеб присмотрелся к полученной схеме. Голова бы-

ла тяжелой, так что ему приходилось прилагать усилия.

– Да, вижу, – наконец, протянул он. – И здесь ходы есть. Целая система... А вон там что за пятно? Сканирование не удалось?

Динка сияла, точно только что совершила открытие, тянущее, по меньшей мере, на Нобелевскую премию.

– А это слепое пятно! – торжественно заявила она.

– Что? – переспросил Глеб, опираясь о дверную притолоку.

– Слепое пятно! – повторила девочка. – Область, которую невозможно просканировать!

Глеб снова взгляделся в экран.

– А может, у тебя оборудование глюкануло? – скептически предположил он. – Мало ли что бывает...

И вправду, мало ли что... по подземным туннелям рыскают странные существа с глазами-плошками и острыми мелкими зубами акул-мутантов... в снах к нему приходят то сибирский шаман, то Малюта Скуратов, то говорящие скелеты... И чем дальше – тем больше, тем подозрительнее.

Динка сразу, без всякого перехода, обиделась и надулась.

– Не хочешь – не верь, – пробормотала она, отворачиваясь.

– Дин, – Глеб поймал уходящую девочку за плечо. – Не сердись. Это действительно необычно. Но давай

еще раз проверим, чтобы не делать скоропалительных выводов. Хорошо?

Она кивнула.

День прошел очень насыщенно. Они опять ездили на набережную, чтобы повторно просканировать земную поверхность, а когда вернулись, Глеб засел за книги, заодно восстановив в памяти то, что он знал о Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском, оставшемся в народной памяти под хлестким именем Малюта, в котором так и слышался отзвук слова «люто».

Скуратов был личностью неоднозначной. Выходец из мелких провинциальных дворян, он вначале долго продвигался по службе. Удача резко пошла вверх, когда Григорий Лукьянович в лето тысяча пятьсот шестьдесят девятого года возглавил сыскное опричное ведомство. Служил он царю верно и не жалел ни себя, ни своих подчиненных, ни богатых московских бояр. Когда ему пришел навет, будто новгородский архиепископ Пимен и бояре желают «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси злым умышлением извести», возглавил карательную экспедицию и залил весь город кровью. Затем он стал палачом и, возможно, инициатором гибели взрастившей его опричнины. Однако при всей своей собачьей преданности Скуратов успевал позаботиться и о себе. Та самая Марфа Собакина, с которой царя венчали в Александровской слободе, при-

ходилаась Григорию Лукьяновичу родственницей, а собственных троих дочерей Малюта устроил лучше некуда: старшей достался двоюродный брат царя князь Глинский, средней – боярин Борис Годунов, будущий царь, младшей – князь Дмитрий Шуйский, брат еще одного будущего царя Василия Шуйского. Вовсе неплохо для мелкопоместного захолустного дворянина.

Погиб Скуратов не в изгнании и не на плахе, как многие сотоварищи, с которыми он начинал свою деятельность в опричнине, а в строю при штурме одной из крепостей во время Ливонской войны. И воздал царь ему все почести, более чем своему брату Юрию или жене Марфе, и велел поминать в церквях.

Кроме того, многие предания приписывают Малюте редкую дерзость в отношении к царю. Видно, что тот был у Ивана Грозного на особом положении.

Задумавшись, Глеб тихо перебирал истертые страницы.

– Как ты думаешь, Малюта знал тайну Библиотеки? – вдруг спросила Александра, поднимая голову от своей книги.

Вопрос настолько совпал с собственными размышлениями Глеба, что он вздрогнул.

– Похоже на то, – пробормотал он. – Но кто уж теперь разберет. Подождем повторных результатов сканирования... Пока что все сходится, но ведь и в Александрове сходилось.

– Да, – Саша тихо вздохнула, – а еще, признаться, меня не оставляет мысль про детей ночи, о которых упоминает записка. В прошлый раз мы, похоже, подверглись серьезной опасности.

Глеб поежился, вспоминая странное существо, и давно зажившая рука отозвалась ноющей болью. Может, сказать Александре про сны? Надо же хоть с кем-то разделить свои опасения... Глеб покосился на девушку, но она уже не смотрела на него, вновь склонившись над ксерокопией каких-то документов. «Нет, – одернул себя Глеб, – не надо. Зачем ее зря волновать. В конце концов, сны – это игры подсознания, не нужно воспринимать их буквально».

Весь этот день он не думал об Ольге, забивая малейшую мысль о ней разнообразными делами. Тревога и боль не уменьшились, но словно стушевались, отступив на второй план.

Вечером пришли новые результаты сканирования. Слепое пятно было на прежнем месте.

– Видишь, а я что говорила?! – с гордостью заявила Динка, тыча в карту пальцем.

Глебу тоже хотелось поверить в то, что поиски вскоре будут завершены и они вышли на верную дорогу, но он не мог позволить себе этого. Ему, как руководителю отряда, нужно было сомневаться.

– Хорошо, принимаем это место за предполагаемый тайник, на который указывает записка, – согласился

Глеб, оглядывая друзей – все они собрались в зале. – Надо будет организовать экспедицию. Но тут мы встали перед вопросом, как проникнуть в подземелье. Палаты Малюты Скуратова давно разрушены. Я не вижу, чтобы проход подходил близко к поверхности земли, хотя там столько запутанных коридоров...

– Я думаю, нам нужно обратиться к специалистам, – спокойно сказала Александра.

Все удивленно посмотрели на нее.

– Я имею в виду диггеров, – пояснила девушка. – Дина, пошерсти Интернет. Наверняка даже навскидку можно будет найти тех, кто интересуется подземной Москвой и способен провести нас по подземному лабиринту.

Глеб кивнул: мысль была действительно дельная.

Глава 15

Диггерские байки

– И вы серьезно решили лезть под землю?..

Высокий худощавый парень лет двадцати трех – двадцати пяти медленно оглядел всю команду.

Они сидели в небольшом кафе, совершенно пустом в этот час.

– Это не обсуждается. Ты должен проводить нас до определенной точки и подождать нашего возвращения. – Глеб надеялся, что взял верный тон, говоря четко и строго по существу.

– Ну-ну... – парень вытянул ноги в проход. Из-под синих джинсов показались ярко-красные, бьющие в глаза, носки.

– Давай сразу договоримся: мы делаем свое дело, ты – свое, и никто не задает никому лишних вопросов, – подытожил Глеб.

– А вы что, клад ищете? – проигнорировал его предложение парень.

– Ну почему же клад?

– А что еще вас в проклятые шахты манит? – парень еще раз оглядел всех, остановил взгляд на Александре и улыбнулся ей.

– Почему сразу клад?! – нахмурился Глеб. – У нас

свои интересы, и платим мы прилично.

– И ты с ними пойдешь? – парень обращался только к Саше.

– Разумеется, – она отвела за ухо упавшую на щеку прядь волос.

– А почему вы именно ко мне обратились? – снова спросил он.

Глеб почувствовал легкую досаду: они собрались здесь, чтобы получить ответы на свои вопросы, а не для того, чтобы отвечать на чужие.

– Потому что ты – лучший. И хватит, Колян, ломаться. Мы же с тобой предварительно все перетерли, – встряла Динка – на правах первооткрывательницы новоявленного Сусанина в красных носках.

– Ну-ну, – снова пробормотал парень, – дело ваше. Опасность тоже целиком ваша.

– Кстати, а почему ты назвал это место проклятыми шахтами? – поинтересовался Глеб, отхлебывая горячий кофе. – Для красного словца?

Колян хмыкнул.

– Если бы, – загадочно сказал он. – Давайте я вам кое-что расскажу, а вы уж там сами решите, лезть или не лезть на рожон.

Если убрать из рассказа многочисленные отступления и нелитературные обороты, сводился он примерно к следующему.

Сам Колян занимался диггерством с пятнадцати лет

и неплохо знал подземную Москву и окрестности вроде Съян и прочих подмосковных пещер. Он не без гордости утверждал, что некоторые маршруты помнит на зубок: все спуски, подъемы, повороты и лужи, и может пройти по ним без фонаря и ни разу не споткнуться.

Про проклятые шахты он услышал в первый же год своего пребывания в диггерском клубе.

«Не лезь, – сказали тогда ему, – это тебе не по зубам».

Разумеется, лучшей заманухи, чем совет не лезть, для настоящего диггера не придумаешь. Колян тут же подговорил двоих друзей, которых он же и притащил в клуб, и в один из чудесных летних деньков все трое, вооружившись фонарями, веревками, страховочными поясами, мелом и прочими необходимыми вещами, двинулись на разведку.

Половину пути ребята прошли нормально, лишь изредка сверяясь с картой, – в некоторых из коридоров Колян уже бывал. Но вот показались и сами шахты. Они лежали ниже уровня основных путей, и в них приходилось спускаться, как в колодец. Едва ребята одолели половину спуска, как их окутал влажный, словно бы липкий, туман. Он льнул к лицу, словно паутина забивался в нос, залеплял рот. Даже дышать становилось трудно.

«Может, вернемся? Не нравится мне здесь», – робко заметил один из приятелей – Димка.

Колян тоже чувствовал, что место странное, однако поворачивать назад не собирался: достаточно было представить, как посмеются над ним в клубе.

«Идем дальше», – ответил он, стискивая зубы.

Туннель оказался сырой, и, несмотря на предусмотрительно надетые куртки, все трое приятелей быстро замерзли.

Вскоре начались проблемы со светом. Вначале сдох фонарь у Влада, третьего участника экспедиции, затем стал нервно помаргивать фонарь Коляна. Разумеется, у парней были запасные батарейки – никто под землю без этого не ходит, но то ли странная влажная сырость так действовала, то ли это было лишь совпадением, но батарейки отказались работать.

И тут в лицо ударил порыв ледяного ветра. Глубоко под землей! Там, где никакого ветра в принципе быть не может!

«Как хотите, а я назад!» – не выдержал Димка.

В слабом свете единственного уцелевшего фонарика каменные полукруглые своды казались сведенными ладонями мифического великана. А впереди – пустота. Только монотонно капает просачивающаяся вода.

Ребята прошли совсем немного, и возвращаться было до смерти обидно. Однако здравый смысл и некий инстинкт, сидящий глубоко-глубоко внутри, гораздо ниже уровня сознания, подсказывал: нужно уходить. И немедленно, пока не стало хуже.

Колян никак не мог объяснить то иррациональное чувство страха и безнадёги, что охватило его в проклятых шахтах. Он, человек неробкого десятка, встречался с таким впервые.

«Там! Смотрите! Там что-то есть!» – вдруг заорал Влад, указывая куда-то вперед.

Колян мало что понял, но ему показалось, что сама тьма шевелится, жадно и нетерпеливо поджидая, когда они попадут в ее разверстую пасть.

Нервы сдали, и все трое парней бегом ринулись обратно. Они и сами не помнили, как выбрались из подземелья. При свете внезапно заработавших фонариков Колян увидел, как трясутся его собственные руки.

Ребята вышли наружу, не обменявшись больше ни единым словом. Когда они влезали в дыру, было утро. Весь небольшой переход никак не мог занять более часа, но, тем не менее, сейчас был глубокий вечер, и Москва уже зажгла свои огни. Колян взглянул на часы – надежные механические часы, подаренные отцом и верой и правдой служившие ему вот уже три года. Стрелки беспомощно замерли на одиннадцать. Примерно том времени, когда приятели спустились в проклятые шахты. Парень поднес часы к уху и, конечно, не услышал ни звука: время застыло.

После этого случая и Влад, и Димка больше и слышать не хотели ни о каких подземельях. Сам Колян

так легко не сдался, однако и попыток проникнуть в запретное место впредь не предпринимал.

А немного позже он наслушался рассказов о проклятых шахтах.

Говорили, что это место издавна пользуется дурной славой. Некоторые смельчаки пытались штурмовать его и не все вернулись.

Силыч – одна из легенд диггерского движения прошлых лет – предпринял поход в проклятые шахты.

«Ушел – и пропал, как сгинул, – рассказывали Колян новые друзья. – Ждали его, значит, несколько дней. Силыча так просто не возьмешь. Он все подземелья как свои пять пальцев знал, мог там сутками бродить. Поэтому поначалу и не слишком волновались. Но как прошла неделя, поняли: дела хуже некуда. Уже, значит, и ждать перестали. А он вдруг на десятый день появляется на стрелке. Весь взлохмаченный, глаза безумные и заявляет, что побывал в преисподней. Какую-то чушь про назгулов несет. Он, понимаешь ли, толкиенутый еще слегка был... И с тех пор вроде вообще рассудком повредился».

«А что с ним теперь?» – спрашивал Колян.

«Кто же знает, – отвечали приятели. – Он с тех пор от нашей компании совсем откололся».

– Я сам с Силычем не знаком, но уверен: это реальный персонаж, – закончил рассказ Колян и залпом выпил свой кофе. – Однако скажу, что это все не то что

обычные байки типа тех, про гигантских крыс. Я сам видел это место, и как вспомню, до сих пор мороз продирает.

Слушая диггера, Глеб вспоминал свой собственный сон, а в душном в жаркий летний день помещении кафе вдруг повеяло ледяным холодом. Глеб исподтишка оглядел друзей: кажется, ничего странного не заметили, и успокоился: померещилось. Уж он-то отлично знал, что воображение порой выкидывает странные шутки.

– Читал я такие истории в Интернете, – сказал Глеб нарочито бодро. – Ты нас предупредил, мы решение не изменили, так что можем перейти к конкретике.

– Хозяин – барин, – пробормотал Колян и вдруг подобрался, даже ноги в вызывающих носках убрал под стол. – О деле так о деле. Вы мою цену знаете. Осталось только детали обговорить. Сейчас сухо, и еще неделю, я смотрел прогноз, дождей не обещают, – деловито говорил он, уставившись в стол. – Это хорошо. Путь частично под ложем Москвы-реки лежит. Но меры безопасности принять надо. Во-первых, нужны каски – мало ли что сверху посыплется. Во-вторых, хорошие высокие сапоги с рифленой подошвой, где-то может сохраниться вода, где вода, там скользкое дно. И вот еще: подошва должна быть толстой. Опять же, мало ли на что наступите. Потом свет. Хорошие фонари и запасные комплекты батареек... Впрочем, в вашем

случае... – Колян помедлил, водя пальцем по краю стола, – в вашем случае я бы ручной фонарик прихватил. Знаете, бывают такие механические, от физической силы работающие – вдруг пригодится. Куртки хорошие плотные и брюки – чтобы все тело было закрыто. Веревка надежная. Лучше уж совсем без веревки, чем с плохой, понимаешь?.. – он посмотрел на Северина.

Тот кивнул.

– Вот и славно, – диггер снова уставил взгляд в стол. – Аптечка – бинты, жгут, обезболивающее, хороший карманный нож, хорошо бы респираторы. Без маски и гидрокостюма обойдетесь – в затопленные коридоры, надеюсь, не ползете. И обращайте внимание на стены: они многое подскажут. Скажем, если в коридоре вода часто стоит, обязательно след останется. Чем интенсивней – тем хуже.

Сейчас Колян уже не походил на того лениво-рассеянного фрика, которым увидел его Глеб при встрече. Это хорошо. Теперь-то Глеб понимал, что они не ошиблись, проводник действительно годен.

– С физической подготовкой у всех нормально?

– У всех, – подтвердил Глеб. Вот игодились ежедневные часовые занятия. Не зря их всех муштровали в школе.

– Еще слушай меня, – продолжал Колян, – перед спуском не пить. Никакого алкоголя. Ни капли. По од-

ному не ходить. Под нависающие конструкции не лезть. Прежде чем лезть куда-то, думать, как вылезать будете. При малейшей угрозе – назад. Ну и на провода не... это самое, – он запнулся, покосившись на Александру, – ну, вы поняли. И ни в коем разе ни при каких обстоятельствах не паниковать. Паника под землей – смерть! Усекли? – теперь он уставился на Глеба.

– Усекли, – подтвердил тот. – Нам пара дней на подготовку потребуется.

– Вот и гуд, – кивнул Колян. – Вижу, вы ребята серьезные. Не из любопытства лезете, не из-за того, что шлея под хвост попала. Только поэтому делаю для вас исключение. Но еще раз напоминаю: я за вас, когда одни пойдете, ответственности не несусь. Если не появиться через шесть часов, вызову спасателей. Это все, что я могу для вас сделать.

– Спасибо. – Глеб протянул диггеру руку, и тот пожал ее.

– Ну раз мы все уладили, – ноги в красных носках вновь появились в проходе, – можно и расслабиться. Пивка попить. Что, никто не пьет?.. Ну и правильно. Как там у Пушкина было: «береги платье снову, а печень смолоду»?..

Колян громко засмеялся над собственной шуткой, так что на него встревоженно покосилась бездельно бродящая с тряпкой официантка.

Он опять расслабился, балагурил, шутил, напомнив

Глебу Кириллову компанию. Но самым любопытным оказалось то, что новый знакомый явно рисовался. И не перед кем-нибудь, а перед Александрой. Глеб видел это ясно. Как и то, что девушка не обращает внимания на грубоватые знаки внимания и отшатывается всякий раз, когда Колян наклоняется к ней слишком низко или пытается приобнять.

Глеб наблюдал за этим с немалым интересом. Он, конечно, всегда знал, что Александра симпатичная, но все же никогда не воспринимал ее как девушку, за которой можно ухаживать. Но то, что Саша не отвечает на эти явные знаки внимания, почему-то доставляло удовольствие. «Знай наших», – думал он, косясь на экстравагантного рассказчика, уже заведшего очередную диггерскую байку.

– Ну все, нам, пожалуй, пора, – наконец, сказал Глеб, многозначительно поглядев на часы.

Колян, прерванный посреди цветастой речи, вздохнул и покачал головой.

– Как знаете, – произнес он.

Глеб достал деньги и расплатился за весь заказ. Колян воспринял это как само собой разумеющееся.

– Я на связи. – Диггер в красных носках бросил еще один взгляд в сторону Александры, снова вздохнул и удалился.

– Ну и что думаете? – осведомился Глеб, когда ребята вышли на улицу.

Стоял жаркий день. На небе – ни облачка, вокруг – ни дуновения. Пахло разогретым асфальтом, бензином и еще чем-то особенным, присущим лишь большим городам.

– А что, – Северин пожал плечами, – вроде парень дельный. До места доведет, а уж дальше от нас зависит.

– Конечно, дельный! Я же вам говорила: он лучший! – Динка гордо вздернула подбородок. – Я его сама нашла! Весь Интернет облазила!

– Молодец, – машинально похвалил Глеб, глядя на Александру, которая шла молча и смотрела только себе под ноги. – А ты что думаешь?

Саша вздрогнула и поежилась – и это в такую жару, как сейчас!..

– Не знаю, – пробормотала она, – не нравится мне все это. И опять же, эти дети ночи... Никак не пойму, что имелось в виду.

– Ну вот, а еще меня обвиняли, что я, мол, играми и фэнтези увлекаюсь! – захлопала ресницами Дина. – Глеб, а Глеб, а ты заметил, как этот Колян на нашу Александру поглядывал? – спросила она без всякого перерыва или хотя бы короткой логической паузы.

– Замолчи! – зло прошипела Саша, глядя исключительно на асфальт.

Глеб тоже посмотрел туда. Через трещины упорно лезла молодая трава. Вдывая душасщее покрытие и

едва ли не вопя о торжестве жизни над застывшей мертвой материей.

«Интересно, как там Ольга?» – вдруг, без всякой связи, подумалось Глебу.

Глава 16

Шаг в пустоту

Глеб сидел на узком подоконнике и смотрел на едва покачивающиеся на ветру ветви деревьев. Через распахнутую форточку до него доносились звуки ночного сада – тихое перешептывание листвы, шуршание в траве. Глеб знал, что в школьном саду водились ежи, и иногда оставлял им блюдечко молока...

В сердце затаилась грусть, похожая на свернувшегося клубком котенка. Завтра, уже завтра они спускаются под землю. Что их там ждет? Может быть, опасности? Может, разочарование?.. Глеб боялся разочарований, он знал, как это бывает больно.

Это случилось через несколько дней после тех выходных, проведенных у Хохлика, когда Глеб рассказал ему о своих фантазиях по поводу родителей. Он никогда не рассказывал этого, оставляя сакральное знание только для себя, но тут вдруг поверил и открылся. Все эти дни после разговора он жил в смутном ожидании. Мальчик и сам не мог сказать, чего именно он ждал. Может, того, что Хохлик просто подойдет к нему и положит на плечо руку в знак понимания и уважения, признавая равным. Но учитель, напротив, стал уделять ему меньше внимания. Конеч-

но, для этого были и объективные причины – подготовка к городской проверке, по истории планировалось проведение тестов. И Хохлик все время то подтягивал самых ненадежных учеников, то занимался какими-то другими делами и казался еще более нервным и растрепанным, чем обычно.

В один из дней на плечо Глеба легла рука.

Но это был не Хохлик.

– Глеб, иди, пожалуйста, за мной, мне надо с тобой поговорить, – произнес звучный женский голос.

Должность психолога при детском доме Валентина Макаровна занимала уже лет двадцать, если не больше. Это была высокая грузная женщина, любящая шелковые блузки с бантами и массивные украшения. Вот и сейчас в ее ушах тускло поблескивали тяжелые каменные капли. Они покачивались в такт ее шагам, и Глеб, словно замороженный, никак не мог отвести от них взгляда.

Сейчас Глеб сказал бы, что Валентина Макаровна была неплохим психологом, однако предпочитала прямые дороги и ей не доставало гибкости.

Кабинет психологини, расположенный на первом этаже в конце коридора, никак не создавал атмосферу душевного комфорта. Идеально чистый, с минимумом мебели.

Кресло, стол, на котором часы – обычные и песочные, большой блокнот для записей и фото ста-

рательно улыбающихся детей – то ли воспитанников детдома, то ли собственных Валентины Макаровны. Фотография почему-то особенно раздражала Глеба. Кроме того, в комнате находились шкаф, в котором, как говорили в детдоме, были собраны досье на каждого из воспитанников, стул для посетителей, в углу комнаты – в здоровенной кадке произрастало нечто монстрозно-фикусоподобное, с темно-зелеными глянцевыми листьями, очень унылое и казенное, как казалось Глебу.

– Садись, пожалуйста. – Валентина Макаровна указала Глебу на единственный стул и заняла свое место в кресле.

Все еще недоумевая, почему он удостоился чести быть принятым психологиней, которую боялись, может, лишь чуть меньше, чем директора, Глеб сел, не прислоняясь спиной к спинке стула.

– Будешь? – на столе появилось круглобокое румяное яблоко, и Валентина Макаровна приглашающе улыбнулась.

– Нет, спасибо, – ответил Глеб, еще более сжимаясь. Теперь он уж точно не ожидал ничего хорошего.

– Ну пусть оно полежит возле тебя. Захочешь – возьмешь, – сказала психологиня и, придвинув свое кресло поближе к столу, уставилась на Глеба. – Ну а теперь давай поговорим о твоих фантазиях.

Глеб вышел из ее кабинета через час, ощущая се-

бы раздавленным и неся в руке злополучное яблоко, которое на прощание впихнула ему Валентина Макаровна.

Оказавшись на улице, он изо всех сил запустил яблоко в стену, оно разбилось. На грязно-белой стене осталось отвратительное мокрое пятно, а части яблока упали на асфальт Глебу под ноги, и он со злостью наступил на них.

Валентина Макаровна торжествовала, отыскав причину аутичного поведения одного из лучших учеников средних классов. Фантазии, связанные с придуманными родителями, – что может быть банальней?! Стандартный для брошенного, никому не нужного ребенка выход. С этим нужно было бороться, чтобы вырастить из Глеба социально адекватную полноценную личность.

Сомнений, откуда психологиня почерпнула информацию к размышлению, у Глеба не оставалось. Он легко мог сложить два и два.

Чуть позже школу потрясли два произошедших одновременно события: лучший ученик класса написал тест по истории на единицу, не соизволив ответить ни на один вопрос билета, и на прошедшей через все непогоды, дожди и грозы сумке Хохлика появилась корявая надпись «козел» – зеленой краской, которой как раз красили школьную ограду. По последнему случаю была проведена беседа, в ходе которой

зазнайка и хохликовский любимчик Глеб спокойно поднялся со своего места и под недоверчивыми, ошалевшими взглядами одноклассников признался, что это его работа.

На вопрос, зачем он это сделал, Глеб не ответил даже в кабинете директора, за что и понес заслуженное наказание, выросшее даже не за счет тяжести проступка, а из-за невероятного непробиваемого упрямства виноватого.

А еще через месяц Хохлик навсегда исчез из их школы.

Глеб выбросил все полученные от него в подарок книги и разнообразные мелочи, которым завидовали не избалованные вниманием одноклассники. Благодаря стойкости и мужественному поступку, он вдруг стал среди них «своим парнем» и извлек урок: не хочешь быть уязвимым – не раскрывайся. И еще один – бонусный: будь не со всеми, а надо всеми.

Горечь раны давно уже присыпал пепел прожитых лет, однако и сейчас, вспоминая об этом, Глеб сжимал пальцы так, что болели костяшки.

Он уже сейчас добился многого. Победы в олимпиадах, интервью для местной газеты, данное чрезвычайно перспективным мальчиком, привлекли к Глебу внимание Евгения Михайловича. И вот теперь он, Глеб, в элитной школе, он в команде, причем именно на нем лежит ответственность за принятие решений, он зани-

мается любимым делом и ведет за собой друзей. Он наконец-то независимый и сильный. Неплохо для запуганного мальчишки, уходящего в себя и лелеющего безумные фантазии.

И только одно приносило ему боль и беспокойство. Ольга.

Это имя набатом звучало в ушах, оно не давало ему уснуть перед ответственным делом.

Глеб поднялся с подоконника, прикрыл окно и посмотрел на часы. Уже за полночь.

«Наберу номер. Выжду два гудка – и все. Если не возьмет – не судьба», – решил Глеб, нажимая на вызов.

Ольга взяла трубку сразу, словно только и ждала звонка.

– Глеб! Ну наконец-то! А я ждала! – послышался такой родной, такой любимый голос.

– Я... Ты еще не спишь?.. – Глеб растерялся, не зная, что и говорить. Ну почему так происходило всякий раз, когда он общался с Ольгой?!

– Конечно не сплю, глупенький! – засмеялась она. Даже искаженный трубкой, ее смех был самым прекрасным, что Глебу доводилось слышать. – И не сержуйся на тебя.

Глеб наконец почувствовал себя счастливым. «Какой же я дурак, что не позвонил раньше!» – думал он.

Они проговорили два часа, даже не заметив, как бе-

жит время. Ольга ни словом не упомянула то, что в прошлый раз привело к ссоре. Под конец, когда они прощались, наверное, в десятый раз, она спросила только:

– Мы увидимся завтра?

А Глеб, чувствуя себя распоследним из негодяев, ответил:

– Давай послезавтра. Я тебе позвоню...

– Буду ждать, – нежно проговорила Ольга.

Небо за окном уже светлело – приближался ранний рассвет, и Глеб поспешил лечь, чтобы поспать перед походом хотя бы три часа.

В эту ночь он спал крепко, без сновидений. Ни один кошмар не рискнул постучаться в сны действительно счастливого человека.

Проснулся Глеб в отличном настроении. Предстоящий поход больше не виделся ему в черных красках.

После разминки в спортзале все члены группы собрались за завтраком.

Динка едва могла усидеть на месте от нетерпения, Северин тоже был ощутимо взволнован, только одна Александра сохраняла обычную невозмутимость – по ее лицу нельзя было прочесть ни единой эмоции.

Завтракали молча, однако к еде почти не притронулись. Полезная каша так и осталась в тарелках, и в ней озерцом желтела лужица растопленного и уже подернувшегося тонкой пленочкой масла.

– Ну все, идем. – Глеб встал и одним глотком допил остатки кофе. – Все готовы?

Друзья отозвались нестройным гулом голосов.

Зазвонил мобильный.

– Как у вас? Все нормально? Держите меня в курсе, – попросил Евгений Михайлович, и Глеб с удивлением понял, что директор тоже волнуется.

Все они волновались даже больше, чем перед прошлой вылазкой в Александровской слободе. Значит ли это, что победа близко? Или, напротив, предстоит ощутить горечь поражения?..

Пообещав Евгению Михайловичу связаться с ним сразу же, как только появится такая возможность, Глеб взял приготовленную сумку и вышел на улицу, где его поджидали остальные члены команды.

Колян уже ждал их в условленном месте. На этот раз выглядел он серьезнее. Оглядев быстрым и цепким взглядом всю группу, диггер удовлетворенно кивнул:

– Ничего не забыли? Инструкции все помнят?.. Ну и ладненько. Остальное – на ваш страх и риск.

Глеб чуть заметно поморщился:

– Ну води уже.

Под землей было сыровато, а воздух казался тяжелым, насыщенным странными запахами. Они долго шли какими-то коридорами, где плиты поросли седым лишайником, а под ногами хлюпала затхлая вонючая

вода.

– Вот и пришли, – сказал вдруг Колян и резко остановился.

Перед ними была небольшая то ли трещина, то ли расщелина, уходящая еще глубже под землю, хотя казалось бы, куда уж глубже.

– Сюда? – спросил Глеб недоверчиво и сверился с картой. Вроде направление верное.

– Сюда, сюда, – подтвердил Колян. – Что, не раздумали?

Он снова покосился на Александру, и та от лица всей группы отрицательно покачала головой.

– Ну тогда действуйте.

Проводник присел на корточки и принялся наблюдать, как Глеб с Северином закрепляют веревку. Сам он не сделал ни малейшей попытки принять в этом участие – то ли считая свою миссию завершенной, то ли желая посмотреть, как начинающие диггеры справятся с этим ответственным делом.

Спуск прошел благополучно.

Они очутились на дне шахты, от которой уходил куда-то в темноту узкий коридор.

Все фонари работали нормально.

Глеб оглядел свою маленькую группу, затем открыл рюкзак и достал оттуда два пистолета. Один пристроил себе за пояс, другой протянул Северину.

Тот молча взял оружие.

– А нам?! – обиженно выпалила Динка.

– А вам не нужно, – отрезал Глеб. – Вы будете, как в прошлый раз, идти в середине отряда.

– Думаешь, пригодится? – задумчиво спросила Александра, глядя, как Северин бережно пристегивает к поясу пистолет.

– Нет, – ответил Глеб без колебаний. – Но пусть будут. Для пущего спокойствия.

– Si vis pacem, para bellum, – пробормотала девушка и, под вопросительным взглядом Динки, перевела: – Хочешь мира – готовься к войне.

– Да уж, – хмыкнула Динка, – парабеллум⁷ – лучшая гарантия мира, если, конечно, под рукой нет танков.

Глеб с удовольствием наблюдал за тем, как разряжается обстановка. Вот и лица у друзей уже не такие напряженные.

И туннель не такой уж страшный. Ну, допустим, узкий, но пройти вполне можно. И темнота здесь обычная, в ней нет ничего сверхъестественного или пугающего. А то, что в эти шахты диггеры не лазают – надо же им иметь свои страшилки, без них в диггерском деле нельзя и неинтересно.

– Ну, идем, – сказал он, первым входя в коридор. – А здесь не так жутко, как нас пугали.

– Я покруче в играх видела, – с готовностью подтвер-

⁷ *Парабеллум* – восьмизарядный пистолет немецкого конструктора Г. Люгера.

дила Динка.

Александра и Северин промолчали.

Перед ними расстился коридор. Сначала он показался Глебу совершенно обычным. Но чем дальше продвигалась группа, тем вокруг становилось страннее.

Исчезли все звуки, не было слышно ни шагов, ни дыхания друзей, а тьма словно сгустилась. Если не оглядываться (а не оглядываться же через каждую минуту), так и кажется, что остался один.

Словно откликаясь на тревожные мысли, фонарик Глеба тревожно заморгал и погас.

Глеб опять почувствовал приступ паники. Ход был слишком узок, а темнота казалось живой и плотной. Она хватала за руки, путалась в волосах, вместе с воздухом проникала в легкие, промораживая кровь до самого сердца.

Глеб оглянулся и увидел, что фонари друзей горят, как и прежде. Вот один огонек, другой, третий, четвертый...

Но постойте, откуда здесь четвертый?!

— Что-то не так? — спросила Александра, протягивая Глебу запасной комплект батареек.

Глеб присмотрелся. Лишний огонек пропал. А может, его и не было вовсе.

— Нет... Ничего... — Он снял со лба фонарик и заправил в него новые батарейки. Снова зажегся свет. —

Идем дальше.

Они прошли еще немного, и когда Глеб обернулся, ему вновь почудился далекий отсвет. Выводов может быть несколько: либо ему мерещится, либо стены обладают каким-то странным отражающим эффектом, либо позади их отряда кто-то есть.

– Северин, ты слышишь что-нибудь? – спросил Глеб.

Его голос, окутанный темнотой, словно запеленатый в толстое ватное одеяло, был едва слышен.

– Нет, – донесся через некоторое время такой же глухой отклик друга. – Тут со слышимостью проблемы, но мне все время кажется, что позади кто-то есть.

Это был сюрприз, и причем из разряда самых неприятных. Кто знает, что скрывают эти темные глухие коридоры, какие чудовища могут обитать во мраке. Глеб в чудовищ не верил... до тех пор, пока одно из них не оставило отметку на его руке. Теперь, как ни крути, веры прибавилось. По крайней мере, нужно быть настороже. Он ощупал пистолет и проверил, легко ли извлекается оружие.

– Будь наготове, – скомандовал Глеб Северину, рассчитывая на друга. На его реакцию можно было положиться. – Продвигаемся дальше.

Еще несколько шагов, и нога чуть не провалилась в яму. Глеб отпрянул в последний момент.

Яма была большой, на все пространство коридора. Парень осторожно бросил вниз мелкую монетку. Плюх!

Вода. Темная, едва различимая в темноте. Глеб всмотрелся в нее и тут же пожалел об этом: вода шевелилась и двигалась, словно в ней кишмя кишели странные подземные существа.

Знакомиться с ними поближе у Глеба не было никакого желания.

— Осторожно, яма, — предупредил он товарищей. — Обвяжемся веревкой и будем проходить по одному. Здесь можно, по самому краю. Только что-то настелить для устойчивости...

— Давай я пойду первым, — предложил Северин.

Глеб упрямо покачал головой, но вспомнив, что его плохо видно, произнес:

— Я должен сделать это сам. И никаких споров.

На то, чтобы немного укрепить края ямы, ушло минут пять.

Вдруг Северин обернулся и кинулся назад.

— Эй, выходите! — закричал он. — Я вас заметил!

Но никто не отзывался.

— Я посмотрю... — огонек фонаря Северина дернулся и поплыл в обратном направлении.

— Нет! Стой! — закричал Глеб, вытирая испачканные глиной руки. — Я сказал: вернись!

— Но разве можно оставлять опасность за спиной? — спросила тихо Саша.

— Нельзя разделяться. И нельзя оставлять Дину замыкающей, — холодно ответил Глеб. — Как бы там ни

было, мы должны держаться вместе.

Глава 17

Кто идет по следам

Края ямы скользкие. Рука нащупывает склизкую поверхность камня, по которой, должно быть, веками струится вода.

Шаг... Еще один шаг по краю пропасти. Главное: перейти. Другим будет легче – они с Северином натянут веревку, и девочки пройдут, держась за нее, как за перила. Ну, еще чуть-чуть... Внизу что-то плеснуло, и от неожиданности Глеб едва не сорвался с обрыва, удержавшись действительно чудом. Комья земли из-под ног так и посыпались в воду... Сердце подскочило и рухнуло куда-то в пятки. Хорошо, что ботинки надежные, с рифленой подошвой, как советовал проводник.

– Глеб! Ты в порядке?

Встревоженный голос Александры согрел теплотой участия.

– Да, чуть не позавидовал чемпиону по прыжкам с трамплина, – пошутил Глеб, прислонившись лбом к стене и с облегчением переводя дух.

Еще шаг – и испытание позади.

Очутившись на твердой земле, Глеб вытер со лба выступивший пот, обмотал конец веревки вокруг талии и несколько раз проверил узел.

– Натягиваем, – крикнул он Северину.

После того как веревка была натянута, Александра и Дина легко преодолели препятствие, к тому же, кроме веревки, их подстраховывали руки друзей.

Вскоре переправился и Северин.

Пока происходило форсирование ямы, Глеб успел обдумать дальнейшие действия.

– А вот теперь мы и посмотрим, кто идет за нами, – прошептал он друзьям. – Пройдем немного вперед, чтобы был виден удаляющийся свет наших фонарей, а потом в темноте вернемся к яме. Здесь хорошее место для засады.

– Главное не свалиться, – пробормотал Северин, направляя свет на тонущую во тьме лужу, – ох, не нравится же мне здесь!

– Пойдем по веревке, – решил Глеб. – Привяжем конец веревки к чему-то тяжелому и вернемся по ней.

План не вызвал возражений и был сразу же принят. Якорем послужил тяжелый ящик с инструментами. Взявшись за веревку, все обычным порядком пошли дальше.

– Довольно, – наконец, велел Глеб, – поворачиваем. Только тихо. Звуки здесь глушатся, но все же не хотелось бы спугнуть наших преследователей.

– А ты не думаешь, что за нами идут не люди, а какие-нибудь чудища? – поинтересовалась непосредственная Динка. – Что, если нам все-таки лучше с ни-

ми не встречаться?

– Лучше знать сейчас, – серьезно ответил Глеб. Раньше он бы успокоил Динку или заметил, что она слишком много времени уделяет компьютерным играм. Раньше, но не теперь...

Коридор как раз изгибался и раздваивался, поэтому ребята загасили фонари и медленно двинулись обратно.

Несколько шагов, и вдруг веревка в руках натянулась и дернулась, словно это была блесна, на другом конце которой висела и билась огромная рыба. Рывок, другой... Глеб не понимал, что происходит, но тем не менее вцепился в веревку изо всех сил. И вот рывки прекратились. Они продолжили движение, но через пару шагов Глеб наткнулся на застывшую Александру.

– Что случилось? – едва слышно прошептал он.

– Все встали. Сейчас узнаю, – отозвалась она.

Через полминуты, показавшейся Глебу вечностью, пришел ответ: веревка в руках у Северина оказалась отрезана.

Это было странно. Неужели преследователи успели перебраться через яму за такое короткое время?! И чего они добиваются? Паники? Того, чтобы «русичи» выдали себя?

– Сохраняйте спокойствие, – передал по цепочке Глеб и задумался.

Собственная идея с засадой уже не казалась ему

столь блестящей. Кто перерезал веревку? Что ждет их там, в темноте?..

Что же предпринять? Не рисковать и зажечь свет, рискуя спугнуть того, кто крадется по их следам?..

Факторов было слишком много, и Глеб прекрасно осознавал, что рискует не только собой, но и жизнями своих друзей. Именно он, а никто другой, ответственен за них. Они поверили ему, и он не предаст, как когда-то предали его самого...

– Включаем свет, будьте наготове, – сказал он, бесплодно вглядываясь в плотную мглу.

– Погоди, – послышался шепот Северина, – мне кажется, я что-то вижу. До ямы уже близко, а там, на другой стороне, появился свет. Мы застанем их врасплох.

Глеб знал, что Северин обладает феноменальной способностью ориентироваться и совершенно необыкновенным чутьем. Пожалуй, можно рискнуть.

– Идем, – кивнул он, и они продолжили путь.

Пройдя еще немного, Глеб тоже различил свет. Он был странным, совсем не таким, как давали их собственные фонари. Приглушенный, какой-то гнилостный. Глеб сам не знал, откуда у него всплыло это слово, однако оно показалось ему наиболее подходящим. Воображение услужливо нарисовало фосфорицирующую тварь, выбравшуюся, скажем, из той же наполненной водой ямы. Хотя нет, их преследование началось значительно раньше. И все же...

Глеб вытащил пистолет и снял его с предохранителя, готовый действовать немедленно, в то же время другой рукой нащупывая кнопку включения фонарика — сражаться с подземным чудовищем в темноте было бы не только бессмысленно, но и глупо. «Что там говорилось о детях ночи?» — совершенно некстати подумал он.

Очевидно, они подошли уже почти вплотную к яме, потому что идущий впереди Северин остановился. Все остальные — тоже.

Впереди смутно рисовалась огромная тень.

Сердце напряженно стучало в груди, но Глеб чувствовал себя готовым к действиям. Самая страшная опасность, встреченная лицом к лицу, лучше, чем неизвестность.

Ребята ждали. Глеб чувствовал, как напряжена Александра.

— Прижмитесь к стене и пригнитесь, — прошептал он ей и Динке, готовясь стрелять, если Северину потребуется помощь.

Существо, разглядеть которое все еще не удавалось, тем временем перешло к форсированию ямы. Двигалось оно медленно и, видимо, тоже с опаской. Это было странно. Подземная тварь наверняка обладала бы ночным зрением и двигалась куда проворней и уверенней. Но тогда...

— Черт! — послышался приглушенный и в то же время

смутно знакомый голос.

Черная тень, очевидно, сорвавшись с обрыва, резко прянула вниз.

В это же мгновение Северин рванулся вперед. Глеб, включивший фонарик, тоже поспешил к месту действия и увидел странную картину.

Северин, стоя на коленях у ямы, удерживал за руку повисшего над пропастью Кирилла. На голове у Кирилла был фонарь, закрытый листом бумаги, чтобы снизить интенсивность освещения.

– Вот уж действительно черт, – пробормотал Глеб, раздосадованный этой незапланированной встречей.

Кирилл смотрел на них снизу, с отчаянной злостью, которая только и оставалась в его нелегком положении.

Вдруг он заметно вздрогнул, а взгляд его сделался испуганным.

– Помогите! Змея! Меня схватила змея! – закричал он.

Глеб, тоже склонившись над ямой, ухватил Кирилла за вторую руку, которой тот пытался вцепиться в осыпающуюся под пальцами землю.

– Тащим! – коротко крикнул Глеб Северину.

Они одновременно потянули, но Кирилл только застонал. Такое ощущение, что его что-то держало.

– Вытащите! Не бросайте меня! – закричал Кирилл, захлебываясь ужасом.

И Глеб вдруг понял: нет, там не змея, там что-то похуже...

Земля под ногами была скользкой, и вскоре Глеб заметил, что не они вытаскивают Кирилла из ямы, а он все более и более стягивает их в пропасть. Напрягая все силы, чувствуя, как сводит в комок мышцы, Глеб тянул, одновременно пытаясь удержаться, уцепившись ботинком за малейшую неровность пола.

– Глеб, отпусти его. Я попробую сам. Не будет пользы, если свалимся все вместе, – проговорил Северин спокойным голосом.

Пальцы Кирилла, и без того впившиеся в руку Глеба, рефлексивно сжались еще сильнее, но Глеб и не собирался освободиться.

Как раз в этот момент ему удалось зацепиться за камень.

– Ничего, – проговорил он сквозь сжатые от натуги зубы, – прорвемся.

На ноги сзади навалилась тяжесть. Это Александра и Динка, не желавшие оставаться в стороне, пытались удержать товарищей.

Время, как это бывает в такие моменты, сделалось похоже на сверкающую чешуей змею, свившуюся в немыслимое количество оборотов.

Они тянули и тянули Кирилла вверх и наконец медленно стали побеждать. Через некоторое время, показавшееся вечностью, над ямой показалась голова

Кирилл. Обнадеженные успехом, ребята напряглись и вытащили Петрова.

После все без сил лежали на стылой земле, судорожно пытаясь отдышаться.

– Спасибо, ребята. Я думал, вы меня бросите, – пробормотал Кирилл, потирая ногу. – Но как же жжет! Что это была за тварь?

Глеб поднял с земли брошенный пистолет, поставил обратно на предохранитель и направил свет фонаря на ногу Петрова, на которой тот уже закатал брючину, и вздрогнул: на бледной коже отчетливо виднелся темно-бурый след.

Динка ахнула. Саша промолчала, но не отдавая себе в этом отчета, вцепилась в плечо Глеба.

Северин уже распаковывал аптечку.

«Мы не на увеселительной прогулке», – напомнил себе Глеб, стараясь не поддаваться острому приступу жалости.

– Вообще ты заслуживал, чтобы мы тебя бросили, – произнес он, заботясь о том, чтобы голос звучал как можно холоднее. – Расскажи сначала, как и зачем ты здесь оказался.

– Я шел за вами, – признался Кирилл, морщась, пока Северин обрабатывал его рану.

– Это мы понимаем, давай о главном. – Глеб поднялся и, опершись о стену, приготовился слушать.

– Ну... После того, как ты заболел. Там, в Алексан-

дрове, мы вернулись в Москву, — начал рассказ Кирилл, — было понятно, что в поисках мы не продвинулись, а кое-какие соображения оказались ошибочными. К тому же нужно было появиться на работе... В общем, приехали мы сюда, а через некоторое время звонит мне Колян... Мой хороший приятель. Мы с ним когда-то учились и до сих пор отношения поддерживаем... Звонит, значит, и говорит, что вышли на него субъекты, которые в подземку лезть собираются. И, судя по всему, тоже в поисках Библиотеки...

Глеб, не удержавшись, хмыкнул. Он и не представлял, что намерения их прозрачны, как родниковая вода. Ну да, если подумать, локация между домом Малюты Скуратова и храмом Христа Спасителя, где когда-то находилось управление опричниной, место крайне подозрительное.

— Вот дьявол! — выругался Кирилл. — Больно-то как!.. Ну, в общем, расспросил я его и понимаю, что его заказчики не кто иные, как мои старые знакомые. «Соглашайся, — говорю ему, — но держи меня в курсе».

— Все правильно, — подтвердил Глеб, — меня тоже терзали сомнения, почему бывалый диггер так легко согласился вести нас и даже оставить в подземелье одних.

Кирилл поморщился и кивнул.

— Я сразу подумал: «Чем черт не шутит, может, и выведете к Библиотеке». Соваться в эти коридоры, конеч-

но, страшно, наслышан о них, но утешил себя мыслью, что пойду за вами. Где вы пройдете, там и я как-нибудь, – продолжил Кирилл. – Договорился с Коляном и пошел вслед за вами. Когда вы спустились в колодезь, Колян еще пытался меня отговорить: «Подождем лучше здесь, когда они возвращаться будут». А меня черт дернул за вами полезть. Уж очень не хотелось чего-то упустить... Хотелось самому, собственными глазами увидеть. Залепил я фонарь бумагой, чтобы свет не так заметен был, и пошел. Ну а исход вы знаете...

– Вот, выпей, – протянул Кириллу ложку с какой-то микстурой Северин. – Это антидот⁸. Мы не знаем, что за тварь вцеплялась тебе в ногу, но то, что она ядовита, сомнений не возникает.

Кирилл поспешно выпил предложенное, запив из протянутой Александрой бутыли.

Глеб тоже глотнул воды: после недавних приключений горло пересохло.

– И что теперь с тобой делать?.. – задумчиво спросил он, глядя на недавнего врага.

По-хорошему, его нужно было отвести на поверхность: мало ли что, антидот может и не подействовать. Это во-первых, а во-вторых, нельзя допускать Кирилла к Библиотеке, если им вдруг удастся ее обнаружить.

⁸ Противоядие, или антидот (от др. – греч. *vtídotov*, букв. – даваемое против) – лекарственное средство, прекращающее или ослабляющее действие яда на организм.

Это должно остаться в тайне. Никто не должен узнать о Книге.

Кирилл нагнул голову, ожидая решения.

Решения давались Глебу легко, пока он принимал их, сидя за учебным компьютером в залитом солнцем классе. Теперь, с реальными людьми, здесь, в подполье, все оказалось совсем по-другому. Кирилл, который мог стать нежеланным свидетелем, был живым человеком, нормальным парнем, любящим бардовские песни и опасные приключения. Собственно, таким же, как Глеб...

Вариантов было немного: отправить Кирилла назад, оставить здесь или взять с собой. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: через яму Петров ни за что не полезет.

– Ты можешь подождать нас здесь, – озвучил Глеб самый удобный для команды вариант.

Кирилл вздрогнул и взглянул Глебу в глаза.

– Ты и вправду хочешь избавиться от меня? По-моему, милосерднее сразу пристрелить. Ну, что же ты не стреляешь?

На плечо Глебу опустилась рука.

– Глеб, раз уж так получилось, мы должны взять его с собой, – сказала Александра твердо.

– Ну что же, – Глеб приподнял одну бровь, – кто за то, чтобы взять Кирилла Петрова с собой?

Северин и Александра тут же подняли руки. Динка

немного поколебалась, но тоже присоединилась к друзьям.

– Хорошо. Если это коллективное решение, не буду его оспаривать, – согласился Глеб. Внезапно в голову ему пришла мысль, что вся сцена спасения подстроенная, но он тут же отбросил ее, взглядевшись в бледное, покрытое бисеринками пота, лицо пострадавшего. Как бы там ни было, Кирилл действительно испугался. – Ты сможешь идти?

Петров потер перевязанную ногу и кивнул:

– Мне уже лучше, ваше лекарство подействовало.
– Ну тогда пойдем. Мы и так потеряли слишком много времени, – подвел итог Глеб, протягивая Кириллу руку.

Тот, после секундного колебания, принял ее и, опять слегка скривившись от боли, поднялся на ноги.

– Кстати, а это ты перерезал веревку? – спросил Глеб.

– Веревку? – Кирилл огляделся. – Нет, не я.

– И точно, где мои инструменты?! – опомнилась Динка и принялась светить фонариком, разыскивая свой ящик, послуживший якорем для их веревки. Ящика нигде не было.

– Я думаю, его утащили эти, из ямы, – сказал наконец Северин, разглядывая следы. – Здесь, конечно, уже все смазано, но мне сдается, ящик утанули именно в яму. Помните, кто-то дернул за веревку, прежде чем

она ослабла?

– Вот гады-то! – сокрушенно воскликнула Динка, притопнув от злости ногой. – Я еще понимаю, зачем им этот... – она недружелюбно покосилась на Кирилла. – Но мои инструменты?! Они же невкусные!

– Все, идемте, – Глеб решительно шагнул вперед, – а то она сейчас вступит в переговоры с предполагаемым противником, надеясь обменять бесполезного и невкусного Кирилла на полезные и милые сердцу инструменты.

– Не вижу повода для шуток, – буркнул Петров и, заметно прихрамывая, отправился за Глебом.

И вот они снова шли по коридору. У развилки, свернувись с картой и немного посоветовавшись, выбрали левое ответвление.

Пока все было спокойно, и даже Кирилл Петров, очевидно, не привыкший подолгу расстраиваться, несколько воспрянул духом.

– Я вот все думаю, кто вы такие, – пробормотал он, словно размышляя вслух. – С первого взгляда – вроде обычные ребята. Интересно, с каких пор у обычных ребят по приличному пистолету?.. И подготовка... Я сразу заметил, что вы просто чемпионы. А силища?.. Пока меня не потянули вниз, Северин держал меня безо всякого усилия. Может, вы – передовой богатырский разъезд?

– Ага! – хихикнула Динка. – Северин – Илья Муро-

мец, Глеб – Добрыня Никитич, Саша – Алеша Попович.
А я тогда кто?

– А ты, должно быть, Змей Горыныч, – пошутил Глеб и уже серьезным повернулся к Кириллу. – Помнишь старую поговорку: меньше знаешь – лучше спишь. Мы в твои дела не лезем и взяли тебя с собой только потому, что нельзя было оставить у ямы. Но за это прошу тебя: не задавай вопросов и, еще лучше, забудь все, что увидел и что еще увидишь, или ступай обратно. Прямо сейчас.

– Так нас еще такие сюрпризы ждут? – нахмурился Петров.

– Это вопрос? – иезуитским тоном уточнил Глеб.

– Нет, просто реплика. Мысли вслух, – поспешил заверить Кирилл.

В это время его фонарик мигнул и погас.

Ну вот, опять начинается.

Словно вслед за этой мыслью судорожно замигал и погас Динкин фонарик. Пока друзья пытались заменить батарейки, Глеб напряженно вглядывался во тьму.

Она опять показалась ему живой. Она словно наблюдала за ними, подманивала поближе глупую добычу, позволив ей зайти далеко в глубь подземного лабиринта, отрезав пути к отступлению. Теперь, случись что, они не смогут выбраться отсюда быстро.

– Вот гадство! Не работают! – послышался раздоса-

дованный голос Динки.

Тьма насмешливо пошевелилась, и фонарик Глеба тоже замигал в ответ.

Теперь они остались почти без света.

– Вот и пригодился совет нашего горе-проводника, – заметил Глеб, доставая из рюкзака несколько ручных фонариков. – Света от них, конечно, немного, но это лучше, чем ничего.

Чем дальше, тем медленнее они шли, опасливо осматривая землю под ногами.

Стены были испещрены трещинами, кое-где по ним стекала мутная вода, и Глеб чуть не наступил в мутную лужицу.

Кап-кап-кап... – монотонно стучали капли.

Коридор казался бесконечным. Глеб почувствовал, что устал, словно прошел уже много километров. А ведь, судя по карте, идти-то совсем ничего. Как такое может быть? Низкий потолок давил на голову, откуда-то тянуло стылým холодом, от которого не спасала даже надежная непродуваемая куртка. Такое ощущение, словно подземелье вытягивало из них силы. Рот наполнялся желчью, а сознание туманилось.

И снова сзади слышались шаги... Закачались на стенах слабые отблески огней факелов. Глеб оглянулся. Его товарищи исчезли, зато в конце коридора появилась процессия во главе с истекающим потом Скуратовым. Люди, идущие вслед за ним, тащили сундуки,

напрягая, кажется, уже последние силы.

– Быстрей! Быстрей! – окликнул их Малюта, и в голосе его отчетливо прозвучало раздражение. Чувствовалось, что сил не осталось даже у него, и только чернобородый – тот, что так напугал Глеба в прошлый раз, – оставался пугающе спокоен.

– Не ходи, худо будет, однако! – донесся из темноты до дрожи знакомый голос.

– А... Вот и шаман. Давненько тебя не было видно! – усмехнулся Глеб. – Ну что, хочешь получить свой бубен?..

– Глеб, Глеб! С тобой все в порядке? – Александра трясла его за плечо.

Кажется, он уже начинает бредить. Вот тебе и Харон, вот и житель подземного мира...

– Да, кажется, да, – пробормотал он. – А ты?..

Глеб мельком оглянулся на спутников. Они, едва различимые в темноте, медленно тащились за ним. Они уже давно не переговаривались – с того самого времени, как начали гаснуть фонари. Кирилл показался Глебу совсем обессиленным и больным. Плохо. Очень плохо. Глеб хотел посмотреть, сколько прошло времени, но мобильник не работал, несмотря на все усилия, экран оставался безжизненно-серым.

«И действительно проклятые туннели, – подумалось Глебу. – Сколько же мы еще будем идти? Может быть, до тех пор, пока не упадем, чтобы уже никогда не под-

няться?..»

Руки сжались в кулаки. Нет, это тьма действует так угнетающе. Нельзя позволять ей затмить разум. Глеб будет идти столько, сколько надо. У него есть цель. И еще у него есть Ольга. Она ждет его, а значит, он вернется. Обязательно. Что бы ни случилось.

Глава 18

Смертельная ловушка

– Вы, конечно, судя по всему, крутые ребята, но здесь что-то не так.

Голос Кирилла казался глухим, будто пыльным.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Глеб, оглядываясь.

Он и сам чувствовал тревогу, однако она все больше и больше сменялась странной апатией. Мысли текли все более вяло, расползались, а чтобы поймать их, не находилось ни сил, ни желания.

– Что?.. – переспросил Кирилл.

– Ты говорил, что-то не так... – самые простые слова давались Глебу с трудом, и он держался из последних сил, стараясь сосредоточиться.

– Да... Не так... В школе меня дразнили Пухличком... и я поклялся, что заставлю себя уважать... – нехотая ответил Кирилл и зевнул. – Глаза... слипаются...

После случая с Хохликом авторитет Глеба в классе, как ни странно, возрос. «Наш человек», – говорили Глебу, хлопая его по плечу. Он даже удивился: оказывается, чтобы завоевать уважение, достаточно сделать какую-нибудь гадость. Парень не слишком

верил в эту внезапно проснувшуюся симпатию одноклассников и оказался прав. Его популярность продлилась недели две, а потом о нем дружно забыли.

Еще целый год Глеб был уверен, что никогда больше не станет интересоваться историей. Алла Ивановна, сменившая Хохлика на его трудовом посту, напрасно вызывала Глеба к доске. «Я не учил», – отвечал он и получал очередную пару. Ни директор, ни психолог не смогли повлиять на ситуацию. Но однажды все вдруг прошло само собой.

Глеб проснулся солнечным утром и неожиданно понял, что прошлое осталось позади. В этот день он впервые за долгое время вызвался отвечать на истории и ответил блестяще, хотя действительно не готовился к уроку – накопленных ранее знаний еще с запасом хватало. Он снова стал самим собой. Долго просиживал над книгами, проглатывая почти без разбора и серьезные академические труды, и самые шокирующие и неправдоподобные сочинения. Поэтому, когда в области проводили историческую олимпиаду, у школы не возникло сомнений, кто станет их достойным представителем.

Одним из заданий было написать работу на тему «Россия. От прошлого к будущему». Глеб увлекся настолько, что несколько дней ходил, словно во сне, строки ложились на лист сами собой, словно помимо его воли. Спираль времени услужливо раскрывала пе-

ред ним свои грани.

Объявление победителей происходило в Москве. Но перед официальным мероприятием секретарша отыскала в коридоре одиноко стоящего у стены Глеб и пригласила его в один из кабинетов.

За начальственным столом сидел маленький лысый человек, очень энергичный и громкоголосый. Второго Глеб заметил не сразу – мужчина лет сорока с седыми висками стоял у окна, напоминая скорее предмет интерьера, чем живого человека.

– Ну, Глеб, признавайся, – с нарочитым добродушием сказал маленький и лысый, – работу ты, конечно, писал не сам.

И он хитро подмигнул, давая понять, что, разумеется, понимает и даже ничуть не осуждает за эту маленькую хитрость.

Глеб почувствовал, что кровь отливает от щек. – Я сам писал эту работу, – проговорил он медленно и раздельно.

– Но с чьей-то помощью? У вас в детском доме хороший преподаватель истории?

– Алла Ивановна хороший преподаватель, но работу я писал сам, – повторил Глеб, чувствуя, что начинает терять терпение.

– Неужели? – толстячок всплеснул руками, выражая удивление и вместе с тем бурную радость. – Какой же ты молодец! И откуда в твоей голове такие

мысли?

Вопрос показался Глебу на редкость дурацким.

– Читаю. Думаю. Мне это интересно, – неохотно ответил он.

Толстяк обрадовался еще больше.

– Вот, Евгений, – обратился он к безмолвно стоящему у окна мужчине. – Посмотри, какая молодежь пошла! Какие кадры растут! Этому поколению можно доверить будущее!

– Твоя правда, Сергей, – отозвался тот спокойным и каким-то очень глубоким и красивым голосом, – отпусти мальчонку, видишь, ты его совсем застращал.

Глеб, который неуклюже переминался с ноги на ногу, стоя перед огромным лакированным столом, покраснел.

– Иди, иди, надежда земли русской, – рассмеялся толстяк.

К удивлению Глеба, его работа получила на конкурсе лишь скромное третье место, зато когда он ушел, его догнал человек с седыми висками.

– Не уделишь ли мне минутку времени? – спросил он, щуря внимательные серые глаза.

Глеб равнодушно пожал плечами: почему бы нет. До электрички еще оставалось время, а Алла Ивановна, сопровождавшая его в поездке, сразу после вручения наград убежала по своим делам, уверенная в самостоятельности и ответственности ученика.

Они сели на деревянную скамейку у пруда.

Некоторое время Евгений Михайлович молчал, задумчиво глядя на воду, словно пригласил Глеба специально для того, чтобы тот полюбовался стайкой уток, жадно хватающих хлебные крошки, которые бросали им две смешливые девчушки.

— На самом деле победа должна была достаться тебе. Я читал все работы, и твоя намного опережает все остальные, — наконец, заговорил седовласый. — Ты даже слишком ясно и глубоко мыслишь для своего возраста. Не знаю, хорошо это для тебя или плохо. Не буду также говорить о несправедливости, скажу только, что, если тебе захочется заниматься настоящим делом и приложить к этому все свои способности, я могу помочь.

Глеб насторожился.

— Что вы имеете в виду? Я не понимаю, — сказал он, наблюдая, как особенно прыткая утка, ударив клювом соперницу, вырвала у нее большой кусок хлеба и едва им не подавилась.

— Я говорю о том, что знания прошлого открывают перед нами двери будущего. Общество, как ты правильно заметил, развивается по совершенно определенным законам, однако оно состоит из людей, и люди могут и должны влиять на него. Я занимаюсь тем, что с помощью истории хочу обеспечить своей стране достойное и великое будущее.

Глеб усмехнулся. Эти слова показались ему взятыми из какого-то шпионского романа или патетического фильма, не имеющего к реальности никакого отношения.

— И что, вы хотите, чтобы я на вас работал? — поинтересовался он не без доли иронии.

— Нет, я хочу, чтобы ты у меня учился, — серьезно ответил Евгений Михайлович. — Вернее, не у меня, а у специалистов. Я могу собрать лучших профессоров и подготовить тебя так, чтобы твои возможности проявились в полном объеме. Что тебе дает то образование, которое ты получаешь сейчас? Только базовые знания. Ты и не представляешь, как широк мир за пределами вашей школы. Я обещаю тебе богатую практику. Хочешь поехать на раскопки?

Глеб, вспомнив Хохлика, вздрогнул, но соблазн был слишком велик.

— Конечно, хочу... А... какая ваша заинтересованность в этом?

Евгений Михайлович широко улыбнулся:

— А ты молодец, умный парень. Признаюсь честно: у меня действительно есть корыстный интерес — я хочу, чтобы ты, когда выучишься, стал моим партнером. У меня уже есть некий политический вес, и, надеюсь, мы с тобой вместе действительно сможем принести стране пользу.

Глеб с неким сомнением посмотрел на собеседни-

ка.

– Понимаю, – кивнул тот, – это пока только пустые слова. Сам ненавижу говорильню. Давай-ка я лучше расскажу тебе о своей школе...

А потом Глеб очутился в мрачном лабиринте. Он метался по бесконечным темным коридорам, задыхался и разбивался в кровь, пытаясь вырваться из ловушки, но выхода не было. Только безнадежность, тьма и боль. Они обступили со всех сторон, не оставляя ни малейшего шанса ни свету, ни надежде. Смертельный холод пронизывал его тело.

И тут легкий порыв ветра коснулся его затылка.

И даже не оглядываясь, Глеб понял, что за его спиной стоит сама смерть.

* * *

– Глеб! Проснись! Глеб!

Кто-то из всех сил тряс его за плечи. Глеб с неохотой открыл глаза. Веки казались свинцовыми.

Глаза можно было и не открывать – все равно вокруг царила тьма.

Глеб поморщился, пытаясь сообразить, где находится. Мысли разбегались непослушными горошинами, и он в недоумении вглядывался в едва различимый силуэт высокого парня, стоящего перед ним.

– Я заснул?.. Простите.. – пробормотал Глеб, стараясь быть вежливым и не показать собеседнику, что не узнал его.

– Ты что, не узнаешь меня? – в смутно знакомом голосе звучала тревога.

– В целом... – Глеб тянул время, напряженно пытаюсь сообразить. Ему все казалось, что вот сейчас, еще немного – и он ухватит ускользающую нить...

– Я Северин! Ты что, разве не помнишь? Ну вспоминай же! Школа, Евгений Михайлович, задание!..

Глеб мотнул головой и потер кулаками виски. В сознании наконец забрезжил луч света. Библиотека Ивана Грозного и Велесова книга. Ну конечно, они с друзьями спустились под землю, чтобы добыть Книгу, обнаружили крадущегося за ними Кирилла, долго шли по бесконечным коридорам и... И... Дальше – опять провал.

– Да, я помню, – произнес Глеб, впрочем, не очень уверенно. – А где все?

– Спят, – отозвался Северин. Зажужжал ручной фонарик, и в его бледном свете Глеб увидел, что неподалеку от него, привалившись к стене, спит Кирилл. Во сне он метался и вздрагивал, словно во власти кошмара. Луч света скользнул дальше и осветил привалившихся друг к другу девочек. Обе были погружены в сон. Как раз в этот момент Динка громко всхлипнула.

– Что случилось? – спросил Глеб уже с настоящей

тревогой.

– Знал бы, был бы академиком, – невесело пошутил Северин. – Здесь происходит какая-то чертовщина. Сначала отказали все фонари. Представляешь?! Просто аномалия какая-то. Потом, кажется, Кирилл, сказал, что хочет спать, а ты ответил, что нужно отдохнуть. И вы заснули. Все! Разом!

– А ты? – Глеб встал, разминая затекшее тело. Ноги едва слушались.

– Сначала я не знал, что делать, и решил, может, вам и вправду лучше отдохнуть... Но чем дальше, тем больше мне этот ваш сон не нравился. В общем, не обижайся, я решил тебя растолкать. На всякий случай.

– Действительно странно...

Глеб принялся шарить в поисках своего фонарика. Он, видимо, выпал из руки в тот момент, когда парень уже засыпал.

Фонарик нашелся неподалеку. Стекло треснуло, но, к счастью, механизм еще работал.

Все это было более чем странно. Глеб не знал за собой привычки засыпать буквально на ходу.

И Кирилл, и Александра, и Динка спали беспокойно. Глеб вспомнил, какой кошмар снился ему самому, и невольно поежился. Похоже, они столкнулись с новым проявлением этого странного места. Им всем угрожала реальная опасность. Если бы не Северин... Но почему тогда на Северина не подействовали сонные чары?

— А почему ты не заснул? — спросил Глеб, оглядываясь на друга.

— Не хотел, — тут же ответил Северин. — Я вообще не понял, почему это место на вас так странно действовало.

И это показалось Глебу странным, однако пока что имелись более срочные дела. Например, разбудить ребят и идти дальше. Что бы ни случилось...

— Скажу только одно: мы идем правильной дорогой, — сказал Глеб, вспоминая чадающий свет факелов и процессию с сундуками. — Малюта вел своих людей именно по этому подземелью.

— Тогда будим остальных — и дальше, — ответил Северин, словно не услышал ничего необычного.

Странно, в этой темноте все действительно переворачивалось с ног на голову, и самые невероятные вещи казались вдруг совершенно обыденными, а обыденные действия становились тяжелой, требующей невероятной сосредоточенности работой.

Растолкать друзей оказалось нелегко. Они бормотали что-то сквозь сон и пытались отвернуться, так что Глебу и Северину пришлось приложить немало усилий.

Наконец, все более-менее проснулись и пришли в себя.

— Ну что, продолжаем путь? — Глеб оглядел свою команду. Все выглядели бледными и уставшими, словно

прошли с десяток километров под палящим солнцем.

Ребята вяло кивнули.

Ой, до чего же не нравилось Глебу то, что он видел!..

– Хорошо, – наконец решился он, – для меня важнее, чтобы с вами ничего не случилось. В конце концов, можем подготовиться лучше и предпринять вторую попытку добраться до тайника. Потом. А сейчас – поворачиваем назад.

– Нет, – внезапно возразила Александра. Ее голос был слаб, но она говорила уверенно. – Мы не должны поворачивать. Другого шанса может не быть. Второй раз нас уже не пропустят... У нас только один путь – вперед.

– О чем ты? – удивился Глеб.

– Я... я не знаю. Я просто чувствую, пожалуйста, поверь мне!

– Северин? Дина? Кирилл?..

– Нужно идти дальше, – тут же отозвался Северин.

– Да уж, раз прошли так много, куда уж теперь денемся, – буркнул Кирилл.

– Конечно, пойдём! Я так чувствую, приключение только начинается, а главный босс локации еще впереди, – неудачно пошутила Динка.

Никто не засмеялся.

– Ну идем так идем, – согласился Глеб, покосившись на девочек. Не надо было брать их с собой. Но теперь что уж говорить, уже поздно что-либо менять. – Севе-

рин, – обратился он к другу, – я вижу, ты самый... крепкий из нас. Если заметишь, что я засыпаю или веду себя как-нибудь странно, пожалуйста, продемонстрируй на мне свой замечательный хук левой.

– Считаю, договорились, – ответил друг совершенно серьезно.

И они двинулись дальше. Снова потянулись унылые стены, едва различимые в слабом свете фонарика. Глеб шел, чувствуя, как силы стремительно покидают его. Ему казалось, что они в подземелье уже целую вечность.

– Не спите, скоро уже дойдем, – тормозил друзей Северин.

Глеб удивлялся, откуда в нем столько бодрости. Он был единственным, на кого, казалось, не действовала атмосфера.

Меж тем коридор постепенно расширился, а тьма перед глазами сделалась менее плотной. Сразу стало немного легче, и Глеб ускорил шаги.

Вот уже четко можно было разглядеть широкую арку, ведущую, скорее всего, в помещение. Вход перегоживала массивная дверь.

– Там что-то есть. Кажется, дошли, – с облегчением сказал Глеб, поворачиваясь к друзьям.

– Погоди, я с тобой. Мало ли что там. – Северин протиснулся поближе к Глебу.

Кирилл, растерявший за время похода весь былой

апломб, подвинулся, пропуская его.

Стараясь ступать как можно тише, они приблизились к выложенной серым камнем арке. Сердце Глеба колотилось где-то в горле.

Замок был старым и давным-давно съеденным ржавчиной. Северину было достаточно слегка стукнуть по нему, и он упал под ноги рыжей трухой.

Северин взглянул на друга. Тот снова кивнул: открываем.

Вместе они навалились на дверь. Тяжело заскрипели, должно быть, не одну сотню лет не смазывавшиеся петли. Дверь качнулась, но не поддалась.

– Сейчас, погоди! – проговорил сквозь зубы Северин и удвоил напор.

Уже в который раз Глеба удивила его сила. Вот и дверь, заскрипев еще отчаяннее, поддалась. Створки медленно раскрылись, а одна из них повисла на одной петле.

Друзья шагнули в большую квадратную комнату. По периметру располагались зарешеченные клетушки. Свет фонарика высветил ржавый ошейник, все еще сдерживающий уже давно мертвого пленника. Чуть дальше лежало нечто, что Глеб чуть было не принял за футбольный мяч и, только приглядевшись, понял, что это человеческий череп.

В другой комнатке-камере тоже лежало уже давно истлевшее тело.

– Казематы, – прошептал Глеб. В этом месте не хотелось повышать голоса. Казалось, сам воздух – тяжелый, густой, застоявшийся воздух подземелья был наполнен страданиями, а стены сохранили память о непереносимых муках.

Глеб вспомнил сон, увиденный им во время болезни. Тот, в котором его пытали. Последние сомнения рассеялись: он видел именно это помещение. У Глеба запершило в горле, а ребра заныли, словно отбитые после допроса.

– Здесь ничего нет. Идем дальше. Вон там дверь, – донесся до сознания голос Северина.

– Да, – Глеб сглотнул. Надо собраться. Нельзя показывать, что он едва держится на ногах.

Следующая дверь была заперта на засов.

Она оказалась менее прочной, чем предыдущая. Видно, никому из заключенных не пришло бы в голову бежать в ту сторону.

Еще несколько коридоров. Повороты... Ответвления... Одно из них было давным-давно завалено камнями. Глеб устало подумал, что вполне может быть, что то, что они ищут, находится именно там. Но останутся ли у них силы?

А вот еще одна развилка. Сколько же их тут!

– Сюда, – сказал Северин, указывая на правый коридор. Как-то незаметно он вышел вперед и вел теперь за собой команду.

Тем временем стены и пол коридора изменились. Теперь они состояли из огромных, почти в рост человека, грубо обтесанных камней. Еще несколько шагов – и путь преградила обитая листами металла дверь.

А прямо у двери лежал покойник, уставив в потолок клочок черной густой бороды. Видно, лежал он здесь уже долго – тело успело сохнуть до состояния мумии, кожа стала коричневой и страшно обтягивала череп с провалом на месте носа. Одежда – простая рубаха и черная длинная ряса – то ли монашеская, то ли опричная – давным-давно истлела и сохранилась фрагментарно, прилипнув к иссушенному телу. Зато на груди висел медный амулет, весь зеленый от патины.

Покойник был страшен. Даже Глеб вздрогнул.

– Что же это? – с ужасом выдохнула Александра.

– Свидетельство того, что мы, должно быть, близко, – ответил Глеб, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и твердо. – Посмотри, на нем черный плащ. Такой носили опричники. И это хороший знак.

– Страшный-то какой! – восхитилась Динка, разглядывая тело в свете фонарика, и вдруг отчаянно завизжала.

– Что случилось? – разом повернулись к ней друзья.

– Он... он шевельнулся! – прошептала Дина. Ее рука с фонариком дрожала, и светлое пятно беспорядочно скакало по стенам, поблескивало на металлических заклепках двери.

Глеб тоже направил свой фонарик на тело. Разумеется, оно было совершенно неподвижно. Впрочем, Динку можно понять: тут любому уже что угодно поместится, тем более в неровном искусственном свете, что давали работающие от усилий руки механические фонарики.

Он сосредоточился, пытаясь воспользоваться негаданно пришедшей чудесной силой. Он должен увидеть, что делать дальше...

...Оглушительный выстрел.

— Зря ты так, — начал чернобородый и вдруг изменился в лице.

— Это не свинец, — прохрипел Скуратов.

И Глеба, точно пробку из шампанского, вновь выбросило обратно.

Рядом испуганно дрожала Динка.

— Не бойся. — Глеб положил девочке на плечо руку, немного привлекая ее к себе. — Этот тип уже давно мертв и не может никому причинить зла. Живых бояться надо. Посмотри, он неподвижен.

Динка, все еще предпочитая держаться поближе к Глебу, присмотрелась.

— Да, действительно показалось, — пробормотала она после тщательного изучения лежащего тела.

— Вот и славно. Давайте лучше дверь осмотрим. Мне кажется, тайник должен быть уже совсем рядом, — предложил Глеб.

Перешагнув через мертвое тело, он приблизился вплотную к двери.

Она походила на монолитную плиту – и ни замка, ни запора, зато на одной из петель висела большая свинцовая печать. Глеб направил на нее луч фонаря. Надпись, выбитая на темной поверхности печати, едва читалась, и ему пришлось приложить усилия, чтобы разобрать: «Печать Ц-р(ять) Г-др(ять) Бориса Федр...», а рядом – изображение двуглавого орла.

– Личная печать Бориса Годунова, – заметила Александра, разглядывающая надпись из-за плеча Глеба. – Помните, я читала отрывки из мемуаров швейцарского наемника, он еще упоминал, что Книга могла быть у Бориса.

– И директор говорил, что Книгу читали как раз в Смутное время... – пробормотал Глеб. Теперь уже не оставалось сомнений, что они наконец-то на самом деле оказались в двух шагах от разгадки. Вот только как открыть дверь?..

– Попробуем выломать, – предложил Северин.

Они изо всех сил налегли на дверь, но бесполезно – та не сдвинулась ни на миллиметр, оставаясь незыблемой и непреступной, словно стена.

– Дальше хода нет, – заметил Кирилл. – Надо было в другой коридор повернуть.

– Погоди, здесь должен быть какой-то секрет, – пробормотал Глеб, прощупывая заклепки.

Одна, другая...

Резкий звук, донесшийся откуда-то из-за спины, заставил ребят вздрогнуть.

Выход, через который они проникли в помещение, теперь закрывала тяжелая каменная плита, упавшая сверху, а из отверстия, которое она открыла своим падением, закапала вода. Сначала медленно, а потом быстрее и быстрее.

– Это ловушка! – вскрикнула Александра.

Глеб и сам видел, что это действительно ловушка. К счастью, отверстие, через которое проникала вода, видимо, занесло землей, поэтому вода не хлынула потоком. Опасность утонуть им пока не грозила. Но если они не отыщут выход...

«Зря я взял с собой девчонок! – зло подумал Глеб. – Им-то за что погибать?..»

И в это мгновение он вдруг отчетливо увидел руку в перчатке, последовательно нажимающую на пластины...

На секунду Глеб заколебался. Но нет, вряд ли это новая ловушка, способная еще более ухудшить их положение. Вот и посмотрим сейчас, действительно ли он может видеть прошлое, или Светлана ошиблась, и он – обычный подросток, обчитавшийся исторических книжек.

Закрыв глаза, чтобы сосредоточиться, Глеб протянул руку и медленно набрал нужную комбинацию.

Клац... Клац... Клац... И вдруг где-то надрывно закрипело железо. Медленно, очень медленно, но дверь начала отползать в сторону.

За дверью был очередной извилистый коридор, откуда потянуло таким пронзительным холодом, что все предыдущие страхи показались Глебу игрушечными.

– Саша, Дина, вы ждете здесь, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал громко и решительно. – Мы с Северином пойдем вдвоем, посмотрим, что там, и вернемся. Ты, Кирилл, – повернулся он к Петрову, – оставайся с девочками. Если что, уводи их. Понял?

Кирилл кивнул, не возразив ни словом.

«Он напуган и сдался. Слишком быстро сдался!» – с горечью подумал Глеб. Сумеет ли Кирилл защитить девочек, или страх целиком поглотит его?..

– Глеб! А нам обязательно тут оставаться, рядом с этим... – Динка кивнула в сторону трупа, к которому по-прежнему предпочитала не приближаться.

– Дин, я думал, ты поняла, – вздохнул Глеб. – Не его нужно бояться. Поэтому подождите все-таки здесь и... будьте осторожны, – попросил он, глядя на Александра.

Она – самая спокойная и уравновешенная из всех. На нее можно положиться.

– Вы тоже. – Саша отвела взгляд, уставившись в пол.

– Пошли. – Глеб уже отвернулся, чтобы уйти, когда Александра окликнула его.

– Глеб!..

Он удивленно оглянулся. На секунду ему показалось, что сейчас она скажет что-то важное... Но девушка молчала.

– Что?

– Нет, ничего. Ступайте.

За дверью и коротким извилистым, типично средневековым коридором обнаружился очередной зал: сухой, просторный, со сводчатым потолком. Пол был причудливо изборозжен пересекающимися канавками.

У стен стояли сундуки, на каждом из которых, как в ужасе убедился Глеб, лежало иссохшееся человеческое тело.

Хрясь! – послышался звук, выстрелом прозвучавший в полной тишине подземелья. Хрясь!

Глеб направил в сторону шума фонарь и не поверил собственным глазам: на него надвигалась человеческая фигура. Хотя человеческая ли? Неверный свет выделил из темноты коричневое иссохшееся лицо с темными провалами на месте глаз, рта и носа. Нападающий был одет в черный полуистлевший опричный плащ и держал в костлявой уродливой руке саблю.

«Кажется, я схожу с ума», – решил Глеб и повернулся к Северину:

– Ты это видишь?!

– Ты о тех пятерых с саблями и бердышами?

Теперь и Глеб увидел, что нападающий не один. Сбоку на них надвигались еще несколько черных теней – кто с саблей, кто с бердышом – секирой с искривленным наподобие полумесяца лезвием, насаженным на длинное древко, кто с пистолем.

Глухо хрустнул затвор, чиркнул трут, но из дула направленной Глебу в грудь пистолита не вылетело пули.

«Порох отсырел и пришел в негодность. Неудивительно, за столько-то лет», – машинально подумал Глеб.

И тут же вспомнил слова диггера о назгулах в проклятых туннелях. А что, похоже. Особенно на взгляд толкиенутого: мертвые, страшные и в черном... Неужели... как его там звали – Силыч, что ли – добрался аж досюда? Немудрено, что он рехнулся. Мысли метались в голове, а Глеб стоял, скорее реагируя на происходящее, чем веря в него.

И тут ближайший из нападающих замахнулся саблей. Она, может, и заржавела и притупилась от долгого хранения в подземелье, но все равно была смертоносной.

Как замороженный, Глеб смотрел, как сабля, описывая смертельную дугу, приближается к нему.

В этот момент Северин дернул друга за рукав, таща прочь.

– Отступаем! Ну что же ты стоишь! Бежим к коридору! Там они не смогут нападать всем скопом, как-ни-

будь отобьемся.

Только сейчас к Глебу вернулась способность двигаться.

Вместе с Северином он бегом отступил к узкому коридору и наконец сам выстрелил. Выстрел глухо бахнул в тишине полутемного зала. Кажется, Глеб куда-то попал, но это не остановило движения противника.

«Ну конечно, — подумал он, — они и так мертвы, что им лишняя пуля».

— Северин, — окликнул он друга, — Целься в голову.

Они оба прицелились. Выстрелы прозвучали синхронно, и один из наступающих тяжело упал на пол.

Так, хорошо. Но недостаточно — врагов все еще слишком много.

Глеб снова прицелился. Где-то на границах сознания фоновой мыслью мелькнуло понимание странности всего происходящего: мог ли он, Глеб, хотя бы представить себе, что будет отбиваться от наступающих, мертвых уже не одну сотню лет. Ситуация казалась настолько абсурдной, что о ней лучше было не думать — на всякий случай, чтобы не сойти с ума, не впасть в безумие, как несчастный диггер. Сейчас становилось понятно, что он только чудом остался в живых.

Еще один нападающий упал. Но в темноте зала, где словно клубилась тьма, возникали новые и новые силуэты.

Сколько же их тут! Враги были слишком близко. Глеб стрелял и стрелял, но пули не всегда попадали в цель: мертвые оказались неожиданно проворны.

Глеб покосился на хмурого Северина. Похоже, на этот раз они проиграли.

И в этот момент друг вдруг сделал то, чего Глеб никак не ожидал: рванувшись вперед, он выхватил бердыш у одного из только что поверженных Глебом противников и принялся размахивать им, рубя во все стороны.

Северин вертелся волчком, щедро рассыпая направо и налево удары. Ближайшие к нему опричники падали, как скошенная трава – кого-то он перерубал пополам, кому-то отсекал руку.

Глеб никогда не видел, чтобы кто-нибудь бился так яростно. Скорость и точность движений друга казались фантастическими. Сейчас перед ним был не привычный, спокойный и молчаливый Северин, а идеальная машина, созданная для убийства.

Только теперь Глеб наконец понял, что друг говорил об охватывающей его ярости. Это было действительно страшно, но... как не мог не признать Глеб, очень своевременно.

За спиной послышались быстрые шаги.

Глеб обернулся, выцеливая нового противника, и увидел Александру.

– Что ты здесь делаешь? – зло спросил он и отвер-

нулся, чтобы выстрелить в одного из окружающих Северина врагов.

– Я слышала выстрелы, – произнесла девушка. И ахнула.

Ага, заметила опричников.

Глеб только вздохнул. Девчонки, даже самые лучшие, все-таки не заслуживают доверия. Вот пожалуй-ста: прибежала в самую гущу боя. А здесь, между прочим, не игрушки, не Динкина компьютерная игра, где всегда можно перезагрузиться и вернуться к предыдущему сохранению. Здесь все на самом деле. Настоящая опасность и настоящая смерть.

– Уходи, – бросил он ей через плечо. – Здесь тебе не игротка.

Но тут же забыл об Александре. Пока он отвлекался на девушку, положение ухудшилось. Северина взяли в кольцо. Причем враги действовали слаженно и уже наловчились уклоняться от его бердыша. А один из них незаметно для Северина заходил ему за спину.

– Берегись! – закричал Глеб.

Северин не услышал.

Глеб до крови закусил губу. Здесь нужен точный выстрел. Малейший просчет, и пуля вместо врага попадет в друга.

«Расслабься, представь, что ты в тире», – велел он себе.

Евгений Михайлович сам учил Глеба стрелять. «Не

нервничай, иначе никогда не попадешь в цель, – бывало, повторял он. – Настоящий стрелок абсолютно спокоен. Всегда, что бы ни происходило».

Вот и сейчас Глеб усилием воли оключился от страшной картины боя и расслабил руку. Есть только он и его мишень. Между ними – невидимая нить. Палец мягко лежит на курке, пистолет – продолжение руки. Легкий щелчок, отдача...

Получилось! Опричник, уже занесший над Северином саблю, покачнулся и упал: пуля вошла ему точно в лоб.

Рядом что-то грохнуло.

Глеб с удивлением обернулся и увидел, что, пока он выцеливал противника Северина, к нему самому подобрался опричник, и Александра, ни слова не говоря, подобрала где-то увесистый кусок каменной плиты и теперь, держа его двумя руками (и как только подняла?!), обрушила на голову нападавшего.

– Ну ты даешь! – выдохнул Глеб.

Все-таки Александра – необыкновенная девушка. Никаких криков, истерик при виде оживших мертвецов. Саша была сосредоточенна и спокойна, словно находилась в библиотеке. Только лихорадочно-яркий блеск глаз и едва подрагивающие руки выдавали глубокое волнение.

– А ты отлично стреляешь, – отозвалась девушка. – Не прогоняй меня. Ну пожалуйста. Я могу помочь. А

Дина и Кирилл там в безопасности...

Глеб чувствовал: прогонять Александру нельзя. Она смотрела на него так умоляюще. Ясно же: только прогони – и она обидится. Смертельно. На всю жизнь.

И он махнул рукой:

– Ладно уж, оставайся. Только никуда не суйся. Стой за моей спиной. Договорились?

Саша с готовностью кивнула, и Глеб вернулся к стрельбе.

Он расстрелял все патроны, и большую часть – с пользой, но если бы не Северин, то вряд ли бы им удалось выжить. Северин сражался, как смерч, и не остановился, пока вокруг него не осталось только крошечное пространство. Только тогда он словно очнулся и с ужасом огляделся вокруг.

– Спасибо, ты нас спас, – сказал Глеб, пожимая другу руку.

Северин казался странно растерянным, словно только что пробудился после долгого сна.

– Ты хочешь сказать, что это все сделал я? – спросил он, недоверчиво косясь на Глеба.

– А ты действительно не помнишь?

– Берсеркерское затмение, – пробормотала Александра.

Северин опустил голову.

– Я не знаю, что со мной, – сказал он, глядя на пол... после битвы на нем не было ни единой капли крови

— ведь кровь в жилах их страшных противников давным-давно перестала течь. — Иногда я словно перестаю контролировать собственное тело, словно меня ведет какая-то сила...

— Интересно. — Александра задумалась. — Может, одержимость? Когда духи вселяются в чье-то тело... Впрочем, это слишком фантастически звучит.

Глеб усмехнулся.

— Что ты смеешься? — обиделась девушка.

— Да так. Ты вот говоришь «слишком фантастически». Даже на фоне того, что вокруг? — Глеб развел руками, показывая на останки. — Даже после сражения с уже много сотен лет мертвыми опричниками?

Александра промолчала.

— Ладно, пока что это не первостепенный вопрос, — снова заговорил Глеб. — Я не знаю, что здесь было, и не могу дать рационального объяснения. Оно, возможно, и есть, но думать будем потом... если выберемся... А пока, может, осмотрим сундуки?

С этими словами Глеб шагнул к ближайшему сундуку и откинул тяжелую, окованную железными пластинами крышку.

Внутри лежали книги... старые книги в массивных кожаных переплетах. Глеб поднял одну из них — тяжелая, сразу видно, не бумажная.

— Пергамент! — восхищенно выдохнула Александра. — И отличной выделки. Вы представляете, сколько

шкурки новорожденных ягнят пошло на эту книгу! Неужели мы нашли Библиотеку?!

Глеб бегло просмотрел содержимое сундука. Религиозные книги на латинском и греческом, все – рукописные, все – очень древние, до пятнадцатого века. Если это даже не знаменитая Библиотека Ивана Грозного, то ценность этой находки все равно головокружительно высока. Но где же главная Книга? Та, за которой они и пришли сюда, ради которой рисковали собственными жизнями?

В центре комнаты стоял большой сундук. Подойдя ближе, Глеб разглядел на его крышке полустертые символы и изображения. Среди них – солнечный диск, бычья голова, вставший на дыбы медведь... Символы Велеса.

Глеб попытался поднять крышку, но, несмотря на все усилия, она даже не пошевелилась.

– Идите сюда! – позвал он друзей.

Александра с явной неохотой отложила книгу, которую рассматривала, и подошла к нему. Северин, меривший шагами пространство комнаты, уже был рядом.

– Самое место Велесовой книге. Если она где и есть, то здесь, – сказал Глеб, поглаживая пальцем один из символов. – Но какой же этот сундук холодный!

Северин, тоже дотронувшийся до крышки, с удивлением посмотрел на друга:

– Разве? А мне показалось, теплый.

– Поможете открыть?

Александра нагнулась над крышкой, внимательно изучая узоры.

– Я думаю, здесь тоже нужно что-то нажать, как на той двери...

Глеб, сразу вспомнивший, что случилось в прошлый раз, поморщился.

– Вот ведь невезение, – вздохнул он. – Мы не можем рисковать... Может, вытащить сундук целиком и открывать его уже при дневном свете... Нет, слишком тяжелый. Даже волоком не утащим...

– А что тут открывать? – вдруг подал голос Северин. – Я думаю, вот сюда нажимать и нужно.

– Нет! – закричали Глеб и Александра в один голос. Но было уже поздно.

Глава 19

Мир рушится

Палец Северина нажал на один из вырезанных выпуклых символов, и тот бесшумно ушел вниз.

Глеб отпрянул от сундука и напрягся, ожидая всего, что угодно.

С минуту ничего не происходило.

«Может, повезет...» – думал он, впрочем, и сам не слишком веря в возможность благоприятного исхода.

Негромкий щелчок... Ну вот, начинается...

И тут крышка сундука вдруг распахнулась, открывая взглядам выкрашенное ярко-красной краской нутро.

Прямо посреди сундука лежала Книга.

Это была самая необычная книга, которую ребятам когда-либо приходилось видеть. Листы ее представляли из себя тонкие пластины из белого камня, на них – непонятные значки, видимо, буквы. Она излучала едва заметное матовое сияние.

От Книги веяло такой первозданной древней силой, что даже смотреть на нее было больно, и Глеб зажмурился.

– До чего же она прекрасна! – восторженно прошептала Александра, в волнении, сама не замечая того, стискивая руку Глеба. – Никогда не видела ничего по-

добного!

Они стояли и просто смотрели на Книгу, замороженные ее таинственной красотой и совершенством.

– И что теперь? – голос Северина разбил магию, и Глеб, почти растворившийся в созерцании, вернулся в реальный мир и вспомнил, что там, за спиной, ждут Кирилл и Динка. Уже давно, кстати, ждут... И из пробойны в потолке струится вода... И неподъемная каменная плита перегородила выход...

– Надо посмотреть, как там наши, – сказал он. – Но Книгу я здесь не оставляю. Ее нужно взять с собой... Вот только кто понесет, она же тяжелая.

Северин, не отвечая, стащил с себя куртку и бережно, словно ребенка, принялся заворачивать в нее Книгу.

Александра задумчиво посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Вот, однако, и добыча! – послышался из угла скрипучий старческий голос. – Хотя какая добыча? Вот когда чукча в тундру пойдет, оленя добудет, семью накормит – это добыча. А какой прок от глупой книги? От нее только беда! Послушай мудрого шамана, брось эту книгу!

Глеб оглянулся. Северин и Александра склонились над свертком, и, кажется, не слышали слов шамана. Неужели он, Глеб, все-таки сошел с ума?

– Не видят, не слышат, однако, – покачал головой

старик и, намотав на кулак одну из своих тонких заса-
ленных косиц, лукаво покосился на Глеба, – только ты
меня можешь видеть. Твоя тоже шаман, только другой,
не такой как я...

Глеб вздрогнул.

– Твоя – сильный шаман, но глупый, – добавил ста-
рик. – Оставь книгу, от нее много бед может быть.

– Я знаю. – Глеб нахмурился. – Но она и пользу при-
нести может. Мы не оставим ее, когда за нее уже за-
плачено дорогой ценой.

– Ага, – понимающе закивал шаман, – пока не так
много платили, однако. Всего двое товарищей – неве-
лика цена...

– Двое товарищей?.. – непонимающе повторил Глеб
и вдруг понял. – Динка! Кирилл! – закричал он, кидаясь
к выходу.

Александра и Северин устремились за ним.

Кирилл и Динка находились в центре комнаты. Они
стояли спиной к спине, по щиколотку в воде, а вокруг
них извивалось кольцами пламя, похожее на свернув-
шуюся огненную змею.

Глеб резко обернулся и встретился глазами со взгля-
дом мертвенных пустых глаз. Черная, местами прилип-
шая к телу сутана, густая всклокоченная борода, ко-
ричневая кожа, обтягивающая большелобый череп...
На парня, не видя, смотрел тот, кто прежде лежал у
входа. Тот самый, которого убил Малюта.

– Вы наруш-шили покой этого мес-ста. Вы ис-стре-били охранников, а значит, с-сами ос-станетесь з-здесь навс-егда. Вы с-сами будете охранять Книгу! – услы-шал Глеб голос, звучащий непосредственно в его голо-ве.

Вытянув костлявую иссохшуюся руку, мертвец шаг-нул к ним, и Глеб вдруг с ясностью понял, что на этот раз это действительно конец. Они прошли через мно-гие ужасы подземелья – преодолели яму, где кише-ли чудовища, прошли через коридоры, где не было ни пространства, ни времени, победили мертвых оприч-ников... Но все это оказалось сущим пустяком по срав-нению с тем существом, что стояло сейчас перед ни-ми. Глеб ясно чувствовал, как оно зло и... голодно... их живое тепло неудержимо влекло его.

– Ну уж нет! – сказал вдруг Северин, выступая впе-ред.

Чернобородый словно в нерешительности остано-вился.

Он с минуту словно прислушивался к новому про-тивнику. Неуверенность, сомнение и... боязнь смеша-лись в нем.

– Хоз-зяин?..

На этот раз голос звучал почти заискивающе.

– Что?..

Северин не успел договорить, потому что Глеб изо-всей силы пихнул его локтем в живот. Что бы это ни

было, ситуацией следовало воспользоваться.

– Соглашайся! – прошептал он одними губами.

– Мммм... да... Хозяин, – выдавил из себя Северин.

Глеб в отчаянии закрыл глаза: совсем не убедительно! Сейчас чернобородый колдун, или кто он там, сострет их в порошок.

Но, как ни странно, существу оказалось достаточно даже такого невнятного согласия, и оно, бухнувшись на залитый водой пол, простерлось перед Северином.

– Приказывай, хоз-зяин! – послышался его смиренный голос.

– Отпусти их, – велел Северин, кивнув в центр комнаты, где до сих пор стояли Дина и Кирилл.

– С-с-слушаюсь!

Скупой жест иссушенной руки, и Динка с Кириллом оказались свободны. Оба выглядели не лучшим образом и едва держались на ногах.

– Все в порядке? – спросил Глеб, быстро оглядывая друзей.

Те вяло покивали. Похоже, общение с мертвым колдуном не пошло им на пользу. «Да он, пожалуй, выпил их силы. Надо быть поосторожнее», – подумал Глеб.

«Что дальше?» – спросил его Северин взглядом.

Дальше нужно было освободить проход и перекрыть течь. Уровень воды к этому времени поднялся уже почти до колен, и с каждой минутой вода прибывала быстрее и быстрее. Еще немного – и уже ничем не сдер-

живаемый поток хлынет в тайник, где хранится драгоценная Библиотека. Конечно, уровень пола там гораздо выше, но все же рисковать никак нельзя.

– Прикажи поднять на место камень, – прошептал Глеб.

Северин откашлялся. Видно было, что вся ситуация кажется ему абсолютно безумной.

– Подними плиту, закрывающую выход, и поставь ее на место, – наконец, велел он, стараясь говорить как можно увереннее.

Глеб едва заметно поморщился: умение отдавать приказы не являлось сильной стороной Северина.

Однако колдун по-прежнему низко поклонился и прошипел свое «с-с-слушаюсь».

Затем он повернулся к плите и забормотал что-то невнятное, воздев к потолку руки. Глеб заметил, что медный амулет на его груди слабо светится.

И тут плита действительно поднялась и, поплыв вверх, встала точно в свои пазы. Клац – и снова наступила тишина.

– Что еще прикаж-жешь, хоз-зяин?.. – слышался вкрадчивый шепот.

– Ничего, – машинально ответил Северин, оглядываясь на друзей.

– З-значит, д-добрый хоз-зяин отпускает меня?

Шепот обволакивал, точно толстое ватное одеяло.

– Нет, – сказал Глеб, чувствуя, что дело нечисто.

– Да, – одновременно с ним произнес Северин.
Секунда, и к их ногам рухнула пустая черная ряса, а за спиной загрохотало.

– Библиотека! – вдруг закричала Александра. – Там рушится потолок!

Она хотела кинуться в коридор, но Глеб успел перехватить девушку и прижать к себе.

– Пусти! Там книги! – кричала Александра, зло вырываясь из его рук.

– Не пущу. Уже поздно, ты сама зря погибнешь.

Меж тем волна разрушения докатилась до помещения, где они находились. Плиты на потолке задрожали.

– Бежим! – закричал Северин. – Сейчас все здесь рухнет!

Глеб, схватив за руку Александру, потащил ее к выходу. За ним следовали Северин, несущий драгоценную Книгу, Динка и Кирилл.

– Должок, молодой шаман! За тобой должок, однако! – слышался вслед им шепелявый старческий голос.

Сами не зная как, друзья очутились в тюремном зале.

За спиной гудело и грохотало, а потом вдруг неожиданно затихло.

– Подождите, я сейчас. – Глеб выпустил руку рыдающей Александры и прошел назад.

Коридор, по которому они вышли к Библиотеке, об-

рывался свежим завалом.

Теперь секретное хранилище Ивана Грозного оказалось окончательно запечатано, и только воды Москвы-реки, протекающей над ним, знали его тайну.

* * *

Путь назад оказался гораздо короче, чем это помнилось Глебу. Удивительно, словно время здесь имело особенность то растягиваться, то сжиматься, как пружина.

Вот и яма, где нечто пыталось утащить Кирилла.

На сей раз переправа прошла удивительно легко. Правда, Кирилл и Динка двигались из последних сил. Встреча с колдуном и последующее бегство окончательно их вымотали. Оба то и дело спотыкались, едва не падали.

— Все! — решительно объявил Глеб, который теперь шел последним и давно наблюдал бедственное состояние своей команды. — Сделаем привал. Немного отдохнем и двинемся дальше.

Все с облегчением опустились на землю, а Кирилл и Динка незамедлительно заснули, словно провалились в глубокий обморок.

Глеб тоже устал, однако сна не было ни в одном глазу. Напротив, его терзало беспокойство, заставившее

встать на ноги и мерить нетерпеливыми шагами узкое пространство темного коридора.

Нельзя сказать, чтобы экспедиция провалилась. Да, они, похоже, добились цели. Книга у них. Но сколько ценных книг из великой Библиотеки если и не погибли, то оказались надежно замурованы. На годы, если не на века... И слова старого шамана о том, что Книга приносит беду, все еще продолжали тревожить...

– Глеб, а что теперь с Библиотекой? – тихо спросила подошедшая Александра. – Неужели Либерия потеряна окончательно? Никогда себе не прощу!

Глеб невесело ухмыльнулся – девушка словно озвучивала его собственные мысли.

– Ты не виновата, – наконец, сказал он. – Никто из нас не виноват. Нам еще повезло, что мы выбрались оттуда живыми. Если бы не Северин...

Глеб не договорил, поскольку теперь, когда опасности остались позади, вдруг соотнес все странные факты. Вот Северин в Александровском подземелье один поднимает тяжеленный неподъемный люк, вот он удерживает и вытягивает из ямы Кирилла... Не поддается странной магии темноты и выводит товарищей из туннеля... А затем бьется с мертвыми опричниками так, словно они – всего лишь кучка взбесившихся крыс... Открывает сундук, поднимает Велесову книгу... а мертвый колдун называет его Хозяином.

Не слишком ли много для того, чтобы объяснить про-

исходящее простым везением или чередой совпадений? Слишком длинная цепочка получается.

– Северин, подойди, пожалуйста, на минутку! – окликнул друга Глеб.

Северин, устроившийся неподалеку от спящих, с готовностью встал и подошел к Глебу.

– Слушай... – Глеб замялся. То, что он собирался спросить, выходило за рамки его собственных представлений. – Слушай, а ты вообще кто? – наконец, решился он.

Северин, в свою очередь, явно растерялся.

– Ты о том, почему ко мне тот в черной рясе так обращался? – парень развел руками. – Не знаю. Честное слово, не знаю.

– Может, потому, что у тебя была Книга? – предположила Александра.

Это объяснение, в принципе, казалось Глебу логичным, но каким-то... может быть, слишком простым? Или не стоит усложнять все?

– Не знаю, – повторил Северин. – Но знаете, там у меня вдруг появилось странное чувство... Ну, вроде того, что я все могу, что я сильнее, чем всегда... Сам не понимаю, что за чертовщина. Может быть, со мной что-то не так?..

Он выглядел по-настоящему расстроенным, и Глеб ужасно на себя рассердился. Все они едва спаслись от смерти, уцелели, что называется, чудом, имеет ли

он право задавать вопросы, не доверять Северину – товарищу, который прошел с ним так много испытаний, который не раз за этот долгий день спасал их, буквально вырывая из крепких объятий смерти.

– Не говори глупости! – Глеб встряхнул друга за плечи, стараясь привести его в чувство. – Ты в полном порядке. И... вот что я еще думаю. Возможно, мы собрались все вместе не случайно. Видимо, придется признать: у реальности есть своя изнанка – мир, полный тьмы, в котором все подчинено своим законам. Здесь бродят странные существа и действует древняя магия. Можно было бы не поверить в это, но как не верить собственным глазам?

– Я верю в существование того мира, о котором ты говоришь, – тихо сказала Александра. Ее голос звучал глухо, и Глеб вдруг подумал, что она, возможно, уже сталкивалась с чем-то подобным. Наверняка у девушки есть своя тайна.

Под взглядами друзей Саша опустила голову, уставившись в пол, но больше ничего не сказала.

Ну что же, каждый имеет право на тайну.

Теперь Глеб не сомневался, что каждый из членов команды вовсе не прост. Он сам, как говорила Светлана, Харон – тот, кто способен видеть сквозь время, Северин обладает странной силой, превосходящей возможности обычного человека... а что могут Александра и Дина? Вероятно, время покажет. Не стоит торо-

пить их. Придет срок – и все секреты раскроются, каждый в свой черед.

– Значит, нам придется научиться жить по законам этого теневого мира, – подытожил Глеб, – или отказаться от поисков артефактов.

– Зачем же так сразу и отказываться? – удивился Северин. – Я думаю, со всем разберемся. Вот сегодня же выпутались как-то.

– Вот именно, что как-то, – покачала головой Александра. – Но я тоже считаю, что мы не можем, не должны отступать.

– Вот и хорошо. – Глеб вздохнул с облегчением. Неужели ему самому уже нравится ходить по краю?.. – Ладно, потом разберемся... – продолжил он. – Сейчас надо о другом подумать. О том, как нам быть с Кириллом.

При неярком свете механического фонарика бледное испачканное лицо Кирилла казалось беспомощно-жалким.

В теплом уютном мирке школы Глеб четко понимал, что свидетелей быть не должно. Их миссия очень важна и исключительно секретна. До такой степени, что им позволялось все. Даже то, что в каком-нибудь фильме назвали бы крайними и непопулярными мерами.

Реальность была другой.

Кирилл Петров, их невольный конкурент и недавний преследователь, был лет на десять старше само-

го Глеба, однако теперь казался Глебу бесконечно мо-
ложе и наивнее. Кирилл – громкоголосый, немного ба-
хвалящийся, все-таки оказался неплохим парнем и во-
все не трусом. Не всякий дерзнет пойти в одиночку в
проклятые шахты. Он не сломанная кукла. Его не сбро-
сишь как ненужный балласт.

Кирилл что-то пробормотал во сне и слабо взмахнул
рукой, словно защищаясь от кого-то.

И в этот момент Глеба осенило. Решение было до ге-
ниальности простым и единственно возможным в дан-
ной ситуации.

– Северин, Саша, – обратился он к товарищам. – По-
жалуйста, ничему не удивляйтесь и подыграйте мне,
когда я буду разговаривать с Кириллом. Поверьте, это
лучший вариант и для нас, и для него.

Друзья кивнули. Не задав ни единого вопроса. Ну что
же, на то они и друзья. На то они и команда.

* * *

– Просыпайся, пора возвращаться.

Кто-то затряс Кирилла за плечи.

Кирилл неохотно открыл глаза. Темнота... Только
бледный свет механических ручных фонариков...

Кирилл глухо застонал. Болела нога, а во всем теле
ощущалась слабость.

Он в подzemелье, куда спустился вслед за этими странными ребятами. Но что было дальше?.. В сознании всплывали образы – такие странные и чудовищные, что Кириллу не хотелось в них верить.

– Хорошо, что с тобой все в порядке, – произнес тем временем склонившийся над ним Глеб. – Знаешь, мы очень за тебя волновались.

Кирилл заморгал и затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок.

– А что случилось? – наконец, осторожно поинтересовался он.

– Ты не помнишь? – Глеб сочувственно вздохнул и присел перед парнем на корточки.

– Какие-то существа в яме, которые пытались утащить меня... Бесконечные коридоры... Комната-ловушка... и тот... – Кирилл вздрогнул. – Тот, в черной рясе. Он был не живой!

– Северин, – Глеб оглянулся на друзей, – намочи, пожалуйста, повязку водой. Кирилл еще не пришел в себя... Ты что, действительно думаешь, что здесь есть монстры или мертвецы в черных рясах? – спросил Глеб, снова поворачиваясь к Кириллу. – Это только у Динки в компьютерных играх. Боюсь, ты видел сон. Возможно, очень яркий и действительно страшный, но всего лишь сон.

– Сон?.. – Кирилл недоверчиво ощупал саднящую ногу, пока Северин обвязывал ему голову политым из

фляжки бинтом. — Но я же помню, и нога...

— Правильно, ты зацепился за какой-то провод, упал и, похоже, серьезно приложился головой, — терпеливо объяснил Глеб. — К счастью, мы вовремя заметили слежку, вернулись и обнаружили тебя здесь. Кстати, зачем ты пошел за нами?..

— Мне позвонил Колян... Мой хороший приятель. Мы с ним когда-то учились и до сих пор отношения поддерживаем... — начал объяснять Кирилл, ощущая странное чувство, называемое французами дежавю. — А Библиотека? Вы нашли Библиотеку Ивана Грозного?

Глеб серьезно покачал головой:

— Там, в конце коридора, завал, а что за ним — не помечусь. Если Библиотека и там, она надежно погребена. Наверное, есть такие вещи, которые должны оставаться в области мечты. Я, например, уже смирился с этим. А ты?..

Все было слишком странно и до сих пор не укладывалось в сознании Кирилла.

— Ну что, если ты можешь идти, пойдем. Пора возвращаться, — продолжил Глеб, подавая Кириллу руку. — Попробуй встать.

Кирилл оперся на протянутую ладонь и с трудом поднялся. В теле ощущалась огромная слабость. Его шатало, как когда-то после тяжелой болезни, но идти он, кажется, мог.

— Пойдем, — пробормотал Кирилл, чувствуя, будто

заблудился на границе миров. Подземелье давило на него, и больше всего на свете ему хотелось выйти на солнце.

– Пойдем, – отозвался Глеб.

И они пошли.

Глава 20

Солнце над Москвой-рекой

– Ну что же, вы молодцы.

Евгений Михайлович лично пожал руку каждому из «русичей» – от Глеба до Динки.

В широко раскрытое окно кабинета заглядывало солнце, а из сада доносились мелодичные голоса птиц. Сейчас, когда все ужасы были позади, прошлое казалось странным приключенческим сном.

– Признаться, я с самого начала верил в вас. Ведь, согласитесь, никто другой не прошел бы через то же, что и вы. Ни один самый умный и опытный взрослый. – Евгений Михайлович подмигнул, и от этого его лицо стало совсем своим – милым и домашним.

Ребята переглянулись.

– Наверное, нет, – наконец, произнес Глеб. И все же решил задать вопрос, который мучил его уже долгое время. – А почему вы все-таки выбрали именно нас? Ведь не только из-за моих или Сашиных знаний или хорошей спортивной подготовки Северина? Наверное, было еще что-то?

Евгений Михайлович хмыкнул, на минуту отвернулся к окну, а когда вновь посмотрел на учеников, его лицо было серьезным и сосредоточенным.

– Нет. Не только поэтому. В вас есть еще кое-что. Вы не совсем такие, как обычные люди.

Глеб почувствовал, как сердце ударило где-то на уровне горла. Дышать сразу стало трудно. Неужели все его детские фантазии, над которыми так смеялись в детском доме, те, из-за которых произошел разлад с Хохликом... неужели они имеют под собой реальную основу?.. Он знал, он всегда знал это!

Мельком взглянув на друзей, Глеб заметил, что Александра напряглась и словно бы побледнела, Динка смотрит на директора, чуть прищурив глаза – то ли иронично, то ли недоверчиво, один Северин сохранил обычно безмятежное выражение лица.

– Вы все – совершенно особенные, – продолжил директор, глядя на стоящих перед ним учеников. – Потому что у каждого из вас – уникальная сила духа, огромный потенциал и настоящее желание приносить пользу. Не это ли настоящее доброе волшебство, способное противостоять любому злу?

Глеб отвел взгляд – разочарование оказалось слишком сильным.

Но как же то, что он ясно чувствовал там, в подземелье, стоя рядом с друзьями? Нет, это не было галлюцинацией.

Глеб поднял голову и встретился взглядом с внимательными глазами директора. Где-то в самой их глубине едва заметно светилась тайна.

«Ну уж нет! Все не так просто! – понял вдруг парень. – Должно быть, еще не пришло время, чтобы открыть нам все карты. Но когда-нибудь мы обязательно все узнаем!»

Евгений Михайлович едва заметно наклонил голову, словно подтверждая предположение своего любимца.

– А теперь что? – спросил Глеб, вдруг почувствовав, что после полного опасностей и в то же время романтики приключения ему будет не хватать этого... драйва.

– Теперь? Возвращайтесь к учебе, – Евгений Михайлович широко улыбнулся, – вы еще далеко не всему научились... – но, видя разочарованные лица своих воспитанников, продолжил: – Но не волнуйтесь, будут вам еще задания. И, возможно, скорее, чем вы предполагаете.

– Ну вот, опять за парту, – недовольно прошипела Динка. – А у других сейчас каникулы! – Она кинула завистливый взгляд в окно, где вовсю бушевало лето, а на тонком деревце возле школы уже начали розоветь первые в этом году вишни.

– А вы хотели бы отдохнуть? – Евгений Михайлович поднял очки на лоб. – Ну хорошо. На самом деле, отдых вы заслужили! Объявляю двухнедельные каникулы.

– И отмены овсянки на завтрак! – поспешила закрепить достигнутый результат Дина. – Вместо нее можно

давать, например, творожные колечки.

– А вот это – чрезмерно. И тренировки, между прочим, тоже никто не отменял, – заметил директор, возвращаясь за свой стол. – Поймите, все это – не моя прихоть, а необходимость. Тот, кто хочет оставаться в команде, должен быть всегда в форме. Понятно?

Ребята кивнули, а Динка тяжело вздохнула, являя собой очевидный пример угнетаемого ребенка. Но потом, похоже, какая-то мысль пришла ей в голову, потому что девочка заметно повеселела.

Глеб вышел из кабинета, думая о своих друзьях, но эти размышления прервала знакомая мелодия мобильного.

«Оля!» – понял Глеб и, забыв обо всем, отошел к двери.

– Привет! Я ужасно скучала! – послышался из трубки бесконечно родной голос.

– Я тоже, – ответил Глеб, задыхаясь от счастья.

– Но... я должна попросить тебя кое о чем, – произнесла девушка нерешительно.

– Да? – Глеб напрягся. Неужели она опять потребует объяснений.

– Мой папа просил тебя зайти как-нибудь к нам...

– Хорошо, я свободен. Хочешь, сегодня же вечером?

– Да, хочу! – радостно откликнулась Оля.

В ее голосе было столько теплоты, что сердце Глеба вновь растаяло. Что бы ни сказали ее родители, как

бы ни пугал его ее папа, он все равно ни за что не откажется от Ольги. Она – лучшее, что есть в его жизни. Она и ребята, конечно.

* * *

На этот раз Глеб пришел без торта. Все равно ему никогда не выбрать такой, какой понравится всей семье, да и разговор, он чувствовал, предстоял серьезный. Значит, нужно соответствовать.

«Kawasaki» остался припаркованным возле подъезда, а Глеб, пригладив рукой растрепавшиеся под шлемом волосы, вошел внутрь и поднялся на нужный этаж.

– Оля, Машенька! К нам гость! – объявил Ольгин отец куда-то в глубину квартиры. – Накрывайте на стол, а мы с молодым человеком пока побеседуем.

Глеб, и так обеспокоенный, весь подобрался. Он чувствовал себя разведчиком в тылу врага, партизаном, приведенным во вражеский штаб.

Олин отец провел его в комнату и, усевшись на низкий диван, показал на место рядом с собой.

Глеб, уже настроившийся на допрос, опустил рядом с ним, не облокачиваясь на спинку дивана.

Некоторое время полковник Поляков молчал. Глеб, как опытный игрок, ждал его хода.

– Глеб, – вдруг заговорил полковник, – я, конечно, по-

вел себя как старый дурак и, кажется, напугал тебя. Не обижайся. Пойми, не каждый день единственная дочь приводит в дом... хммм... молодых людей. Не принимай, пожалуйста, на свой счет. Я достаточно разбираюсь в людях, ты мне сразу понравился, и мне досадно, что между нами возникло некое... ммм... напряжение. Не скрою, я навел о тебе кое-какие справки и понимаю, что ты не станешь открываться перед первым попавшимся человеком. Я и не претендую на твое доверие. Может быть, когда-нибудь, со временем. А пока знай, что я не буду вмешиваться в ваши отношения с Ольгой. Она уже взрослая девочка и способна решать за себя сама. А еще знай, что если тебе потребуется совет или помощь, смело обращай ко мне.

Глеб, ошарашенный этими неожиданными словами, уставился на Полякова. Тот улыбнулся. Серые глаза оставались спокойными и ясными. Непохоже, чтобы Ольгин отец лгал или играл спектакль...

Но все это оказалось так неожиданно.

– Спасибо... – пробормотал Глеб.

– Да не за что. – Поляков протянул ему руку, и парень с радостью пожал его крепкую ладонь. – Ну что, пойдем пить чай. Нельзя заставлять прекрасных дам ждать, не так ли?

– Так, – ответил Глеб и тоже улыбнулся.

А потом они с Ольгой, взявшись за руки, шли по набережной Москвы-реки, уже позолоченной вечерними

лучами. И тепло ее руки согревало Глеба, заставляло забыть о мраке подземелий и всех ужасах, которые пришлось пережить. Все это ерунда, когда рядом та, которая заставляет сердце биться сильнее, та, которая дарит веру в жизнь. Ему не нужно сакральной Велесовой книги, чтобы точно знать: они предназначены друг для друга, а значит, будут вместе, что бы ни случилось. Их любовь – самое дорогое сокровище и самое большое чудо. По крайней мере, для Глеба.

– Протяни руку, – попросил Глеб Ольгу, останавливаясь у парапета.

Она протянула, и Глеб приблизил к ее пальцам свои, а потом достал из кармана завалявшуюся монетку и положил ее туда, где руки соприкасались.

– Теперь убери пальцы, – сказал он.

Девушка удивилась, но выполнила его просьбу, и монетка тут же упала в пыль.

– Видишь, – Глеб улыбнулся, – нам с тобой нужно всегда быть вместе. Эта монетка – как наше счастье, оно с нами, только пока наши руки соединены.

– Ты прав, – сказала Ольга, серьезно глядя в его глаза.

Ее рыжие волосы блестели в свете фонарей, а глаза казались бездонными.

Счастье было везде. Оно наполняло остывающий после дневного зноя воздух, плескалось в полноводной реке, скользило по щеке легким прикосновением

ветра.

Глеб держал Ольгу за руку и необычайно ясно осознавал, как ему повезло. Этот город, эта девушка – у него есть все, что нужно... Он никогда не выбрал бы иную судьбу. И, в конце концов, не так уж важно, знаешь ли ты своих родителей.

Вечером, вернувшись в школу, Глеб почти не сомневался, кого встретит в собственной комнате. И действительно, стоило только открыть дверь, как сумрак колыхнулся, открывая высохшую старческую руку. Секундой спустя из-под мехового капюшона выглянуло сморщенное лукавое лицо.

– Ну что, молодой шаман, твоя довольна? – спросил старый шаман, причмокивая растрескавшимися губами.

– Вполне, – ответил Глеб, который в этот момент действительно не мог представить, что может быть большее счастье.

Старик покачал головой – на этот раз Глебу показалось, что не иронично, а как-то даже грустно...

– Совсем молодой, совсем глупый, – прошамкал старик, перебирая рукой свои косицы.

Глеб положил шлем и снова обернулся к старику.

– Ты, конечно, хочешь наконец получить свой бубен?..

И тут старый шаман вдруг покачал головой.

– Что? Не хочешь? – удивился Глеб.

– Не хочу, однако, – задумчиво проговорил старик, – лучше моя с вами останется. Чую, будет старому шаману на что посмотреть...

– Но... – договорить Глеб не успел, потому что остался в комнате один – призрак исчез, словно его и не было.

Вокруг было тихо, и только где-то вдалеке надрывно выла собака...

Что же, видно, и вправду приключения не закончились.

* * *

Северин спал и видел себя в лесу. Это был совершенно необычный лес. Во-первых, все деревья здесь были великанами, уходящими кронами далеко-далеко в небо, во-вторых, нигде не было заметно подлеска – только старые деревья и красная глинистая, местами растрескавшаяся почва, а в-третьих, никаких звуков – только легкий шепот листвы.

Но Северину не было страшно. Напротив, он чувствовал, что наконец очутился дома. Внимание, любовь и забота окутывали его невидимым коконом.

– Приветствуем тебя, брат, – шептали ему деревья. Где-то вдали, сквозь стволы, виднелось сияние, и Северин понял, что идти нужно туда. Он сам не знал,

что ждет его в конце пути, однако на сердце было спокойно и радостно.

Он сначала пошел, а затем побежал навстречу золотому мареву.

Бежать было необыкновенно легко – ноги едва касались земли, а за спиной словно выросли невидимые крылья. Сердце колотилось в такт – взволнованно и радостно. Северин твердо знал: сейчас произойдет что-то особенно хорошее, то, чего он ждал уже давным-давно.

Вот и конец леса. Сияние уже совсем близко...

– Ты здесь, мой мальчик? – послышался полный заботы голос.

– Я здесь, – ответил Северин и шагнул, чтобы выйти на свет...

...И проснулся. С бешено колотящимся сердцем и горечью от потерянного чуда.

Как же ему хотелось сделать тот шаг и досмотреть удивительный сон!

В окно заглядывала луна. Она была похожа на насмешливый смайлик.

«Пусть сон вернется!» – взмолился про себя Северин, зажмуривая глаза. Но сон так и не вернулся...